

Александр ПЕТРУШИН

На задворках
Гражданской войны

Расследование обстоятельств сокрытия в 1919—1922 годах в Среднем Приобье
и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения

00,3
ПЗО

ВЕЧНОМ)

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

63.3 (2Рос-4Тюм)
П30

Александр ПЕТРУШИН

На задворках Гражданской войны

Книга третья

ЖК
— 82816-1/1

Мандр и Ка
Тюмень
2006

Муниципальное учреждение
культуры
Централизованная библиотечная
система г.Тюмени
Ул.Луначарского, 51

Седая старина помнит...

ББК 83.3

П 30

- П 30 Петрушин, А. А. На задворках Гражданской войны: книга третья / Александр Петрушин. — Тюмень : Мандр и К^а, 2006. — 192 с.

Уже третью книгу подряд автор ищет вместе с читателем клад — сокрытые на Обском Севере ценности Сибирского белого движения. Нехоженными тропами архивов, неопубликованных документов, воспоминаний участников того времени удастся приблизиться к разгадке. Но вот насколько близок клад?

Адресована массовому читателю.

© Петрушин А.А., 2006.

© Кухтерин А.С. (обложка), 2003.

© Мандр и К^а (оформление), 2006.

ISBN 5-93020-371-7

От автора

Революционные клады оставили значительный след в советской литературе. Сюжетная завязка о буржуях, возвращающихся в Советскую Россию за спрятанными сокровищами, прослеживается в книгах самых разных авторов — от Михаила Булгакова до Анатолия Рыбакова.

Постсоветское время подарило охотки увлекательных историй о кладах, пусть и выдуманных, но выдуманных изобретательно, правдоподобно. Там и таинственные ночные тени, и загадочные убийства, и загробные голоса, и жуткие видения.

Но ранее недоступные чекистские документы и секретные отчеты кладоискателей из НКВД интереснее выдуманных историй. И страшнее.

... дела минувших дней

Об авторе

Александр Антонович Петрушин родился 15 марта 1950 года в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии, с 1975 года — в органах государственной безопасности. Был заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу, заместителем начальника Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Полковник. С ноября 2003 года в отставке. Член Союза журналистов России. Автор книг «“Мы не знаем пощады...”»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ» (1999 г.), «На задворках Гражданской войны» (расследование обстоятельств сокрытия в 1919—1922 годах в Среднем Приобье и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения (2003—2004 гг.), «Запрещенные солдаты» — в соавторстве с Р.С. Гольдбергом (2005 г.) и документальных фильмов: «Приди и возьми» (о ссылке в Обдорск актеров МХАТа), «Мальчиш останется мальчишем», «Как убивали Павлика», «Главная тайна разведчика Николая Кузнецова», «Дивизии, пропавшие без вести», «“Цеппелин” над Югрой» и др.

Драма на охоте

7 августа 1935 года в Омске хоронили Николая Алексеевича Долгирева, члена Омского обкома ВКП(б), начальника Нижне-Иртышского государственного пароходства. По официальным данным, он погиб на охоте в результате несчастного случая. О месте трагедии и ее обстоятельствах не сообщалось.

Для расследования гибели Долгирева в Омск приехал следователь по важнейшим делам при прокуратуре Союза ССР Лев Романович Шейнин, будущий писатель, автор знаменитых «Записок следователя».

Результатами оперативно-следственных мероприятий активно интересовался народный комиссар внутренних дел СССР Генрих Григорьевич Ягода. Для этого интереса у него были все основания: Долгирев состоял в запасе НКВД и считался нерядовым чекистом.

Он родился в 1889 году в селе Старое Сандалово Щербаковской волости Весьеганского уезда Тверской губернии в бедной крестьянской семье. Однако в изданном в 1923 году справочнике «Тюменский губернский исполнительный комитет (гор. Тюмень, угол улиц Иркутской и Республики)» Долгирев назван «питерским пролетарием, токарем по металлу, членом РКП(б) с 1909 года, несколько раз

подвергавшимся арестам, отбывавшим заключение в «Крестах» и 5-летнюю ссылку в Якутске, членом Питерского совета, председателем Весьеганского уездного исполкома, членом Тверского губисполкома и председателем Тверской губчека...».

По партийной мобилизации он отправился на Восточный фронт с отрядом иваново-вознесенских рабочих, которыми командовал Дмитрий Андреевич Фурманов. Этот отряд составил костяк Александрово-Гайской группы войск, возглавляемой амбициозным, но талантливым боевым командиром Василием Ивановичем Чапаевым.

О царивших среди чапаевцев буйных партизанских нравах свидетельствует история с полковым оркестром.

При взятии Уральска Пугачевский полк разжился большим военным оркестром. Каждый день под оркестровую музыку бойцы маршировали по городу: командиру полка Плясункову это очень нравилось. Но «музыка» не понравилась Михаилу Васильевичу Фрунзе, назначенному 26 декабря 1918 года командующим 4-й армией Восточного фронта. Он приказал: «Оркестр сдать политотделу 22-й дивизии». Плясунков ответил: «Товарищ Фрунзе, пути, которыми я добывал оркестр, никому не заказаны, а потому оркестр не отдам...».

Фрунзе: «За невыполнение приказа объявляю выговор, оркестр отдать».

Плясунков: «Выговор считаю незаслуженным, снимаю с себя обязанности комбрига».

Фрунзе: «Объявляю выговор вторично, оркестр отдать, продолжать командование бригадой».

Плясунков: «Оркестр в полном составе направить в распоряжение командарма Фрунзе».

Порядок в красных войсках стал устанавливаться, и в этом заслуга не только Фрунзе и его помощников, но и чекистских методов Долгирева.

В мае 1919 года части Александрово-Гайской группы были реформированы в 25-ю стрелковую дивизию. По мощи она напоминала армию, включая в себя 11 пехотных и 2 кавалерийских полка, 2 разведывательных кавдивизиона, 24 орудия, 4 броневика, 4 аэроплана, курсантскую школу и спецподразделения. Фурманов получил при Чапаеве должность комиссара, а Долгирев возглавил дивизионный политотдел. Первое время их отношения складывались довольно сложно, однако потом переросли в тесную боевую дружбу.

Чапаевцы удачно действовали под Бугульмой и Белебеем, причем на их сторону даже перешел набранный из принудительно мобилизованных крестьян полк из 1-го Поволжского армейского корпуса генерала Владимира Оскаровича Каппеля. Но на рубеже реки Белой красное наступление застыло. Попытка переправиться южнее Уфы закончилась неудачей. Зато к северу от города красные захватили два парохода. Сюда же согнали лодки, и образовалась вторая переправа. Белые поначалу сочли ее демонстрацией. Именно здесь под прикрытием массированного артиллерийского огня Чапаев перебросил на правый берег сначала два батальона пехоты, затем первую бригаду, прорвал оборону колчаковцев и захватил плацдарм для успешного развития Уфимской операции.

Пытаясь сбросить противника в реку, каппелевцы бросались в штыковые атаки, но всякий раз откатывались обратно. Одна из таких «психических атак» и была показана в фильме «Чапаев».

Только в кино она изображена неверно. У Каппеля не было офицерских полков, черно-белой марковской формы, корниловских черепов вместо кокард и черных махновских знамен. А ижевцы и у Колчака продолжали воевать под красным знаменем, а в атаки ходили с «Варшавянкой».

Белых встретил шквальный огонь десятков орудий и пулеметов. Неся огромные потери, каппелевцы все же сошлись врукопашную. При налетах неприятельских аэропланов был ранен Чапаев, контужен Фрунзе. Фурманов и Долгирев подняли красных бойцов в контратаку — на поле боя остались тысячи трупов.

Вечером 9 июня чапаевцы с двух сторон ворвались в Уфу и перерезали железную дорогу на Челябинск. Корпус Каппеля начал отход к Уральским горам. После поражения между Волгой и

Уралом белое движение на востоке медленно, но неуклонно покатило к своей гибели.

Владимир Ильич Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над

*Комбриг
Н.А. Долгирев.
г. Ходженг,
1927 г.*

Колчаком» писал: «Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов во всех их прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми надо быть беспощадным».

Учитывая это указание, Долгирев организовал Уфимскую губчека для борьбы с политическим и уголовным бандитизмом в Башкирии.

Тогда в сотрудники ЧК нередко попадали весьма случайные и сомнительные люди. В такой обстановке многое зависело от местных руководителей чрезвычайных комиссий. Долгирев немало сделал для того, чтобы обуздать преступность в крае. Он сурово относился и к самим чекистам, совершившим преступление, например, в тех случаях, когда они пытались присвоить конфискованные при обысках ценности.

На «укрепление местных чекистских органов» в Уфимскую губернию прибыл Евгений Александрович Тучков. Противоречивая, непонятная, странная личность.

Родился в 1892 году в деревне Тепляково Суздальского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье. О его дореволюционной жизни известно мало: окончил четыре класса училища и годичные общеобразовательные курсы, работал подсобным рабочим обувного цеха, выбился в фабричные конторщики (в 20-е годы попытался получить

высшее образование — поступил в МГУ, но сумел проучиться лишь год и бросил учебу). Всю Первую мировую войну просидел за письменным столом, служил писарем в различных воинских частях. В 1918 году вернулся в Иваново-Вознесенск и почти сразу же поступил в местную губчека.

В Уфе он возглавил чекистский отряд особого назначения и отличился в подавлении крестьянского восстания в Мензелинском уезде, которое имело еще одно название — восстание «Черного орла», оттого, что «...крестьянин, сбросивший иго коммунистов, подобен черному орлу». Число восставших доходило до 40 тысяч. Вооруженные вилами, топорами и пиками крестьяне окружили город Белорецк и станцию Златоуст, где захватили здание военного комиссариата и телеграф. Повстанцы подошли к городам Чимшов, Бирск, Уфа.

Лишь спешная переброска боевых частей из других районов и поголовная мобилизация всех членов партии в Уфимской, Челябинской и Казанской губерниях помогли переломить ситуацию в сторону советской власти. При подавлении восстания применялись жестокие меры — взятие заложников, расстрелы без суда и следствия. Только по Мензелинскому уезду повстанцы потеряли 1253 человека убитыми. Потери сторонников Советов составили 163 убитых. К середине марта 1920 года восстание «Черного орла» было подавлено.

Тучков перешел на службу в центральный аппарат ВЧК, где возглавил 6-е отделение секретного отдела, занимавшегося антирелигиозными делами.

Вскоре «борьба с церковной контрреволюцией» стала одной из актуальных проблем для советских органов государственной безопасности. Сам Фе-

ликс Эдмундович Дзержинский так определил роль спецслужб в отношениях с религиозными конфессиями: «Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-то другой. Официальные или полуофициальные отношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложение попов. Связь, какая бы то ни была, с попами других органов бросит на партию тень, это опаснейшая вещь».

Штат 6-го отделения был небольшим, всего восемь человек. Грамотных из них только двое. Возглавив отделение, Тучков отмечал, что «сотрудники хотя и очень старательны, дисциплинированы, но при этом очень слабо развиты и малограмотны».

Главными слагаемыми успеха «в деле борьбы с церковной контрреволюцией» Тучков считал организацию тотальной слежки, наличие многочисленной агентуры и «обладание полной информацией».

В воспоминаниях русских священников, знавших Тучкова, остался его довольно скудный словесный портрет: «Человек среднего роста, плотно скроенный полуинтеллигент, обходительный и при этом довольно развязный...» Патриарх Тихон именовал своего «куратора» не иначе, как «некто в сером».

Высшие церковные иерархи недооценили Тучкова, который, используя их слабости и особенности характера, создавал ситуации, когда епископы боролись между собой за влияние на папству, интриговали и ссорились.

Кроме активного участия в расколе Русской православной церкви на обновленцев, тихоновцев и еще ряд течений, компрометации Русской зарубежной

церкви и срыве объявленного Римским Папой в 1930 году крестового похода против СССР Тучков организовал громкий судебный процесс над так называемой «Истинно-православной церковью», обвинив ее в контрреволюционной деятельности, в попытке захвата власти в СССР, организации вооруженных отрядов и террористической деятельности.

В 1931 году Тучкова наградили орденом Трудового Красного Знамени за «удушение церкви». В представлении к награждению отмечено: «...в деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группировавшихся вокруг церкви, проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость...».

В сентябре 1932 года его выдвинули заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу. Тучков возглавил розыск спрятанных в 1918 году тобольским епископом Гермогеном сокровищ находившегося в Тобольске в ссылке бывшего российского императора Николая II. Эта секретная операция завершилась в ноябре 1933 года: монахиня Ивановского монастыря Марфа Андреевна Уженцева выдала царские бриллианты «на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля». Добраться до ценностей Сибирского белого движения и драгоценной церковной утвари, спрятанных колчаковцами в таежных урманах Среднего Приобья, Тучков не успел — отозвали в Москву. Он не справился и с другим заданием: не смог добиться от высланного на Ямал в селение Хэ, а затем заключенного в чекистскую тюрьму Свердловска митрополита Крутицкого (Полянского) добровольного отказа от сана

местоблюстителя патриаршего престола. Причисленный ныне к лику святых митрополит Петр спас Русскую православную церковь от окончательного позора и унижения самоликвидации¹.

Еще до появления в Уфе будущего «душителя церкви» Тучкова Долгирев, оставаясь заместителем председателя Уфимской губчека, организовал по распоряжению Дзержинского Верхне-Уральскую ЧК и провел расследование «исчезновения начдива-25 Чапаева» — так чекистское следствие характеризовало лбищенскую трагедию.

Долгирев знал, что удачливому в боях с белыми Василию Ивановичу не везло на «любовных фронтах».

¹ Майор госбезопасности Тучков — один из немногих высокопоставленных чекистов, уцелевших после репрессий 1937–1938 годов. В октябре 1939 года по распоряжению наркома внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берии его уволили из НКВД «за невозможностью предоставить работу по данному направлению». Дальнейшая трудовая деятельность Тучкова была связана с Центральным советом Союза воинствующих безбожников, где он вначале читал лекции, а затем стал ответственным секретарем этого ЦК. Выйдя в 1947 году на пенсию, Тучков продолжал «борьбу с церковным мракобесием», с гордостью отмечал в своих анкетах, что им опубликовано три брошюры и 27 статей на антирелигиозные темы. Через десять лет он умер от рака. Перед смертью больше пяти часов исповедывался у Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Содержание этой исповеди неизвестно, но похоронили Тучкова с соблюдением всех церковных обрядов. На отпевании вместе с Патриархом присутствовали все иерархи Русской православной церкви.

В 20 лет Чапаев женился на 16-летней работнице кондитерской фабрики Пелагее Метлиной. Девушка была на редкость красива. И все же, несмотря на массу поклонников, остановила свой выбор на сыне плотника. Незадолго до венчания во время строительства сельской церкви он сорвался с 20-метровой высоты, но, ко всеобщему удивлению, отделался легким испугом. Невеста слышала рассказы очевидцев: «Будто ангелы небесные подхватили его и мягко опустили на землю».

Через год у молодоженов появился старший сын Александр, затем еще двое детей — Клавдия и Аркадий. Вскоре грянула Первая мировая война, и Чапаева мобилизовали в армию.

В стране царил тогда необычайный патриотический подъем, многие шли в армию добровольцами. План мобилизации был блестяще выполнен (в 1914—1918 гг. в российскую армию мобилизовано 15,5 млн. человек). В начале 1915 года Николаем II была учреждена медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» с портретом государя императора на лицевой стороне, ставшая последней медалью Российской империи.

Сражался Чапаев храбро, отличался редкой выносливостью. А ведь родился семимесячным и был настолько крохотным, что помещался в теплой отцовской рукавице. Первые недели родители-бедняки частенько засовывали его в эту варежку и укладывали греться в остывшую после топки деревенскую печь. Никто тогда не мог и предположить, что из недоношенного хиленького мальчонки вырастет со временем человек-легенда, герой фильмов, книг и анекдотов.

На фронте Чапаев получил Георгиевские кресты всех четырех степеней — «полный бант». Из каждого разведывательного поиска по неприятельским тылам он возвращался с пленными «языками». Во время боев под Перемышлем Василий Иванович выручил свой Белгорайский полк, сумев вывести его из окружения.

Одним из друзей Чапаева в то время был Петр Кашемирцев. В одном из боев он, смертельно раненный, просил, умирая, товарища позаботиться о своей семье. В 1917 году вдова Петра, Пелагея Кашемирцева, стала гражданской женой Чапаева, но произошло это после того, как Василий Иванович узнал об измене своей законной супруги.

Столь бурные потрясения в личной жизни совпали с крушением государства. После очередного ранения Чапаев получил назначение ротным фельдфебелем в размещенный в Николаевске 138-й запасной пехотный полк. Здесь, в глубоком тылу, его и застала Февральская революция.

Несмотря на свой статус Георгиевского кавалера, Василий Иванович не относился ни к ярым монархистам, ни к демократам — сторонникам войны до победного конца, ни к большевикам.

После Октябрьского переворота беспартийного Чапаева выбрали командиром полка. Он предложил местному Совету распустить личный состав по домам и сформировать из добровольцев отряд Красной гвардии. Разумеется, командиром отряда стал не кто иной, как сам Василий Иванович. Бурный 1917-й завершился в Николаевске противостоянием местного Совета и земской управы. Во главе своего отряда Чапаев разогнал земцев и подавил в городе попытку контрреволюционного мятежа.

Однако весной 1918-го против Советов выступило уральское казачество, затем начался мятеж чешского корпуса военнопленных, а в Самаре стала формироваться Народная армия, которую возглавил Каппель. Урал и Поволжье запылали в огне гражданской войны. Зверски убили брата Василия Ивановича Григория. Чапаев во главе одной из двух бригад Николаевской дивизии жестоко мстил за смерть брата. Раздоры комбрига с начдивом Сергеем Ивановичем Захаровым в конце концов привели к отправке Василия Ивановича на учебу в Москву, в Академию Генерального штаба.

Однако в столице Чапаев не задержался. По одной версии, он рассорился с «реакционными» преподавателями, по другой — просто не мог усидеть в тылу «в опасный для Советской власти момент». Столь же разноречивы данные об учебных успехах Василия Ивановича: одни говорили, что он был на редкость старательным и способным слушателем, другие свидетельствовали, что не успевал по всем предметам и постоянно апеллировал к собственным заслугам. Так или иначе, в феврале 1919 года, самовольно оставив академию, Чапаев вновь объявился в родных местах и через три месяца стал победителем армии Колчака.

В Уфе Долгирев перехватил письма Фурманова к Чапаеву, в котором комиссар следующим образом оценивал приставание к своей жене начдива: «...Я Вас считал за грязного и развратного человека... и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадливости. Впечатление получилось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно».

К тому времени гражданская жена Пелагея Кашемирцева изменила Чапаеву с одним из снабженцев, и тогда взбешенный Василий Иванович прогнал ее.

Долгирев, зная о любовных поражениях начдива, считал, что именно Пелагея навела белых казаков на чапаевский штаб в Лбищенске.

Однако, судя по чекистским документам, о местонахождении Чапаева и силах его охраны противник знал из перехваченных донесений в штаб Восточного фронта. Оценив ситуацию, уральские казаки разработали план операции по ликвидации ненавистного большевика. В ночь на 5 сентября 1919-го казачий отряд в 300 сабель при одном орудии и пулемете под командой генерал-майора Бородина наскочил на Лбищенск. Красных там было больше — 300 курсантов дивизионной школы, штаб и политотдел дивизии. Но налет был стремительным и неожиданным. Казакам помогало местное население, указывая дома, где стояли красные. Поначалу заспанные красноармейцы сдавались почти без сопротивления, затем выстрелы стали раздаваться то в одном, то в другом конце станицы.

Наиболее жестокий бой разгорелся у здания штаба Чапаева. Раненный в руку начдив сплотил вокруг себя бойцов, даже устремился в контратаку. Именно здесь, как установил позднее Долгирев, был сражен пулей в голову командовавший белогвардейцами генерал Бородин.

Красные пытались прикрыть отход любимого начальника, но исход боя оказался предрешен. Остатки чапаевцев бросались в воду и плыли через Урал. Казаки с высокого обрыва стреляли по ним из винтовок и из захваченных у красных пу-

леметов. Доплыть до противоположного берега удалось немногим. Всех уцелевших в том бою бойцов опросил Долгирев. По их показаниям, жители Лбищенска принимали непосредственное участие в истреблении чапаевцев. Принявший дивизию Кутяков сжег дотла Лбищенск и изрубил всех пленных и «подозрительных», включая изменницу Пелагею (по другой версии, она сошла с ума).

Считается, что в числе утонувших в реке Урал был и Василий Иванович. Однако двое венгров-интернационалистов свидетельствовали, что они переправили раненого Чапаева на противоположный берег на деревянной створке ворот. Что он скончался у них на руках. Однако показать место захоронения начдива не смогли. И сети не подняли мертвеца.

Отраженная в известном кинофильме братьев Васильевых история гибели Чапаева основана на показаниях одного из уцелевших связистов штаба. Но уцелевшие после кутяковской расправы жители Лбищенска держались на допросах одинаково: «...Небесные силы его забрали, потому что из народного заступника стал он разбойником. Не ищите его, не найдете. Придет час, сам объявится...». Видимо, этот час еще не наступил...

Трагическая судьба Чапаева странным образом повлияла на судьбы окружавших его людей. Первая жена, изменившая ему, когда он воевал «за веру, царя и отечество», разругалась со своим новым мужем, убежала из дома в сильный мороз, после чего заболела и умерла. Исчезла Пелагея Кашемирцева: то ли с ума сошла, то ли лихие красные конники зарубили. Ординарец Петр Исаев, разбитной киношный Петька, в действительности уцелел в ночном бою, однако через месяц застре-

лился. И вдова его поступила так же, только через двадцать лет после Гражданской войны. Знакомые считали, что причиной самоубийства стал показанный в фильме «Чапаев» и вымышленный от начала до конца роман ее супруга с Анкой-пулеметчицей. Этот образ списали с медсестры Марии Поповой, которая в одном из боев вела огонь из «максима», закрыв от страха глаза, а раненный в правую руку пулеметчик здоровой рукой направлял ствол пулемета в нужную сторону.

После неудачной операции на язву желудка 31 октября 1925 года скончался наркомвоенмор

Справа стоит Николай Алексеевич Долгирев, рядом — Ульяна Борисовна Долгирева с двухлетним сыном Сашей. Слева (сидит) Арсентий Борисович Зернов, родной брат Ульяны Долгиревой. Стоят Николай Борисович Зернов и его супруга Ольга Николаевна. Петроград, 1912 г.

СССР Фрунзе, и эта внезапная смерть породила много загадочных слухов. Преемник Чапаева по командованию 25-й дивизией комкор Иван Семенович Кутяков был расстрелян в 1938 году. Еще раньше умер Фурманов, а жена его, из-за которой комиссар поссорился с начдивом Чапаевым перед расставанием, также покончила жизнь самоубийством.

Да и Долгирева, который, в отличие от Фурманова, не считался близким другом Чапаева, проклятье безвинно казнённых тоже черным крылом зацепило.

Правда, после Гражданской войны масштабы репрессий сократились. 6 февраля 1922 года Президиум ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». ВЧК преобразовали в ГПУ — Государственное политическое управление. В губерниях ЧК сменили отделы ГПУ. Штат ведомства Дзержинского сократился втрое. В октябре 1923 года Долгирева назначили начальником Тюменского губотдела ГПУ. Но до Тюмени у него была Чечня.

Чеченский гамбит

Во время Гражданской войны чеченцы поддержали большевиков и сражались против белых войск генерала Антона Ивановича Деникина. Летом 1919 года восстал Дагестан. Имам Узун-Хаджи объявил священный джихад. Его силы составили семь армий общей численностью около 70 тысяч человек. Он провозгласил образование Северо-Кавказского эмирата, охватившего горные

области Дагестана, Чечни, часть Ингушетии. Государственное устройство, введенное Узун-Хаджи, представляло собой шариатскую монархию, а внутренняя и внешняя политика базировалась на лозунгах, близких исламскому фундаментализму.

Восстание активно поддержали правительства Азербайджана и Грузии, опасавшиеся деникинской России. Турция, хотя и озабоченная собственной гражданской войной между кемалистами и османистами, не оставляла планов господства над Кавказом. Из Турции через Грузию шли караваны с оружием, прибыли военные инструкторы во главе с Керим-беем. Грузия сформировала и послала в помощь эмирату штаб корпуса под командованием генерала Кереселидзе. На месте штаб должен был обрасти отрядами из повстанцев и развернуться в регулярный корпус, а затем и в армию. Но до аула Ведено, столицы Узун-Хаджи, Кереселидзе не дошел. Чеченцы аула Ботлих, не признававшие никаких эмиратов, окружили грузинскую экспедицию в ущелье, разоружили, ограбили и пригрозили передачей Деникину. Оскорбленный Кереселидзе повернул назад в Грузию.

Под начало Узун-Хаджи перешел турецкий генерал Нури-паша, искавший со своими солдатами приключений на Кавказе. Несмотря на крайне панисламистские лозунги, понятие Узун-Хаджи о «неверных» было довольно специфическим. Например, одна из его армий считалась... большевистской. Она образовалась из уцелевших в горах остатков 11-й и 12-й красных армий, уничтоженных Деникиным зимой. Командовал ею Николай Федорович Гикало, и она занимала позиции у села Воздвиженка, прикрывая эмират со

стороны Владикавказа. Гикало получал приказы и из Ведено от Узун-Хаджи, и из Астрахани от Сергея Мироновича Кирова. Так большевики сражались под зеленым знаменем ислама плечом к плечу с Нури-пашой, от которого год назад обороняли Баку в союзе с армянскими дашнаками.

Ситуация между деникинцами и аскерами Узун-Хаджи сложилась патовая. Повстанческая армия по боеспособности значительно уступала белым. Необученные и недисциплинированные горцы мало подходили для регулярной войны. Оружия у них было вдосталь — от турок, англичан, грузин, разбитых красных. Не хватало боеприпасов — винтовочные патроны даже стали единственной твердой валютой, имевшей хождение по всему Северному Кавказу. Зато количественно войска эмира вдвое превышали любую из армий Деникина. А в горах, оседлав тропы и ущелья, становились неодолимыми. Сил, необходимых для подавления такого восстания, у белых попросту не было. А оставить эмират в покое, не обращать на него внимания тоже невозможно. Повстанцы угрожали Дербенту, Петровску (Махачкала), Темир-Хан-Шуре (Буйнакск) и Грозному, совершали налеты на станицы терских казаков и равнинные русские селения. Мобилизованные в белые части горцы разбегались. Унося с собой оружие, они сбивались в банды, занимались разбоем, грабили и убивали.

Деникину пришлось отрывать от антибольшевистских действий значительные силы — если не уничтожить врага, то хотя бы блокировать район восстания. Чтобы война не приняла характер межэтнической розни, сведения старых и накопления новых счетов между терцами и горцами, сюда по

просьбе атамана Терского казачьего войска Вдовенко перебрасывались кубанские и добровольческие части. Здесь в составе деникинских войск воевал будущий писатель Михаил Афанасьевич Булгаков.

После поражения белых на юге и отставки 3 апреля 1920 года Деникина остатки его армии разбрелись по Кавказу. Терские казаки, около семи тысяч сабель, и пять тысяч беженцев по Военно-Грузинской дороге ушли в Грузию, где их разоружили и интернировали в лагерь близ Поти — в болотистой малярийной местности.

За сотрудничество в борьбе с деникинцами казачьи земли отдали чеченцам. Город Грозный наградили орденом Красного Знамени и Почетным революционным красным знаменем ВЦИК.

Но ситуация в Чечне и Дагестане оставалась сложной. Здесь практически везде верховодили бандиты. Назначенный военкомом Терской области Гикало докладывал: «Население власти не чувствует, во многих местах советская власть существует только на бумаге, милиции на местах нет...»¹. Наиболее бандитскими районами считались Урус-Мартановский, Шатойский и Веденский.

Чтобы «население Чечни чувствовало власть», ВЧК в апреле 1920 года откомандировала в Грозный Долгирева.

Местные органы ЧК еще не понимали, что «...горцы, как все восточные народы, презирают слабость и глубоко уважают силу. Малейшее проявление слабости в их глазах может испортить

¹ В 1931 году Гикало был секретарем Московского комитета ВКП(б), затем первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. Расстрелян в 1938 году.

все планы, хотя бы и проводимые в их пользу. Излишняя строгость никогда не повредит и не сделает чеченца вашим врагом, наоборот, она возвысит вас в его глазах и при известной тактичности может привязать его к вам и сделать верным и преданным человеком». Эти слова принадлежат арестованному Грозненской окружной ЧК бывшему царскому офицеру, долгое время прослужившему на Северном Кавказе. И Долгирев воспользовался его рекомендациями.

Попутно с ушедшими в подполье белогвардейцами чекисты избавлялись от вчерашних «друзей». Перетянули на свою сторону близких к большевикам «левых шариатистов». Другие «воины Аллаха», уставшие от «священной войны», расходились по домам — джихад был объявлен против белых и, следовательно, завершился. Да и весна наступила — пора сеять, перегонять скот на горные пастбища. 70-тысячная армия Узун-Хаджи распалась. Оставшиеся верными ему войска очутились в непонятном положении. Красные вроде еще вчера были союзниками. Войны не объявлялось. Боевых действий не велось. Но и миром не пахло. Эмира и его приверженцев постепенно оттеснили в горы. Шариатскую монархию ликвидировали. Дальнейшая судьба Узун-Хаджи неизвестна. По неофициальным версиям, он убит то ли соперниками, то ли чекистской агентурой. Пропала и богатая казна эмира. Куда исчез турецкий авантюрист Нурипаша, так долго гулявший по Кавказу со своими аскерами, знал только Долгирев.

В конце 1920 года на Северном Кавказе образовалась Горская республика. В нее входили округа: Чеченский, Ингушский (Назрановский), Севе-

ро-Осетинский (Владикавказский), Кабардинский, Балкарский, Карачаевский и Сунженский.

Долгирев считал это образование нежизненным, а попытку большевиков решать национальную политику на Кавказе с классовых позиций, с «опорой на бедняцкие элементы» бесперспективной.

Несогласного с такой политикой чекиста Долгирева перевели в Пятигорск председателем Терской губчека, и он проверенными методами — внедрением агентуры в банды и ликвидацией их главарей — подавил повстанческое движение на Ставрополье.

Худшие прогнозы Долгирева о развитии ситуации на Северном Кавказе скоро подтвердились. В 1922 году из Горской республики выделилась Чеченская автономная область, а через год — Ингушская. Информационный отдел республиканского ГПУ сообщал руководству страны: «Отношение чеченцев к советской власти враждебное. Местные националисты ведут усиленную агитацию среди чеченцев и пользуются большим сочувствием населения. По многочисленным сведениям видно, что деятели-националисты прилагают все усилия к тому, чтобы окончательно сорвать продкампанию, организовать вооруженные отряды для борьбы с советской властью и объявить ей «священную войну». Обширная агентура националистов, состоящая из мюридов и литаев, успешно работает среди населения; как в плоскостной, так и в горной Чечне царит полное безвластие. Некий Али Бамат Гирей Хаджи, стоящий во главе националистической организации и пользующийся популярностью среди чеченцев, стремится захватить в свои руки власть в Чечне. Гирей Хаджи организовал банду в 600 человек из местных жителей, расположившуюся в районе крепости Шатой.

Выезд из крепости русским и чеченским совработникам не представляется возможным. С прибытием в Чечню красноармейского отряда в 400 штыков, 100 сабель и трех пулеметных команд с 50 пулеметами настроение чеченцев внешне улучшилось, однако положение в Чечне остается весьма серьезное».

Была сделана попытка разоружить наиболее воинственные аулы: Махкеты, Гойты, Катар-Юрт подвергнуты бомбежкам с аэропланов.

В Чечню приехали председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин и командующий Северо-Кавказским военным округом Климент Ефремович Ворошилов. В ауле Урус-Мартан чеченцы объясняли высоким гостям: «Советская власть не сумела создать такой обстановки, чтобы люди могли жить не нуждаясь. А раз чеченец не может прокормить своей семьи, если он должен отдать власти шестьдесят пудов кукурузы, которой при всем желании взять ему неоткуда, то, естественно, он должен идти воровать и грабить. Пусть власть создаст условия для нормальной жизни, тогда мы воровать не станем и никто жаловаться на нас не будет».

Эта ситуация повторится через 70 лет. Чеченцы поддержали новое российское руководство во главе с Борисом Николаевичем Ельциным в противостоянии с ГКЧП. Их за это отблагодарили: посланцы Москвы Бурбулис и Старовойтова передали генералу Джохару Дудаеву разрешение на разгон законных органов власти.

Председатель КГБ Чечено-Ингушской АССР Игорь Васильевич Кочубей рассказал: «Наше ведомство прекрасно знало, что такое вайнахская демократическая партия, основополагающим пунктом программы которой была идея создания неза-

висимого от России исламского государства. Именно поэтому мы тщательно отслеживали это движение и регулярно докладывали о нем в Центр. Тогда же, в августе 91-го, в республику приезжали депутаты Громов, Кобзон, Полторанин, Бурбулис. Мы показали им материалы о деятельности дудаевского движения, данные о поступлении оружия, подготовке переворота и отторжения Чечни от России. Но депутаты не приняли наши аргументы. 6 сентября дудаевцы разгромили Верховный Совет...».

Недолго простояло и здание КГБ республики. Кочубей вспоминал: «Мы предполагали, что будут попытки захвата здания, но то, что его сдадут, по сути, добровольно, никто и представить себе не мог. Я распорядился вооружить 18 сотрудников автоматами и перевести на круглосуточное усиленное дежурство. Ночью вывезли самое ценное — документы, касающиеся агентуры. Подготовили к отправке и оружие — около тысячи стволов. Однако осуществить задуманное я не смог — меня отстранили от руководства и перевели заместителем начальника УКГБ по Воронежской области...».

Генерал-майор КГБ Александр Георгиевич Михайлов написал: «В октябре группа практически невооруженных людей захватила здание КГБ республики. Для восстановления законности не требовалось оружие. Был бы приказ. Но его не поступило. Председатель КГБ РСФСР Иваненко приостановил деятельность республиканского КГБ, а прибывший по его поручению в Грозный заместитель по кадрам Пятаков собрал изгнанных хулиганами из здания КГБ офицеров в... гараже и, выразив «переживания» Иваненко, предложил сдать оружие».

Такого чекиста, как Долгирев, в КГБ не нашлось¹.

Хлебное место

В Тюмени Долгирев сменил Петра Ивановича Студитова-Парфенова. В изданном в 1965 году в Свердловске учебнике «Очерки партийной организации Тюменской области» Студитов упомянут один раз, как член губкома РКП(б), хотя, будучи председателем губчека, а затем начальником губотдела ГПУ, имел власть не меньшую, чем губернские партийные секретари и продовольственные комиссары.

Он знал о недовольстве зауральских крестьян грабительской продразверсткой, но опасался перечить напористому и надменному губпродкомиссару Инденбауму и поэтому не предотвратил перерастание локальных протестных выступлений «в стихийный бунт — бессмысленный и беспощадный».

Чтобы как-то оправдаться перед скорым на расправу полномочным представителем ВЧК по Сибири Иваном Павловичем Павлуновским, Студитов на пару с заведующим секретно-оперативным отделом

¹ Виктор Валентинович Иваненко родился в 1947 г. в с. Коркино Ишимского района Тюменской области, окончил Тюменский индустриальный институт (1970), служил в УКГБ по Тюменской области, был начальником Нижневартовского горотдела (1974–1979), заместителем начальника областного управления КГБ, с 1986 г. — в инспекторском управлении КГБ СССР, заместитель начальника этого управления (1990), через год стал председателем КГБ РСФСР, генерал-майор (1991), в декабре 1991 г. отправлен в отставку.

губчека поляком Иосифом Станиславовичем Бойко обвинили группу тюменской молодежи в возрасте от 14 до 20 лет в попытке захвата власти в Тюмени.

В архиве сохранилась записка Студитова: «Командующему вооруженными силами Тюменской губернии. Коменданту города Тюмени. Начальнику отряда особого назначения РКП. Предлагается Вам сегодняшней день усилить охрану города в продолжение до особого извещения. Причины к этому следующие: из произведенной нами операции в ночь с 10 на 11 сего февраля документально установлено, что восстание в городе Тюмени назначено на одиннадцатое февраля 1921 года 9 вечера. Обратите внимание на необходимость прекратить хождение по городу с определенного времени. О последующем сообщим».

Руководителем «тюменского контрреволюционного центра» представили 19-летнего учащегося сельхозтехникума Степана Лобанова, назвали его «корнетом колчаковской дружины Христа Спасителя», хотя он никогда не служил ни в армии, ни в других белых формированиях. Для пушей убедительности в число «заговорщиков» включили комсомолку Косареву, работавшую секретаршей в секретно-оперативном отделе губчека.

Как решали в то время судьбы арестованных, рассказал бежавший в 1929 году на Запад резидент ОГПУ Георгий Сергеевич Агабеков, начавший чекистскую службу в Екатеринбурге.

«...Губчека размещалась на Пушкинской улице в доме № 7. Это было небольшое двухэтажное деревянное здание с большим подвалом для арестованных, со двором и с конюшней в конце двора, где производились расстрелы выводимых из

подвала. Председателем Чека и одновременно председателем особого отдела 3-й армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос¹. Об этом недалеком человеке, жестком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были начальник секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего этажа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице...

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только Штальберг работает следователем по партийным взысканиям иностранных работников при Центральной контрольной комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата...

Но вернемся в 1920-й, в кабинет председателя губчека Тунгускова... Идет заседание коллегии

¹ Тунгусков Андрей Георгиевич возглавлял Екатеринбургскую (Уральскую) губчека с сентября 1919 г. по октябрь 1921 г., затем по февраль 1922 г. был полномочным представителем ВЧК по Уралу.

губчека. За столом, покрытым малиновым сукном, сидят Тунгусков, напротив него начсоч Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков, одетый в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад, вертит в руках цветной карандаш и просматривает москов-

*Сотрудники Тюменского губотдела ГПУ. 1922 г.
Сидят: (второй справа) Петр Иванович
Студитов, начальник отдела; (третий справа)
Григорий Семенович Мороз, в 1922–1924 гг. —
полномочный представитель ГПУ-ОГПУ по
Уралу (расстрелян в ноябре 1937 г.)*

ские газеты. Хромцов, с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более двадцати пяти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко остриженными волосами и серыми мертвыми глазами...

— Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, — обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал читать вслух. Заканчивает он обычными словами: «Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания — расстрелять».

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

— Есть какие-нибудь возражения, вопросы? — спросил Тунгусков. (*Молчание.*) — Утвердить, — пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией дела, которое слушалось.

Следователь также сделал отметку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопился. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорее разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановления членам «тройки» на подпись. Все,

расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов. Это высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем. Одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколоты большая звезда и красный бант.

— Ну как, работы много будет сегодня, товарищ Рабинович? — спросил он, войдя в комнату следователя.

— Четырнадцать человек, — ответил Рабинович, передавая список коменданту...».

Тюменская губчека не отличалась от екатеринбургской.

Чекист Агабеков продолжал: «Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены находилась конюшня. Это был длинный темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживающие Чека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюках галифе, в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздеты и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно

входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от дверей и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит, или, вернее, воет и плачет, и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубине. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы «Зефир» и спешат в комендатуру за новыми жертвами...

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые получше. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян...».

«Корнета» Лобанова и его приятелей, одному из которых едва исполнилось 14 лет, расстреляли 2 марта 1921 года. В отличие от Екатеринбурга, их трупы из конюшни во дворе дома тюменского миллионщика Жернакова на углу улиц Томской и Ишимской, в котором обосновалась губчека, свезли на санях вниз по Масловскому взвозу и опустили в черный квадрат проруби на Туре — тогда реки в Сибири часто заменяли кладбища.

В деле «заговорщиков» нет обвинительного заключения. Потому что вещественных или документальных доказательств их вины не добыто. При обыске обнаружена и изъята «одна стреляная гильза». Маловато для достижения целей, о которых 21 марта 1921 года сообщила губернская газета

«Известия»: «Заговорщики планировали прервать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись известным им паролем, захватить склады с оружием. К тому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить и губчека, но заговорщики сами попали в руки чекистов, не успев привести в исполнение свой замысел».

Не в оправдание Студитова и его подчиненных, а объективности ради надо отметить, что сообщение о ликвидации «тюменского контрреволюционного центра» успокоило губернское партийное и советское руководство, собиравшееся по примеру Тобольска оставить Тюмень и бежать по железной дороге в Екатеринбург.

Поэтому в характеристике председателя губчека подчеркнута: «...Политически вполне развит, несмотря на низшее образование. Одной из важнейших заслуг перед революцией, известной губкому РКП(б), является раскрытие белогвардейского заговора в Тюмени в феврале 1921 года. На протяжении всей работы с повстанцами проявил громадную энергию, стойкость, политическую выдержку и такт...»¹.

У Агабекова, откомандированного в июле 1921 года в Тюмень на должность помощника по секретной агентуре заведующего информацией губчека, другое мнение о руководителях Тюменской губчека: «...Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Членами коллегии

¹ Лобанов и его приятели реабилитированы в 1992 году.

были: Бойко — начальник секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председателя, и некто Пильчак, который ничего из себя не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой — Бойко и Пильчак...».

К тому времени крестьянское восстание в губернии было подавлено регулярными красными войсками и карательными отрядами. Крупные банды ликвидированы.

В одну из поездок по губернии Инденбаума остановили на Тобольском тракте крестьяне-разбойники из деревни Редькиной. Кучера Конева застрелили, а солидно одетого губпродкомиссара раздели и закололи штыком. Позднее при зачистке уезда от повстанцев был выявлен их убийца — Михаил Редькин, который умер в августе 1922 года в Тобольском исправдоме. Расследования убийства Инденбаума не проводилось, что показалось «очень странно» известному тюменскому краеведу Александру Стефановичу Иваненко: «Будто убит не самый большой человек губернии, а прихлопнута муха, будто все обрадовались — убит, ну и ладно...».

Причины такой «странной» пассивности тюменских чекистов объяснил Агабеков: «...Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. Чека командировала меня в губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы

я мог проверить весь состав служащих и следить за их работой и передвижениями...

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшегося агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения...».

Нетрудно догадаться, от кого Редькин из деревни Редькиной узнал о маршруте поездки Инденбаума и почему чекисты не проявили рвения в расследовании преступления. А про то, как «повстанцы глумились над губпродкомиссаром — распороли живот и набили его зерном...», сочинили к сорокалетию Октябрьской революции в 1957 году. Тогда по рисунку тюменского скульптора Герасимова из крашеного гипса отлили скульптурную группу — вооруженных рабочего и крестьянина под красным знаменем — и поставили на площади, названной площадью Борцов революции. На постаменте этого памятника, отлитого уже в 1967 году из чугуна, есть надпись: «1921 год. Зверски замучен кулаками губпродкомиссар Инденбаум». В действительности место его захоронения неизвестно. И «кулаки» к гибели Инденбаума не имели отношения. А крестьянина Редькина, остановившего на дороге важный экипаж, интересовала не должность пассажира, а его «одежа и обувь».

Ели верить Агабекову, то после устранения Инденбаума «из Тюменской губернии было вы-

везено 20000 пудов хлеба неизвестным путем, и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии».

Агабеков доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. «Недели две спустя Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь по распоряжению Студитова был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось при помощи своих приверженцев бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Новониколаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и, получив там изрядный нагоняй, вернулся обратно в Тюмень».

За Студитова заступился Матвей Давыдович Берман, яркий представитель так называемой «когорты пламенных революционеров», до фанатизма уверовавших в большевистскую идеологию как в религию, ставший в мае 1932 года начальником Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД СССР.

Будущий «энтузиаст» строительства невольничих лагерей родился в 1898 году в Ундугинской волости Читинского уезда Забайкальской области. Окончил в 1908 году Читинское коммерческое училище по 1-му разряду с вручением золотой медали. «Зимой 1916 года, — указывал он в автобиографии, — проживал дома, отчасти зарабатывал уро-

ками и работал в нелегальном кружке молодежи, одним из организаторов которого и являлся».

Считается, что по заданию сибирских большевиков Берман добровольно поступил на военную службу: в мае 1917-го он становится вольноопределяющим 15-го Сибирского запасного стрелкового полка — эта существовавшая в русской армии категория военнослужащих из нижних чинов с высшим или средним образованием являлась одним из источников пополнения офицерских кадров.

Ускоренное обучение военному делу в Иркутском военном училище было недолгим — всего четыре месяца. «Здесь, — отметил Берман в автобиографии, — нас основательно травили и хотели даже избить...». «Нас» — это группа юнкеров-евреев, приверженцев партии большевиков: Берман, Бак, Татарийский. После производства в прапорщики и назначения в Томск, в 25-й запасной стрелковый полк взводным командиром, Берман близко сошелся с Меером Абрамовичем Трилиссером — будущим руководителем советской разведки.

В 1918—1920 годах Берман успел поработать председателем Глазовской уездной ЧК и начальником секретно-оперативной части Екатеринбургской губчека, где познакомился со Студитовым и рекомендовал его на самостоятельную чекистскую работу в Тюмень.

После образования 6 апреля 1920 года Дальневосточной республики Берман, в ту пору председатель Томской губчека, возглавил Государственную политическую охрану ДВР. Затем Иркутск, Бурятия, Средняя Азия...

Все это время бок о бок с Матвеем Давыдовичем трудился однокашник по Иркутской школе

прапорщиков Борис Аркадьевич Бак, который, в свою очередь, привел в органы ЧК Сибири младшего брата — Соломона. Вскоре Берманов и Баков связал ведомственный брак: брат Матвея Борис, будущий резидент советской разведки в Берлине, первый заместитель начальника иностранного отдела НКВД и нарком внутренних дел Белоруссии, женился на родной сестре чекистов Баков Марии Аркадьевне, которая тоже служила в НКВД оперуполномоченным секретно-политического отдела.

Так формировались чекистские территориально-родственные кланы, активно продвигавшие своих людей по служебной лестнице и защищавшие их от непредвиденных административно-ведомственных течений. К середине 30-х годов такими наиболее мощными группировками считались украинская, северокавказская и сибирская. Между ними развернулась настоящая подковерная война за лидерство в ОГПУ-НКВД СССР.

Понятно, почему Берманы-Баки не хотели уступать хлебное место председателя Тюменской губернии, которое после подавления в губернии крестьянского восстания стала еще и рыбным местом.

Реализация НЭПа — новой экономической политики — совпала с дискуссией о национальной автономии Тобольского Севера. Идеологом создания «остяко-зырянской и самоедской республики» выступил Павел Ильич Сосунов, сотрудник Обдорской ЧК и член самопровозглашенного в феврале 1921 года в Обдорске Тобольского северного военно-революционного комитета (Тобсеввоенревкома). Воспользовавшись временной политической и хозяйственной изоляцией от Тюмени и заручившись поддержкой ненец-

ких и хантыйских вождей, Сосунов провел 24—29 июля 1922 года в селе Самаровском конференцию северных этносов. Конференция постановила ходатайствовать перед правительством РСФСР о предоставлении туземному населению административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии в пределах Березовского, Сургутского и северной части Тобольского уездов, объединенных в единый округ.

Тогда же разгорелись споры о приватизации северных рыбных промыслов. Этот приватизационный процесс сопровождался жалобами в высшие партийные инстанции, угрозами, необоснованными арестами и заказными убийствами — так велика была цена северной рыбы.

Весной 1922 года в своей квартире был убит ответственный секретарь Тюменского губкома партии Вадиковский. Шли слухи, что в этом деле замешаны видные губернские работники. Чтобы замять скандал, Москва поменяла в Тюмени партийное, советское и чекистское руководство. Так и появился в нашем крае Долгирев.

Закрома Коминтерна

Студитов оказался неспособен призвать к порядку мятежного обдорского чекиста Сосунова и локализовать сепаратистские настроения северян.

Зато он преуспел в изъятии церковных ценностей. Еженедельные сводки Тюменского губотдела ГПУ о результатах этой «операции» похожи на военные донесения: «...К изъятию ценностей в г. Тюмени приступлено 8 апреля 1922 года. Про-

изведено последнее в Зареченской церкви. Взято серебра 52 фунта. Изъятие прошло без эксцессов. Синагога изъявила желание сдать ценности добровольно. Изъятие ценностей из всех 11-ти церквей г. Тюмени предлагается закончить 12 апреля. В отношении к данному вопросу различных слоев и групп населения остается по-прежнему самым разнообразным, в большинстве неприязненным...».

Тобольские храмы были богаче: «...При изъятии церковных ценностей в Успенском соборе и Ильинской церкви 10—11 апреля 1922 года добыто: в первом — около 12 пудов серебра, часть золота и много ценных камней; во второй — взято три пуда серебра, часть золота и много ценных камней. В других церквях изъятие отложено в связи со скоплением публики. В церквях не русских при обысках ничего не найдено...».

Чекистский грабеж сопровождался присвоениями добычи: «... Представитель Рабкрина коммунист Чулков и представитель Тобисполкома Радикульцев похитили несколько отдельных драгоценных камней и золотую панагию с драгоценными камнями, которую заказали переделать на кольца и браслеты. Дело было выяснено, виновники сознались, и выездная сессия Губревтрибунала 7 апреля 1922 года приговорила Чулкова и Радикульцева к расстрелу, который Радикульцеву заменен 5 годами заключения, как не принимавшему участия в самой краже, а являвшемуся соучастником в скрытии преступления. Население судит так: расстрел Чулкову, как коммунисту, приписывается только на бумаге, но ворон ворону глаз не выключит, т.е. коммуниста Чулкова не расстреляют, а отправят в другое место...».

Повсеместное изъятие церковных ценностей объяснялось официальной пропагандой как необходимость, как вынужденное и единственное средство спасения голодающего населения России.

Но сводки губотдела ГПУ свидетельствуют: «...Верующие в большинстве настроены против изъятия. Толпа рассуждает, что ценности пойдут на роскошь коммунистов и их женам, будут израсходованы на содержание Красной армии, на приобретение пушек и пулеметов. Пойдут в уплату долгов иностранным государствам, на поправление железных дорог, чего как будто бы требуют иностранцы, что ценности коммунисты увезут за границу, когда будут убегать из России под давлением иногосударств, которые ведут войну с коммунистами и т.д. и т.п...».

*Тюмень, 1922 г. (Справа налево.)
Начальник Тюменского ОГПУ Н.А. Долгирев,
зам. председателя Тюменского
губисполкома А.И. Старков*

Местное духовенство пребывало в смятении: «...Городская масса винит архиепископа Николая в том, что он, как коммунист, сам за изъятие, подписавши воззвание и постановление об изъятии церковных ценностей, благодаря чему коммунисты и берут. Агентурные сведения говорят за то, что после изъятия будут открытые волнения, но нет этого сейчас, потому что не были ни к чему подготовлены. Замечаются изредка отдельные факты агитации против изъятия, но огласке это не поддается, ибо каждый чувствует плохое за плохие деяния. На одном из собраний духовенства и верующих, посвященных вопросу организации помощи голодающим среди духовенства, где на возгласы представителей мирян против изъятия архиепископ Николай сказал, стуча посохом, что с Советской властью спорить нельзя, и разговоры против прекратить, и они прекратились. За все это время архиепископ находится в раздраженном состоянии и злости на почве того, что чувствует ответственность за церковь в случае осложнения...».

Осведомители губотдела сообщали: «...Среди высшего духовенства губернии архиепископом Николаем (Тобольским) и епископом Иринархом (Тюмень) по вопросу изъятия ценностей замечается резкое расхождение, не переходящее до сих пор в открытый антагонизм... Епископ Тюмени Иринарх сохраняет открытую оппозицию, не выступая активно нигде на собраниях, сохраняя молчание во время своей службы в соборе при произнесении проповеди. Местное священство в большинстве своем относится к епископу, ввиду его мягкого с ним обращения, хорошо. Среди части жителей г. Тюмени распространяются слухи, что

Иринарх воззвание по изъятию ценностей не подписывал...».

Арест епископа Иринарха совпал с окончанием «операции» по изъятию церковных ценностей: «...По состоянию на 5 мая 1922 года изъято всего ценностей в Тюмени из 8-ми церквей, монастыря, синагоги, костела, единоверческих молелен: серебра — 52 пуда 30 фунтов; золота — пять фунтов и ценных камней — 1609, из них бриллиантов — 195. В монастырях Ивановском, Абалакском, Преображенском Тобольского уезда изъято серебра 12 пудов 25 фунтов 45 золотников; золота — 15 фунтов 84 золотника, ценных камней — 679, из них брильянтов — 29.

В г. Туринске из 2-х церквей и польского костела изъято серебра — пять пудов четыре фунта 12 золотников.

В Обдорске из 2-х церквей взято серебра — 11 пудов 5 фунтов.

В Березово из 2-х церквей взято серебра — 9 пудов 35 фунтов 73 золотника.

Всего на указанное выше число изъято по губернии 131 пуд 23 фунта 8 золотников серебра и 20 фунтов 87 золотников 39 долей золота.

Из г. Сургута сведений о количестве изъятых ценностей не поступало...».

Забрав из храмов все, что блестело, чекисты занялись поиском церковных кладов: «...В начале сентября 22 года губотделом ГПУ в тюменском Троицком монастыре были обнаружены скрытые еще во время колчаковщины церковные ценности в виде серебряных риз до 9 пудов веса. Активное участие в сокрытии ценностей принимал заключенный в Рабдоме епископ Иринарх, который

через несколько времени за это преступление был снова судим, приговорен к 7-ми годам заключения в Рабдоме. Этим епископ Иринарх окончательно был выведен и изолирован из сферы борьбы религиозных течений православной церкви...».

Акт и список вещей, обнаруженных в Иоанно-Введенском монастыре, прислал уполномоченный ГПУ по Тобольскому уезду Кузнецов: «...В присутствии понятых — монахинь Ивановского женского монастыря Галашевой Венедикты и Манежных Евгении — произвел раскопку земли в подвале летней церкви, при какой обнаружил следующие предметы (см. приложение: список обнаруженного). Все вышеупомянутое за отсутствием весов и эксперта-специалиста учесть и определить точно невозможно, а поэтому все найденные предметы мной опечатаны сургучной печатью в ящике и увезены в таком виде в Тобольск для учета и определения ценности».

Лопаты и кирки сами чекисты применяли не часто. Предпочитали другие инструменты, о которых рассказали ветераны органов госбезопасности.

— На основании какой статьи Уголовного кодекса изымались эти ценности?

— Государству были нужны средства для индустриализации. Начинались заказы за рубежом, а валюты нет. Где брать? Что ж, можно потрясти попов, потом бывших предпринимателей периода НЭПа, частников, ювелиров, часовщиков или представителей высшего света царской России.

— Да-а-а... Статьи нет, а основания вроде имеются.

— Сами создали. Зачем прятали свои ценности? Получались клады. А клады уже собствен-

ность государства. Вызывают такого хитреца в ЧК. На первом допросе ему предлагают добровольно сдать ценности. Как правило, он утверждает, мол, ценности отсутствуют или уже сданы государству. Но на втором допросе задержанный обычно признавался, что у него действительно ценности имеются, и указывал даже места тайников.

— Почему же он менял свои первоначальные показания? Неужели его пытали?

— После первого «неудачного» допроса этого человека помещали в камеру, где в течение нескольких дней кормили лишь селедкой и не давали воды. Спустя какое-то время он сам просился к следователю с признаниями — созрел.

— Были ли случаи, когда задержанный категорически отрицал наличие у него ценностей?

— На такого человека были неоспоримые сведения, полученные от секретной агентуры или от соседей. Если задержанный упорствовал, то принимались за его родных и знакомых. Например, им сообщали, что их близкий человек признался, но забыл, где находится тайник, обещали освободить его, если будут сданы куда следует эти ценности. Действительно, задержанного после этого освобождали, причем извинялись перед ним, а он отвечал: «Я же говорил вам, что у меня ничего нет!». «Да, да...» — с насмешкой соглашались с ним. Ну а что творилось в его семье, когда он узнавал о выдаче родными ценностей... можно представить. Так нам удалось перессорить всех монахинь Тобольского Ивановского монастыря и отыскать часть сокровищ царской семьи Романовых.

— А куда сдавали изъятые ценности?

— Куда надо!

Изъятые чекистами из храмов и тайников сокровища скапливались в секретных кладовых Коминтерна и расходовались на проведение подрывных коммунистических операций.

В 1919 году в Польшу нелегально отправили большую группу командного состава Красной армии во главе с бывшим поручиком царской армии Стефаном Жбиковским. Эта группа готовила вооруженное восстание и «располагала неограниченными финансовыми средствами, полученными от Коминтерна».

Тот же 1919-й: «Во второй половине мая в Вену прибыл эмиссар Белы Куна, один из видных венгерских коммунистов Эрне Беттельхайм. Он привез с собой кучу денег и совершенно дикий план социалистической революции в Вене».

По личному указанию Ленина в Берлин раздувать пожар мировой революции отправился некто Райх Яков Самуилович, он же «товарищ Томас». Сохранились его воспоминания: «Инструкции Ленина были кратки: «Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка. Только делайте!». Сразу же написал соответствующие записи Ганецкому, Дзержинскому... Ганецкий в это время заведовал партийной кассой — неофициальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь. Ганецкий был человеком, которому Ленин передоверил технику хранения этой кас-

сы... Я знал Ганецкого уже много лет, и он меня принял, как старого знакомого, выдал один миллион в валюте — немецкой и шведской. Затем повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках. Кто-то явно пытался сортировать и бросил. В ящике около входа полно колец. В других золотые оправы, из которых уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и улыбаясь говорит: «Выбирайте!». Потом объяснил, что это все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, по указанию Ленина Дзержинский сдал их сюда на секретные нужды партии... Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. «А я, думается, понимаю больше? — ответил Ганецкий. — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отберите на глаз — сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы вы взяли побольше...». Я стал накладывать, и Ганецкий все приговаривал: берите побольше, и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И действительно, я продавал их потом в течение ряда лет... Наложил полный чемодан камнями, золото не брал: громоздко. Никакой расписки на камни у меня не спрашивали...».

Чемодан с бриллиантами и миллион валютой — это только на первоочередные нужды. Чтобы обосноваться в Берлине. После этого средства товарищу Томасу начали поступать по официальным каналам: «Из России с дипломатической почтой шла не только валюта, но и разного рода драгоценности... Бриллианты, коллекции произ-

ведений искусства и нумизматики. Реализовать их было отнюдь не просто. Берлинские антиквары не могли определить подлинную стоимость собрания редких серебряных монет... Деньги шли на подкуп различных полицейских чинов, аренду транспорта, в том числе самолетов, приобретение конспиративных квартир, закупку и переправку в Москву новинок литературы, секретарш, владеющих немецким языком, и даже «на всякие вкусные вещи», так писал сам Райх в письме от 19 августа 1922 года. В его распоряжении находились два самолета... Деньги хранились, как правило, на квартире товарища Томаса. Они лежали в чемоданах, сумках, шкафах, иногда в толстых пачках на книжных полках или за книгами. Передача денег производилась на наших квартирах поздно вечером, в нескольких картонных коробках, весом по 10–15 кг каждая...».

В России чудовищный голод, но Ленину бриллиантов не жалко — чекисты еще награбят. И товарищ Томас не одинок. Ленин раздавал народные сокровища и в Америку, и в Японию, и в Румынию...

Справедливости ради надо отметить, что не один Владимир Ильич набивал собственные закрома бриллиантами. Такие же секретные фонды были у Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Бухарина... И у Ягоды. Они тоже ни перед кем не отчитывались. Только в отличие от Ленина тратили награбленные ценности на собственные нужды.

Студитов не смог добраться до сокровищ Сибирского белого движения, спрятанных колчаковцами в верховьях Ваха. Сменивший его на посту начальника Тюменского губотдела ГПУ Долгирев

довольно быстро установил места сокрытия кладов, но делиться этим богатством с Москвой не спешил. Чтобы не вызвать подозрений, в мае 1923 года на Лубянку было отправлено несколько увесистых драгоценных посылок. За обдорскую часть колчаковского золота выдали ценности из тайника расстрелянного в 1921 году в селении Хэ рыбопромышленника Туркова. Этот обман раскрылся только в 1938 году после ареста чекистов, участвовавших в обнаружении этого клада.

Отыскать вывезенные в августе 1919 года из Тобольска усыпанную бриллиантами шпагу экс-наследника российского престола Алексея и драгоценные сибирские ордена Долгирев не успел. В ноябре 1923 года Тюменская губерния была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа — Тюменский, Ишимский и Тобольский, вошла в Уральскую область. Долгирева откомандировали в Среднюю Азию, где он возглавил окружной отдел ГПУ в Ходженте.

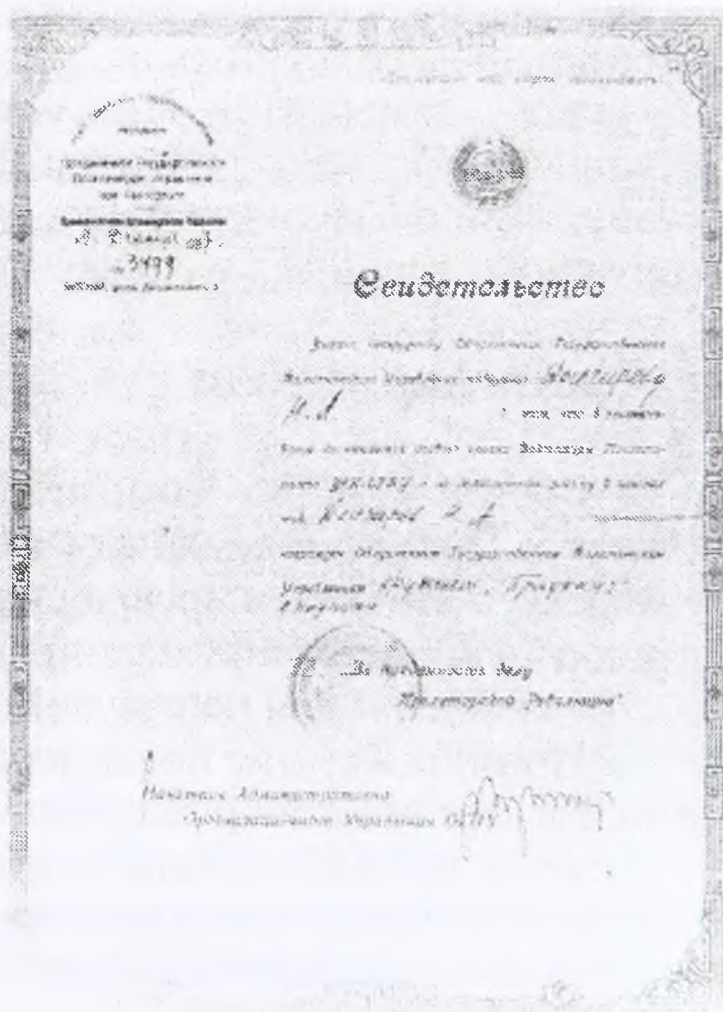
Афганские грабли

Восток в планах Коминтерна занимал важное место. После ликвидации в августе 1920 года Бухарского эмирата и превращения его в Бухарскую народную республику планировалось использовать этот плацдарм для наступления через Афганистан на Индию. Кстати, после падения Бухары красные вывезли из сокровищниц эмира Сейида Алима семь вагонов золота и драгоценных камней. Красноармейцы хвастались друг перед другом роскошными халатами и саблями с золотыми эфеса-

ми. Когда командующий Туркестанским фронтом Фрунзе прибыл из Ташкента в Москву, то его спецпоезд на Казанском вокзале оцепили чекисты. У них был мандат на производство обыска и в самом поезде, и сотрудников Фрунзе. На Лубянке знали, что Бухару разграбили и краденое отправляли в Москву целыми поездами. Чекисты думали, что и Фрунзе везет с собой трофеи. Он возмутился и пошел к Ленину. Оргбюро ЦК постановило все же провести обыск в поезде командующего фронтом, но в присутствии Дзержинского.

Фрунзе написал в ЦК письмо, выражая возмущение относительно «способа произведения в его поезде обыска, после которого его сотрудники чувствуют себя морально оскорбленными». Оргбюро 15 октября 1920 года решило: «Уполномочить т. Фрунзе выразить его сотрудникам доверие от имени ЦК».

**Свидетельство
о выдаче
памятного
оружия
Н.А. Долгиреву**

В продвижении революции на восток большевики сделали ставку на международного авантюриста Энвер-пашу.

В Москве ему предоставили для проживания особняк князей Голицыных и периодически выдавали по 500 тысяч немецких марок. Его принимали Ленин, Троцкий, Чичерин и другие руководители Советской республики.

Энвер-паша обещал объединить всех басмачей в Туркестане и под лозунгом освобождения народов Востока от английских колонизаторов двинуться в Афганистан и Индию.

Однако, обосновавшись в октябре 1921 года в Бухаре, он под видом охоты встретился с эмиром Бухарским и заключил с ним соглашение о совместных действиях против большевиков. Объявив себя «верховным главнокомандующим всеми войсками ислама, зятем халифа и пророка Мухаммеда», Энвер-паша отправил в Москву письмо с требованием вывести советские войска из Туркестана.

В конце мая 1922 года разведотдел Туркестанского фронта докладывал: «Агентурными данными отмечается организованность отрядов Энвер-паши, который является не только фактическим командующим всеми вооруженными силами повстанцев, но и идейным руководителем исламистской организации всего Туркестана. Отмечается прибытие к Энверу отрядов ферганских и самаркандских басмачей и поддерживание непрерывной связи с Бухэмиром. Энвер получает моральную и материальную помощь Афганистана. Повстанческое движение идет под лозунгом освобождения от русских... Всего против частей крас-

ного фронта действует 97 банд общей численностью 20342 человека, наблюдается их рост...». Басмачи угрожали Бухаре. Переброшенные сюда буденновцы разгромили основные силы Энвер-паши. Среди скошенных пулеметными очередями басмачей опознали неугомонного «главнокомандующего всеми войсками ислама» Энвер-пашу и других курбашей.

Внедренный под видом торговца в расположение отрядов Энвер-паши Агабеков оставил его описание: «...Среднего роста, красивое лицо, приподнятые кверху усы, аккуратно выбритый. Он носил все еще форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал...».

По сообщению Агабекова, «застать врасплох басмачей не удалось. Началась перестрелка. Под пулеметным огнем басмачи не выдержали, дрогнули и отступили. Энвер-паша вместе с тридцатью своими приближенными помчался в противоположную от боя сторону. Расчет его не оправдался. Он наткнулся на эскадрон, посланный в обход селения. Произошла короткая схватка. Штаб Энвера был изрублен шашками. Красноармейцы не знали, с кем вели бой. Лишь потом, при осмотре трупов, опознали Энвер-пашу. Ударом шашки буденновец снес ему голову и часть плеча. Рядом с обезглавленным трупом валялся Коран. Энвер, видимо, держал его в руках, когда повел свой штаб в атаку. Коран отправили в Ташкентское ОГПУ и приложили к делу об Энвер-паше. Так сложил голову (ее срубили) бывший военный министр Турции и один из авантюристов от революции... Дело Энвера было прекращено и сдано в архив. Басмачество

лишилось вождя и пошло на убыль. Приверженцы Энвера рассеялись по Туркестану небольшими группами, искали убежища в Афганистане и еще долго тревожили нашу границу...».

Полномочным представителем ОГПУ по Средней Азии, то есть единственным шефом Долгирева, был в то время Лев Николаевич Бельский. Его словесный портрет нарисовал в своей книге «Секретный террор» беглый советский разведчик Агабеков: «Большая церковь, превращенная ныне в клуб войск и органов ОГПУ. Длинное квадратное помещение. Стены обиты длинными полосами красной материи, на которых лозунги. Местами висят плакаты и различные диаграммы. На сцене также плакаты и свернутые знамена. Сейчас там же стоят стол и несколько стульев для президиума собрания. Ниже стоят ряды длинных скамеек, теряющихся в глубине помещения. Все скамьи заняты красноармейцами и сотрудниками ОГПУ, сидящими попеременно. Идет партийное собрание ячеек войск и органов ОГПУ. Председательское место занимает среднего роста полный мужчина с большим бледным распухшим лицом и редкими вьющимися светлыми волосами. Это полпред ОГПУ в Средней Азии Бельский. Он бесконечно вертится на своем стуле, ибо у него ишиас». Это заболевание седалищного нерва, сопровождаемое острой болью в пояснице, он получил в период службы в Забайкалье, где возглавлял Госполитохрану ДВР, кстати, сменив на этом посту Бермана.

Агабеков считал Бельского «одним из сильнейших работников ОГПУ. В то время как его предшественник Русанов шел напролом, он старался обойти препятствия, выждать, улучшить мо-

мент, и благодаря такой тактике в течение семи лет с осени 1923 года бессменно держится в Туркестане, постепенно прибрал к рукам всю страну. Он тайно добивается поста заместителя председателя ОГПУ и добьется, конечно, если не сорвется на каком-нибудь резком повороте партийной линии. Его единственный недостаток, с точки зрения ОГПУ, что он старый бундовец и в коммунистическую партию вступил только в 1917 году. Для ответственного поста зампреда ОГПУ это является недостаточным стажем...»¹.

Забегая вперед, скажем, что Абрам Мовшович Левин — таковы настоящие имя, отчество и фамилия Бельского — дослужился-таки до заместителя наркома внутренних дел, получил звание комиссара госбезопасности 2-го ранга, был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, нагрудным знаком «Почетный чекист». Арестован в 1939 году, расстрелян 28 октября 1941-го в поселке Барбыш (ныне район Самары).

Единственным развлечением партийной, советской и чекистской номенклатуры была тогда охота. Реликтовые охотничьи угодья простирались по берегам и островам Амударьи и Сырдарьи.

Генерал-полковник КГБ Сергей Саввич Бельченко, служивший в конце 1920-х в пограничных войсках Среднеазиатского округа, вспоминал: «...На островах, где у нас всегда был пост, напротив наших застав водилось много дичи. Мы нередко охотились. Там, в камышах, даже тигры водились (в то время тигры были еще в Средней

¹ Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России.

Азии), и я даже однажды стрелял в тигра, за что меня сильно отругали. Тигр в камышах этих мог меня обойти и напасть, сбить с лошади и растерзать... Очень активно велась тогда на границе фазанья охота. Стреляли из охотничьих ружей. Но винтовки и ручные пулеметы брали, как правило, с собой. Бывали случаи, когда нас обстреливали в камышах: то ли бандиты, то ли случайно местные жители-охотники...».

Хозяином этих заповедных мест считался Долгирев. Во время военных действий на бухарском фронте Ходжент и Чарджоу были базами тылового обеспечения красных войск и центрами экспорта революции. Сформированная в мае 1922 года из катеров и глассеров, доставленных из Самары, Сырдарьинская военная флотилия способствовала разгрому басмачей, охраняла рыбные промыслы и охотничьи угодья. После преобразования в июне 1926 года Туркестанского фронта в Среднеазиатский военный округ сторожевые корабли упраздненной флотилии перешли в управление местных отделов ГПУ.

Агабеков вспомнил, как «к Бельскому приехал погостить и поохотиться полномочный предста-

Билет члена ВЦИК Н.А. Долгирева

витель ОГПУ Белоруссии Медведь. Это одинаковой комплекции и, видимо, психологии с Бельским человек. Они — большие друзья и старые соратники. Лицо у Медведа жесткое, да и деяния за ним числятся не мягкие».

Филипп Демьянович Медведь к революционному движению примкнул в Варшаве, два года сидел в царской тюрьме. Он был близок к Дзержинскому, по его рекомендации Медведа в 1907 году приняли в партию большевиков.

С 1919-го Медведь был членом коллегии ВЧК. Он сменил немало должностей: возглавлял ЧК в Петрограде и Особый отдел Западного фронта, был начальником Московского губернского отдела ГПУ, председателем ГПУ Белоруссии и полномочным представителем ОГПУ по Западному краю, с 1926 года — представителем по Дальневосточному краю.

В январе 1930-го его вновь назначили в Ленинград. Он пристрастил к охоте члена Политбюро, секретаря ЦК, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, первого секретаря Северо-Западного бюро ЦК Сергея Миновича Кирова (это псевдоним, его настоящая фамилия Костриков). Киров благоволил к Медведю. Это был, судя по рассказам, симпатичный человек, жизнелюб. Он постоянно устраивал охотничьи выезды и пикники с приглашением музыкантов и певцов, включая Леонида Утесова.

После убийства 1 декабря 1934 года в Смольном Кирова Медведа обвинили в халатности и приговорили к трем годам исправительно-трудовых работ, а 29 ноября 1937 года расстреляли.

Разные люди приезжали к Долгиреву в Таджикистан на фазанью охоту. Однако после бег-

ства в январе 1928 года во время охоты в Персию секретаря Сталина Бориса Георгиевича Бажанова охотничьи праздники на границе временно прекратились.

Ликвидировать высокопоставленного беглеца чекистам не удалось. Через Персию и Индию Бажанов добрался до Парижа и издал книгу «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

К тому времени обстановка в соседнем Афганистане в очередной раз обострилась. После возвращения летом 1928 года эмира Амануллы из путешествия по Европе через СССР и Турцию в стране вспыхнуло восстание племен. Среди повстанцев появился Бачаи-Сакао, по национальности таджик, сын кабульского водовоза, дезертир афганской армии. После трехдневного боя его отряды заняли Кабул. Аманулла успел бежать в Кандагар, ища поддержки у племени дурани, из которого сам происходил. Бачаи-Сакао провозгласил себя королем Афганистана.

Москва оказалась в трудном положении — кого поддержать: эмира или вождя повстанцев. ОГПУ «доказывало», что Бачаи-Сакао, будучи сам выходцем из низов, опирается на крестьянство, интересы которого он защищает, и убеждало, что, поддержав его, можно постепенно «советизировать Афганистан». Наркоминдел же утверждал, что «Бачаи-Сакао в борьбе с Амануллой пользовался поддержкой англичан, снабжавших его оружием».

Политбюро признало доводы Наркоминдела более правильными и решило поддержать эмира Амануллу, представителя помещиков и ханов, против пролетария Бачаи-Сакао. Состоялось личное свидание между Сталиным и афганским мини-

стром иностранных дел Гулам-Джелани-ханом. На этом совещании присутствовал также советский военный атташе в Кабуле Примаков¹. Было решено организовать специальную группу из красноармейцев, переодеть их в афганцев и перебросить в Афганистан для похода на Кабул и свержения короля-самозванца Бачаи-Сакао.

Долгирев, ссылаясь на мнения исламских старейшин Ходжента, духовной столицы Туркестана, направил через голову Бельского в ОГПУ рапорт, в котором возражал против военного вторжения на территорию сопредельного государства. Однако его предостережения не восприняли и за нарушение субординации уволили из ОГПУ.

По утверждению Агабекова, «Сталин со своей обычной «прямотой» решил разрубить узел внутренних афганских отношений ударом красноармейского кулака».

Рано утром из пограничного города Термеза поднялись советские аэропланы и, перелетев через Амударью, перестреляли из пулеметов афганских пограничников.

«Немедленно вслед за этим, — докладывал Агабеков, — пехота, набранная из лучших команд Ташкента, начала спокойно переправляться через Амударью. Перейдя границу, эта группа войск в числе восьмисот человек, вооруженная многочис-

¹ Примаков Виталий Маркович, род. в 1897 г., активный участник Гражданской войны, командовал кавалерийским полком, бригадой, дивизией, корпусом, награжден тремя орденами Красного Знамени, комкор (1935), после войны военный атташе в Афганистане и Японии, зам. командующего Ленинградским военным округом. Расстрелян в 1937 году.

ленными пулеметами и несколькими орудиями, направилась на Мазари-Шариф. Высланные против нее правительственные войска были мгновенно рассеяны пулеметным и артиллерийским огнем... Город оказался в руках Примакова, выступавшего в этом походе под видом турецкого офицера... Армия Бачаи-Сакао разбежалась, потеряв около трех тысяч убитых... Тем временем в Москве получили известие, что Аманулла-хан, ради которого была предпринята экспедиция, бежал из Кандагара в Индию, отказавшись, таким образом, от борьбы с Бачаи-Сакао... Потеряв возможность действовать именем Амануллы, советские войска спешно отступили и через три дня вернулись обратно на свою территорию...».

Дорожные сумки солдат были отнюдь не пустыми: они вывезли казначейство Мазари-Шарифа и большое количество товаров, изъятых у купцов Северного Афганистана.

Экспедиция закончилась, но в штабе Среднеазиатского военного округа продолжалась разработка новой операции против Бачаи-Сакао. Один из ее вариантов предусматривал возвращение Амануллы при сохранении независимости Афганистана, другой — создание на севере страны марионетной республики с дальнейшим ее присоединением к СССР.

Интервенция не состоялась, потому что 1 октября 1929 года афганский народ сверг Бачаи-Сакао без всякой помощи извне. Афганистан избежал вторжения и межплеменной войны, которая наверняка разгорелась бы в этом случае.

Через 50 лет советское руководство вновь ввязалось в афганскую авантюру. Как будто не зна-

ло о провале военной экспедиции Примакова и о предостережениях Долгирева.

Историк Леонид Михайлович Млечин считает: «Председатель КГБ Андропов в Афганистане попался в ловушку своего ведомства, которое соблазнило его простотой решения проблемы: убрать правителя Амина, доставить в Кабул своего человека Кармалю и поставить его у власти. Тайные операции чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом...».

15 февраля 1989 года советские войска покинули Афганистан, потеряв там убитыми 13300 человек. Советская страница истории этой страны закрылась навсегда.

«За отсутствием состава преступления»

О Долгиреве вспомнили в 1930 году, когда отношения между идеологом «остяко-зырянской и самоедской республики» бывшим обдорским чекистом Сосуновым, ставшим председателем Тобольского окружного комитета Севера, и аналогичной структурой в областном Свердловске приняли характер военных действий.

Уральский комитет Севера отверг внедряемую Сосуновым систему туземных родовых советов. Чтобы развести враждующие стороны и не допустить протестных выступлений аборигенов в условиях массовой ссылки в эти места репрессированного крестьянства, Долгирева назначили секретарем Тобольского окружкома ВКП(б). Как раньше, в Чечне и Таджикистане, он решил опереться на мест-

ных родовых вождей: встречался с князем ваховских и тобольских остяков Куниным-старшим. Этому старику народная молва приписывала спрятанное «большим сургутским урядником» Волковым вывезенное из Тобольска колчаковское золото.

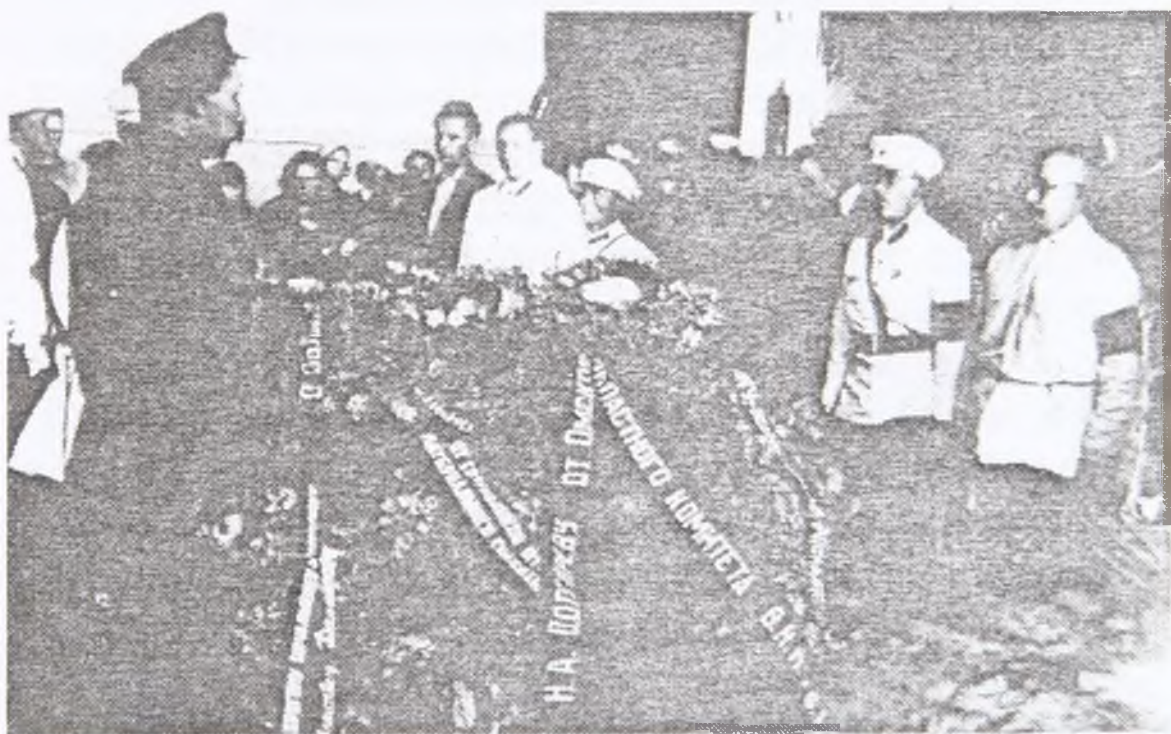
Для нормализации обстановки на Тобольском Севере секретарь окружкома Долгирев, сместив строптивного и амбициозного Сосунова с его поста, предложил в феврале 1930 года в письме Комитету Севера при ВЦИК заменить существующие здесь с 1925—1926 годов родовые туземные советы территориальными (в то время уже действовали 12 туземных районов и 64 родовых совета).

10 декабря 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»: созданы восемь национальных округов, в том числе Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий.

Образование в декабре 1930-го в бассейнах рек Вах и Таз Ларьякского (Ваховского) остяцкого туземного района (Больше-Ларьякский, Больше-Тарховский, Колек-Еганский, Корликовский, Ларьякский (Ваховский), Охтеурский национальные советы и кочевой совет Толькинский) совпало с кончиной старого князя Кунина: «...Пять шаманов увезли покойного на оленях далеко в урман», — гласит народная легенда. Власть над сородичами и тайна колчаковского клада перешли к сорокалетнему сыну Кунина Ефиму по прозвищу Шатин или Шата. Туземное население района находилось у него в полной зависимости. Первое время местные партийные, советские и хозяйственные органы вполне с ним ладили.

Но в 1931 году Долгирева назначили начальником Нижне-Иртышского государственного пароходства, которое обслуживало судоходные Иртыш, Обь и их притоки в пределах национальных округов — протяженность речных маршрутов в Обь-Иртышском бассейне достигала 13 тысяч километров.

Механическое перенесение методов колхозного строительства из южных районов в северные и решение президиума ВЦИК «...произвести экспроприацию всего оленьего стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеода-

В день похорон 7 августа 1935 г. (г. Омск) в почетном карауле у гроба покойного Н.А. Долгирева стоят (справа) первый секретарь обкома ВКП(б) тов. Булатов, (третий) секретарь партийного комитета управления Иртышского госпароходства Воронский, (слева первый) первый зам. начальника управления НКВД тов. Здоровцев

лов...» не могли не вызвать среди коренного населения протеста и сопротивления.

В декабре 1932 года чекисты заманили Кунина-Шатина в Ларьяк и «оперативно изъяли» — увезли в Остяко-Вогульск. Но тайник в лабиринте притоков Ваха он не выдал. Кроме него о кладе знал лишь его покойный отец. Да еще Долгирев, который успешно провел четыре навигации. А пятую не успел. Погиб на охоте...

В постановлении о прекращении уголовного дела «за отсутствием состава преступления» следователь Шейнин, ссылаясь на «устные объяснения ответственных работников НКВД СССР», указал: «...Труп Долгирева... был обнаружен на левом берегу реки Вах в окрестностях селения Большетархово. Смерть наступила в результате глубокого проникающего ножевого ранения в правый глаз...». Эта нелепая и страшная история в 1938 году получит отражение в шейнинских «Записках следователя». Но имена и географические названия в рассказе «Охотничий нож» были изменены.

Почему местом охоты для начальника Нижне-Иртышского пароходства Долгирева стали столь далекие от Омска безлюдные берега Ваха — притока Оби? Кто из «ответственных работников НКВД СССР» сопровождал его на последней охоте? Какую роль в этой трагедии играл генеральный комиссар государственной безопасности СССР Ягода?

*Приложение 1***Письмо Ворошилова Сталину***21 января 1923 года*

«Дорогой Иосиф Виесарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15 января в ауле Урус-Мартан, что в двадцати четырех верстах от г. Грозный, на съезде представителей аулов (по пять человек от аула) чеченского народа при торжественной обстановке провозглашена автономия Чечня.

Выезжали в Чечню Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатление: чеченцы, как и все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение слугителя аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе «божием».

Наши велеречивые и многомудрые коммунисты, работавшие и работающие в Чечне и Горской республике, по-моему, ничему не научились и не могли научить. Расслоение, «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и прочие прекрасно звучащие вещи служили удобной ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов.

После наших (официальных) выступлений говоривший главмулла заявил, что он от имени всего чеченского народа приносит сердечную благодарность высшим органам Советской власти, и выразил свои положения (требования), сводящиеся к следующему:

1. Нужно организовать такую власть, которая будет служить народу, а не обворовывать его.

2. Немедля беспощадными мерами ликвидировать бандитизм, воровство и разбои.

3. Разрешить сформировать в достаточном количестве чечмилицию.

4. Допустить существование шариатских судов.

Вот основные требования старших мулл...

До тех пор пока мы не создадим в Чечне кадры преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами... Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влиятий через бедноту» и прочую чепуху,

Конечно, беднота, как и везде, имеется и в Чечне. Но, во-первых, в Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере, а во-вторых, всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака, — кулак уже грамотный, а то и образованный...».

Примечание. Левандовский Михаил Карлович род. в 1890 г., командарм 2-го ранга (1935), окончил Владимирское военное училище (1912), участник Первой мировой войны, штабс-капитан, в гражданскую нарком по военным делам Терской советской республики, командовал Владикавказско-Грозненской группой войск, 11-й и 9-й армиями, после войны — зам. командующего Северо-Кавказским военным округом, командовал Туркестанским фронтом, Кавказской Краснознаменной армией, Сибирским и Закавказским военными округами. Расстрелян в 1937 году.

**Шифрограмма Тюменского губотдела ГПУ всем
уполномоченным губотдела на местах о решительном
в деле изъятия церковных ценностей**

29 февраля 1922 года

г. Тюмень

В Тюмени раскрыт заговор с целью противодействия изъятию церковных ценностей. С ведома и бла-

гословения епископа Иринарха была составлена явно контрреволюционная прокламация, содержащая категорический отказ отдачи ценностей, с которой ходили по домам «зараженные буржуазным фанатизмом» старухи буржуазного происхождения, собирая подписи... Благодаря своевременному раскрытию инициаторов неподчинения эксцессов не было.

Предлагается усилить до максимума агентурно-разведывательную работу среди духовенства, церковников и других антисоветских элементов. Всех, сознательно противодействующих изъятию ценностей и замеченных в агитации, скрывании и хищении ценностей, арестовать и передать немедленно суду. Ни в коем случае не мариновать дела и не заниматься безрезультативной агентурной разработкой. При наличии достаточных улик и свидетелей, подтверждающих факты, выносить приговоры...

Пред. губотдела ГПУ

Студитов

Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО).

Ф. П-12. Оп. 2. Д. 2. Л. 82.

Из сводки губотдела ГПУ о политико-экономическом состоянии Тюменской губернии на 7 июня 1922 года

Москва Информотдел ГПУ

Новониколаевск ПП ГПУ по Сибири Павлуновскому

...5 июня началось в Губревтрибунале слушание дела епископа Тюмени Иринарха, обвиняемого в санкции воззвания, призывающего граждан к активному противодействию изъятию ценностей. Дело слушается населением с большим интересом, обывательский элемент сочувствует обвиняемому, красноармейцы и большинство рабочих за осуждение епископа.

Нач. губотдела ГПУ

Студитов

ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 105. Л. 43.

Из сводки губотдела ГПУ о политико-экономическом состоянии Тюменской губернии на 21 августа 1923 г.

Москва Информотдел ГПУ

Екатеринбург ПП ГПУ по Уралу Морозу

...В дер. Соляной Абалакской волости Тоб. уезда в конце июля было обнаружено два случая заболевания скота сибязвой, также это заболевание замечено среди мужчин. Крестьяне данной деревни вызвали к себе из дер. Серебрянка «знахарку» Александру Богданову 27 лет, которая, осмотрев больных лошадей и людей, заявила, что на них напущена «порча», и предложила населению свои услуги по выяснению лиц, которые напустили эту порчу. Гадала на углях, святой воде, глядела в стакан с водой, в печную трубу, но выяснить не могла. Тогда предложила собрать всех женщин и девушек на площадь и пропускать их попарно мимо окна той избы, где она находилась. Когда процессия попарно проходивших женщин и девушек близилась к концу, то Богдановой были указаны шедшие в конце молодая женщина 20 лет и девочки 6 и 9 лет, которые, по мнению Богдановской, были колдуньи. Окончив гадание, «знахарка» получила вознаграждение — 100 руб. общественных денег, около 30 аршин холста, муки, масла — и отбыла благополучно восвояси. Заподозренные в колдовстве девушки и молодая женщина «опчетом» были арестованы и подвергнуты разным издевательствам, угрозам и пыткам. Затем их повели к пруду, хотели сначала утопить, но мужчины пожалели запоганить воду, поэтому их ввели в старую баню и думали сжечь вместе с баней, но побоялись, что от этого может сгореть вся деревня. Наконец, несчастные были затворены в пустой продовольственный магазин, продержаны там два дня и выпущены с обязательством никуда не отлучаться из деревни...

*Нач. губотдела ГПУ**Долгирев*

ГАОПОТО. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 57. Лл. 146 и об.

Из сводки губотдела ГПУ о политико-экономическом состоянии Тюменской губернии на 1 ноября 1923 года

...31 октября в Ишиме был устроен платный диспут на тему о происхождении первого человека. Докладчиком выступал Овечкин, содокладчиком — зав. уездным отделом наробразованя Корушин; оппонентами являлись архиепископ Алексей и священник Напалков. Диспут начался в 6 часов вечера в присутствии собравшейся публики до 500 человек, из них 255 коммунистов, 25% рабочих и сочувствующих Соввласти, а 50% — верующие, обыватели и им подобные.

Диспут ничего существенного в пользу антирелигиозной пропаганды не принес. Упомянутые выше религиозные деятели покинули зал после выступления священника Напалкова, не дожидаясь даже прений сторон. По предложению секретаря укома тов. Спичарского вынести резолюцию о том, что человек произошел не от Бога, а от мира животных, голосовали единогласно только оставшиеся 25% коммунистов и 25% сочувствующих Соввласти.

Во время хода диспута были попытки сорвать его лицами, происходящими из сферы религиозных и критически относящихся к идее коммунистов.

Нач. губотдела ГПУ

Долгирев

ГАОПОТО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 57. Лл. 191 и об.

Дорогой Николай Алексеевич.

Мы, сотрудники Ходжентского окружного отдела ОГПУ, спаянные в одну железную семью, прошедшие все невзгоды, все тяжести революционной борьбы за дело трудящихся масс, в день празднования пройденного первого этапа славных работ — день Десятилетия ВЧК-ОГПУ, зоркого глаза социальной революции, поздравляем тебя с этим праздником, отмечая твою исключительную энергию, проявленную в деле работ органов ВЧК-ОГПУ, прямую и твердую в деле социалистического строительства, выкованную тобою в перио-

ды твоей подпольной борьбы дореволюционного времени, закрепленную еще более гонениями тебя по тюрьмам и ссылкам, и революционной борьбы за дело пролетарских масс — линию, желаем тебе и впредь быть твердым, с железной волей, справедливым, идя неуклонно по Ленинскому пути, выполняя задачи, оставленные нам Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

Отмечая твои заслуги перед Революцией, твою твердую линию как старшего товарища по проведению возложенных на нас задач и твое товарищески-сердечное отношение к нам — сотрудникам, разреши преподнести тебе скромный подарок — серебряную чернильницу и серебряный портсигар — в знак тесной, спаянной совместной товарищеской работы в Ходжентском окружном отделе ОГПУ.

Да здравствует зоркий глаз социальной революции органы ВЧК-ОГПУ.

20 декабря 1927 года

Водники Иртыша склоняют знамена

Тобольск (молния) Парторганизация Тобольской пристани выражает глубокое соболезнование по поводу преждевременной и трагической смерти старого большевика и начальника Нижне-Иртышского госпароходства Николая Алексеевича Долгирева, погибшего в расцвете сил и большевистской энергии. Эта смерть является большой утратой для партии.

Его недавнее посещение и большевистская работа на Тобольской пристани по выполнению задач партии свежа в нашей памяти. Ходатайствуем о присвоении одному из судов имени товарища Долгирева.

Пароход «Красный Путь» (молния)

Узнав о преждевременной и трагической смерти старого большевика, члена Обкома партии Облисполкома, стойкого борца, прекраснейшего руководи-

теля водного транспорта Николая Алексеевича Долгирева, скорбим вместе со всей общественностью, всеми водниками и семьей погибшего...

Мы, команда парохода «Красный Путь», на котором ты, Николай Алексеевич, ехал последний раз в своей жизни, склоняем знамена и свои головы и перед твоей могилой даем свое пролетарское обещание еще больше сплотиться на выполнение навигационного плана, поставить железную трудовую дисциплину, бороться за выполнение плана осенних перевозок...

Лев Шейнин

Охотничий нож

...Всем без исключения было хорошо известно, что профессор и его ассистент не переваривают друг друга. Приказ о направлении этих двух людей на год в обстановку, где они продолжительный срок будут находиться вместе, вызвал недоумение и улыбки. Кое-кто шутил, что сделано это неспроста, в расчете на то, что суровый климат остудит вражду между профессором и его ассистентом.

— Друзьями возвратятся оттуда, — говорили шутники, — закадычными. Вот увидите...

Спорили о том, долго ли будет продолжаться эта беспричинная вражда. Оптимисты заверяли, что Буров и Воронов в конце концов помирятся и даже полюбят друг друга. Пессимисты утверждали обратное. Было зарегистрировано несколько случаев пари по этому поводу. И даже две ссоры.

...Но через месяц короткая сухая телеграмма с острова Колгуева уведомила университетскую общественность о том, что профессор Буров убит доцентом Вороновым.

Следователь по важнейшим делам, которому было поручено расследование по делу об убийстве профессора Бунова, прежде всего выяснил возможность поездки на остров Колгуев. К сожалению, оказалось,

что по ряду метеорологических и иных причин поехать туда в это время нельзя.

Тогда следователь снесся по радио с капитаном ледокола, курсировавшего у берегов Колгуева, и дал ему ряд поручений. Он просил капитана доставить в Москву в замороженном виде труп убитого, допросить свидетелей этого преступления, если такие окажутся, и, кроме того, произвести самый тщательный осмотр местности, в которой произошло убийство.

...Обстоятельства дела сводились к тому, что Бурова убил именно Воронов и никто другой.

— Когда мы приехали на остров, — рассказывал Воронов, — наши и без того неприязненные отношения с профессором стали все более обостряться. Мы оба старались сдерживать себя, но взаимная неприязнь буквально выпирала из каждого нашего слова, взгляда, жеста. Это было очень тяжело — постоянно сдерживать себя. И главное — это не помогало. Я чувствовал, что профессор остро ненавидит меня, и платил ему тем же. Бывали такие минуты, и должен прямо вам сказать об этом, когда мне приходила в голову шальная мысль ударить профессора, жестоко избить его, даже убить...

— Я не знаю, — продолжал давать показания Воронов, — может быть, в конце концов, не совладав с собой, поддавшись минутной вспышке, я бы действительно убил профессора. Может быть. Но я его не убивал. Это случилось так.

В то утро мы решили поехать охотиться на уток на озеро, расположенное в глубине острова. Мы поехали туда на нартах, которыми управлял ненец Вася. На половине пути нарты сломались. До озера оставалось около трех километров. Мы решили пойти пешком, а Вася остался чинить нарты.

Когда мы пришли к озеру и начали стрелять в уток, они отплыли к противоположному берегу. Я предложил профессору, чтобы он остался на этом месте, а я пойду к другому берегу и буду стрелять оттуда. Про-

фессор согласился. Я пошел на противоположный берег.

Стоя там, я через полтора километра, нас разделявшие, довольно ясно видел фигуру профессора, одиноко стоявшего на берегу. Никого рядом с ним не было и быть не могло. Это я заявляю твердо. Потом с того места, где стоял профессор, раздался выстрел. Внезапно я увидел, как профессор как-то странно закачался, а затем упал. Не понимая, что случилось, я бегом бросился к нему.

Когда я прибежал, то застал профессора еще живым, но уже без сознания. Он был тяжело ранен охотничьим ножом, вонзенным глубоко, по самую рукоятку, в его левый глаз. Рукоятка ножа торчала из глазной впадины профессора, как большая гнойная опухоль. Ружье профессора валялось рядом...

Я совершенно растерялся. Не зная, как помочь несчастному, попытался извлечь из его глаза нож. Но мне это не удалось — с такой силой его всадили. Тогда, не помня себя, я бросился бежать к тому месту, где мы оставили нарты. Когда я прибежал, Вася уже заканчивал починку. Я сказал ему, что с профессором несчастье, и он погнался за собаками. Но когда мы приехали, профессор был уже мертв. Мы отвезли его труп на зимовку, где с трудом извлекли из раны нож, которым было совершено убийство. Вот и все... Позвольте мне закурить?

...Доставленный в Москву труп профессора Бурова был подвергнут судебномедицинскому вскрытию, которое произвел П.С. Семеновский. Заключение состояло в основном из двух пунктов:

1. Смерть профессора Бурова явилась следствием ряда тяжелых повреждений, причиненных ударом охотничьего ножа в левый глаз покойного.

2. Этот удар был нанесен с нечеловеческой силой.

— Что значит «с нечеловеческой силой», — спросил Семеновский следователь, — как понимать это, Петр Сергеевич?

— Это значит, — ответил эксперт, — что сила, с которой был нанесен удар ножом, превышает среднюю силу нормального человека. Поэтому я применил выражение «нечеловеческая». Но сказать вам точно, какая это сила, я не могу...

Следователь тщательно осмотрел ружье профессора Булова. Это был охотничий винчестер, и в нем не оказалось ничего интересного для дела. Нож, которым был убит профессор, тоже ничем особенным не отличался: обычный, довольно дешевый охотничий нож с деревянной ручкой.

Но, когда следователь внимательно его рассмотрел, он обнаружил одну маленькую деталь: в деревянной ручке ножа имелся небольшой дефект — следствие недостаточно аккуратной работы. Крохотный кончик металлического стержня, на который была насажена ручка, торчал из нее своим острием. Это было почти незаметно.

Следователь ощупал этот крохотный кусочек металла и внезапно вскочил — так обожгла его мысль, блеснувшая как искра в ночной темноте.

Через час группа спешно вызванных экспертов — оружейников и охотников — толпилась в кабинете следователя.

— Скажите, — спросил следователь, обращаясь к охотникам, — скажите, с точки зрения обычной охотничьей практики, как поступит охотник, имеющий за поясом охотничий нож с деревянной ручкой, как он поступит, если патрон при досылке его в магазинную часть ружья почему-либо закапризничает, застрянет, плохо пойдет? Ну, скажем, патрон чуть разбух от сырости или покривился, или плохо был сделан. Что сделает, как поступит охотник?

Эксперты чуть удивленно переглянулись между собой и начали шептаться.

— В таких случаях, — наконец единодушно решили они, — охотник, скорее всего, возьмет свой охотничий нож и, постукивая его тупой деревянной руч-

кой по капсульной части патрона, постарается осторожно вогнать его до самого конца.

— И я так полагаю, — улыбнулся следователь.

— Ну а теперь осмотрите этот нож, обратите внимание на этот торчащий кончик металлического стержня и представьте себе, что охотник этим ножом постарается вогнать патрон. Что будет?

Эксперты осмотрели нож, исследовали прочность металла, из которого был изготовлен стержень, и согласились на одном.

— Этот кусочек стержня, — сказали они, — по своей остроте и прочности металла вполне может сыграть роль бойка. И если этим ножом ударить по капсульной части патрона, произойдет взрыв, последует выстрел.

Тогда следователь обратился к оружейникам.

— Скажите, — спросил он их, — если патрон не дослан до конца, если вследствие неосторожности охотника произойдет взрыв, куда направится сила взрыва, какова степень этой силы?

— При таком положении, — ответили эксперты, — сила взрыва пойдет назад, она даст огромный толчок в руку охотника, держащую нож, отбросит эту руку назад, к его лицу. Сила взрыва, сила этого толчка будет очень значительна: примерно это сила давления пяти-семи атмосфер.

Следователь облегченно вздохнул. Внезапная догадка, пришедшая ему в голову, подтверждалась...

И можно уже писать постановление о прекращении дела о гибели профессора Булова «за отсутствием в этом деле состава преступления». И это дело можно сдать в архив. И можно перейти к расследованию других дел, которые уже стоят на очереди.

И снова блуждать в потемках, путаться в лабиринтах фактов и человеческих отношений, спотыкаться и все-таки идти вперед, ошибаться, но все-таки находить.

«Теткины сыновья»

В 20-е годы «теткой» прозвали ГПУ, а поводом к этому послужили строчки из поэмы Александра Безыменского «Комсомолия»:

*Комсомол — он мой папаша,
ВКП — моя мамаша...*

«Теткины сыновья» — сотрудники ГПУ — отличались вздорным и скандальным характером. К 1931 году подковерная борьба практически дезорганизовала деятельность чекистского ведомства, расколола руководство ОГПУ на несколько мелких групп, которые были заняты лишь выяснением отношений между собой.

Болезнь председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского (у него в 1929 году произошел сильный сердечный приступ) выдвинула на первые роли в центральном аппарате Генриха Григорьевича Ягоду. Его возвышение вызвало недовольство у пяти высокопоставленных чекистов: второго зампреда ОГПУ и начальника Иностранного отдела Станислава Адамовича Мессинга, начальника Секретно-оперативного управления Ефима Георгиевича Евдокимова, начальника Особого отдела Яна Каликстовича Ольского, начальника Административно-организационного управления Ивана Александровича Воронцова (он одновременно возглавлял Главное управление по-

граничной охраны и войск ОГПУ) и полпреда ОГПУ по Московской области Льва Николаевича Бельского.

В эту ситуацию вмешался Сталин: 31 июля 1931 года из Коллегии ОГПУ выбыли Мессинг, Евдокимов, Ольский, Воронцов, Бельский. Сам Ягода был смещен на ранг ниже — стал вторым заместителем председателя ОГПУ. Одновременно на Лубянку высадили «партийный десант»: заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции Иван Алексеевич Акулов стал первым заместителем Менжинского, заведующий оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б) Дмитрий Александрович Булатов занял пост начальника отдела кадров ОГПУ.

Была введена должность третьего заместителя председателя ОГПУ для председателя ГПУ Украины Всеволода Аполлоновича Балицкого, вместе с которым в центральный аппарат пришло значительное количество украинских чекистов.

Открылась вакансия в Секретно-политическом отделе (СПО). Его бывший начальник Яков Саулович Агранов (настоящая фамилия Соредзон) был назначен полпредом ОГПУ по Московской области.

СПО создали в марте 1931-го путем слияния информационного (ИНФО) и секретного (СО) отделов ОГПУ.

20 ноября 1931 года вышло в свет постановление Политбюро ЦК ВКП(б): «...Утвердить начальником Секретно-политического отдела ОГПУ тов. Молчанова, освободив его от работы полномочного представителя ОГПУ в Иваново-Промышленной области».

Какие тайные пружины вытолкнули на вершину политического сыска этого, на первый взгляд, непримечательного чекиста, не входившего ни в одну из сложившихся к тому времени территориально-ведомственных группировок?

Без лица

Георгий Андреевич Молчанов родился в 1897 году в Харькове. Родители решили назвать сына на французский манер — Жоржем. Отец тяготел ко всему французскому: он служил официантом в одной из харьковских ресторанов. Почти все детство Егора — так звали его сверстники — прошло в нездоровом районе Харькова — «Москалевке», или в «Пустыне Аравии», так называли эти места городские остряки. Песчаные пустыри, среди которых размещалось жилье семьи Молчановых, угнетали родителей. Они мечтали «выбиться в люди», выбраться в более спокойный и благоприятный район города, поэтому на всем экономили и жили впроголодь.

Понасмотревшись в ресторане на состоятельных купцов, отец, поднатужившись, пристро-

*Георгий Андреевич
Молчанов*

ил сына в торговую школу, организованную на пожертвования местного купечества. Там учили конторскому делу и счетоводству, коммерческой арифметике и товароведению. Считать чужие деньги Егор умел и уже присмотрел место приказчика в галантерейном магазине. Но... наступил 1917 год — революционная буря захлестнула Украину. Появилось множество разных партий, проводились митинги, демонстрации. Все это увлекло молодежь, и Молчанов не стал исключением. Он быстро прочитал политические перспективы партии Ленина и примкнул к большевикам, хотя многие в Харькове всячески их ругали, называя немецкими шпионами, продавшими Россию. В декабре 1917-го, в самый ответственный момент противостояния войск Центральной Рады и отрядов Красной гвардии, Молчанов был принят в РСДРП(б).

Решение сына оглушило отца, с ужасом смотревшего на то, как рушится старый добрый мир, в котором он занял хотя незавидное, но удобное место. Он не смог найти опоры в новой, пугающей его жизни и умер в своем маленьком доме на окраине Харькова.

А несостоявшийся приказчик Жорж поступил на службу в штаб Владимира Александровича Антонова-Всеенко, верховного главнокомандующего советскими войсками на юге России.

В Харьков прибыли отряды балтийских матросов, питерские и московские красногвардейцы под командованием бывшего царского полковника Егорова, барона Сиверса и левого эсера Саблина. Все операции для этого деморализованного грабежами и пьянством воинства разрабатывал начальник штаба Южного фронта Михаил Артемьевич Мура-

вьев, главный военный специалист советской республики, мечтавший стать «красным Наполеоном».

В своих «Записках о гражданской войне» Антонов-Овсеенко оставил такой портрет Муравьева: «Его сухая фигура, с коротко остриженными сидящими волосами и быстрым взглядом — мне вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Его горячий взволнованный голос звучал приподнятыми верхними тонами. Выражался он высоким штилем, и это не было в нем напускным. Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно. В этой его горячности была его главная притягательная сила, а сила притяжения к нему солдатской массы, несомненно, была. Своим пафосом он напоминал Дон-Кихота, и того же рыцаря Печального Образа он напоминал своей политической беспомощностью и своим самопреклонением. Честолюбие было его подлинной натурой. Он искренне верил в свою провиденциальность, нимало не сомневаясь в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутствии сомнения в себе была его вторая сила... Вообще этот смелый авантюрист был крайне слабым политиком. Избыток военщины мешал ему быть таковым, а плохой политик мешал ему быть хорошим военным... Фанфаронство не покрывало в Муравьеве смелость, которая в нем бурлила...».

Антонов-Овсеенко рассказывал, что Муравьев, «всегда бледный, с неестественно горящими глазами на истасканном, но все еще красивом лице», постоянно «сорил деньгами» и «сеял разврат», окружив себя «подозрительными личностями», среди которых выделялась группа его телохранителей, не то бандитов, не то наркоманов.

Навыки, полученные Молчановым в торговой школе,годились ему в штабной работе. Расторопность, услужливость, желание угодить, ставшие чуть ли не семейной традицией, помогли ему стать незаменимым в окружении бывшего подполковника Муравьева.

Тогда Жорж был очарован этим «полубогом», «хозяином» жизни и перенял его далеко не лучшие качества.

В начале января 1918 года ленинское правительство решило начать полномасштабную войну против Украинской народной республики. Муравьев стал командующим советскими частями (около трех тысяч штыков), наступавшими в направлении Полтава—Киев. Именно он разработал план «молниеносной эшелонной войны», которая предполагала быстрое продвижение войск в эшелонах по железным дорогам при полном отсутствии фронта. Этот план сработал, и уже 27 января 1918-го армия Муравьева появилась под Киевом. 9 февраля он доложил Ленину: «Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам, бил, никому не давая пощады... Я занял Киев. Сотни генералов, а может, и тысячи, были безжалостно убиты... Так мы мстили. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали того, потому что наш лозунг — быть беспощадными!».

Считая себя главным красным маршалом, он продолжал: «...Думаю начать формирование Социалистической армии из рабочих для того, чтобы при первом зове восставших рабочих Германии, Австрии и других стран мы могли бы подать руку помощи нашим братьям рабочим...».

Ленин телеграфировал в ответ: «Действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте».

Для военного похода в Европу понадобились большие деньги, и Муравьев потребовал от Одесской городской думы предоставить ему в трехдневный срок 10 миллионов рублей золотом: «Черноморский флот мною сосредоточен, и я вам говорю, что от ваших дворцов ничего не останется, если вы не придете мне на помощь. С камнем на шее я утоплю вас в море и отдам семьи ваши на растерзание. Я знаю, что в ваших сундуках есть деньги... Я знаю этот город. Деньги есть...».

Но вместо ожидаемых 10 миллионов он получил только два. Тогда «диктатор Малороссии» приказал реквизировать все деньги из банков и касс предприятий Одессы. В городе начался хаос. Состоятельные одесситы спешно прятали ценности в укромные места. Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков с присущей ему дотошностью описал этот процесс в своем романе «Белая гвардия». Инженер Василий Иванович Лисович, прозванный жильцами дома по Андреевскому спуску Василисой, тщательно завесил окна простынями и... «взял стул, влез на него и руками нашарил что-то над верхним рядом книг на полке, провел ножичком вертикально вниз по обоям, а затем под прямым углом вбок, подсунул ножичек под разрез и вскрыл аккуратный, маленький, в два кирпича, тайничок, самым же изготовленный в течение предыдущей ночи. Дверцу — тонкую цинковую пластинку — отвел в сторону, слез, пугливо поглядел на окна, потрогал простыню. Из глубины нижнего ящика стола, открытого двойным звенящим поворотом ключа, выглянул на свет

божий аккуратно перевязанный крестом и запечатанный пакет в газетной бумаге. Его Василиса похоронил в тайнике и закрыл дверцу».

И далее: «Пятипроцентный билет прочно спрятан в тайнике под обоями. Там же пятнадцать «катеринок», девять «петров», десять «николаев первых», три бриллиантовых кольца, брошь, Анна и два Станислава. Еще в одном тайнике двадцать «катеринок», десять «петров», двадцать пять серебряных ложечек, золотые часы с цепью, три портсигара, пятьдесят золотых десяток, солонки, футляр с серебром на шесть персон и серебряное ситечко (большой тайник в дровяном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены). Все в ящиках эйнемовского печенья, в клеенке, просмоленные швы, два аршина глубины.

Третий тайник — чердак: две четверти от трубы на северо-восток под балкой в глине: щипцы сахарные, сто восемьдесят три золотые десятки, на двадцать пять тысяч процентных бумаг». Так Лисович собирался пережить черные времена. Но ограблен он был чуть ли не на следующий день после закладки тайника. Никакие ухищрения не сохраняли спрятанные сокровища от всепроникающего Молчанова, которого в роли ловкого кладоискателя приблизил к себе Муравьев. Однако удержать богатую Одессу они не смогли — 13 марта 1918 года в город вошли немецкие войска.

Муравьев заявил, что не признает Брестского мира с немцами и выехал в Москву, где левые эсеры встретили его как триумфатора и «военного вождя революции».

В Одессе с награбленными ценностями остались Молчанов, Юров, адъютант Муравьева, и

Исидор Константинович Трофимовский, комендант Одесского железнодорожного узла.

В ВЧК узнали об огромных деньгах Юга. Чтобы переманить Трофимовского вместе с сокровищами и вооруженным отрядом в 400 бойцов с пулеметами и пушками на свою сторону, председатель ВЧК Дзержинский в письме Ленину обвинил Муравьева в превышении власти на Украине, в вакханалии расстрелов и реквизиций, в диктаторских намерениях. Муравьев был арестован и две недели находился в тюрьме, ожидая своей участи. Дзержинский считал, что звезда Муравьева закатилась и он сгниет в подвалах Лубянки.

Но в мае 1918-го в Поволжье и Сибири восстал чехословацкий корпус. Выступила местная контрреволюция.

Спасти положение Советской республики и сохранить эвакуированный в Казань золотой запас России: слитки, монеты и ювелирные изделия на сумму свыше 600 млн. рублей — мог, по мнению Ленина, только Муравьев. Его освободили из тюрьмы и назначили 13 июня командующим «главнейшего фронта республики» — Восточного (этот фронт состоял из трех армий).

В то же время Ленин приказал Дзержинскому постоянно следить за Муравьевым, «не оставляя его ни на секунду», установить за ним «тайный контроль».

6 июля левые эсеры убили германского посла в Москве Мирбаха, чтобы сорвать Брестский мир. Но левоэсеровский мятеж был разгромлен. Муравьев заверил Ленина в своей полной поддержке большевиков и пообещал порвать со своими однопартийцами. Ленин телеграфировал председа-

телю ЧК и Воентрибунала Восточного фронта Мартину Яновичу Лацису: «Запротоколируйте заявление Муравьева о выходе из партии левых эсеров. Продолжайте внимательный контроль».

Не зря вождь большевиков сомневался в преданности своего главного военного специалиста. Дождавшись прибытия в Казань, где находился штаб фронта, отряда Трофимовского, Муравьев разработал секретный план захвата Москвы и свержения ленинского правительства.

Назначенный начальником снабжения Восточного фронта Трофимовский вместе с Молчановым расположились на пароходе «Миссури», превратив его одновременно в интендантский склад и гарем, и мастерскую по изготовлению... фальшивых денег. Таким способом «друзья» хотели покрыть хищение части переданного им на хранение (в кладовых городского банка) золотого запаса России. Не случайно чекист Лацис в своих секретных донесениях Ленину именовал «снабженцев» Трофимовского не иначе как «партизанско-бандитской частью». Сам командир этой «части», по словам очевидцев, смотрелся типичным волжским разбойником, способным на дикие выходы, пытки и самовольные расстрелы.

Ночью 9 июля 1918 года Муравьев на пароходах отправился из Казани в Симбирск, где арестовал местных большевистских лидеров Шеленкевича и Лаврова, а также командующего 1-й Красной армией Восточного фронта Тухачевского (бывшего поручика царской армии и будущего маршала Советского Союза).

Через день Муравьев собрал левых эсеров Симбирска и объявил о восстании против большеви-

ков и войне с Германией. Он приказал войскам Восточного фронта начать поход на Запад и изгнать немцев с Украины.

«Сохранение Советской власти в современных обстоятельствах требует немедленной передачи власти только левым эсерам, — заявил Муравьев в своем ультиматуме Москве. — Я спасу республику от нашествия немцев и внутренней контрреволюции». Он рассчитывал создать Поволжскую советскую республику, заключить союз со своими недавними врагами — чехами — и призвать белых офицеров к совместной защите Отечества.

Ленин мгновенно заклеил изменника и потребовал расстрелять его как «врага народа»: «всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте».

О том, что произошло дальше, говорили разное. Когда на заседании губернского исполкома Советов Муравьев, чувствуя себя хозяином положения, потребовал отдать власть левым эсерам, возникла драка. Неожиданно погас свет. Раздались выстрелы. Потом одни утверждали, что Муравьев погиб в перестрелке, которую сам начал, другие уверяли, что он пострадал от неосторожного обращения с оружием.

Чтобы не возбуждать лишних слухов, «Известия» сообщили, что предатель Муравьев застрелился, осознав провал своей авантюры.

Не исключено, что Молчанов, как прилежный ученик торговой школы, раньше других просчитал крушение плана Муравьева «все и сейчас» и, воспользовавшись смятением и темнотой, стал тем «честным гражданином», которого так искал Ленин.

Трофимовский попытался сбежать на флагманской «Миссури», но в Чебоксарах пароход пере-

хватили чекисты — кто-то известил их о секретном речном маршруте. Здесь «снабженцу» Восточного фронта предъявили обвинение «...в грабежах, истязании своих подчиненных и растрате народных денег». В его архивном следственном деле имеется телеграмма Дзержинского от 16 сентября 1918 года с указанием «снять последний допрос с Трофимовского и немедленно расстрелять».

Из всей харьковской «компании» в живых оставили только Молчанова. Адьютанта Муравьева Юрова расстреляли еще в Одессе за то, что он продавал конфискованные особняки их прежним владельцам.

Обнаруженные в трюме «Миссури» фальшивые деньги были использованы для разложения белогвардейского тыла. А оставленные после ликвидации Муравьева без присмотра российские национальные ценности захватила 6 августа в Казани белая дружина подполковника Каппеля.

Кто рекомендовал?

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года интересовались, кто из партийных и чекистских руководителей двигал Молчанова наверх. Из рассекреченной стенограммы вечернего заседания 2 марта: (голос с места) «Как он (Молчанов) вообще попал на эту работу?» Ягода: «Молчанов старый чекист, работал в Западной Сибири». Эйхе (секретарь Западно-Сибирского крайкома): «Его из Западной Сибири выгнали». Ягода: «Да. Там было какое-то дело, которое не имело для него никаких последствий». Эйхе: «Вы поищите в делах и найдете. Мы с Павлуновским вспомнили, как его из Западной Си-

бири выгнали». Ягода: «После этого он поехал на Северный Кавказ и работал там. После Северного Кавказа он переехал в Иваново-Вознесенск». Ежов: «Вообще его только по одному чекистскому стажу уже нельзя было держать на работе, потому что он воспитывался в бандах, которые шли все время против нас». Ягода: «Я не знал и не знаю, в каких бандах он был, так как такие вещи раскрываются при следствии или агентурой...» Сталин (с места): «Кто его рекомендовал?» Ягода: «Не знаю, это было во время работы в ГПУ тт. Балицкого и Акулова». Балицкий: «Он был назначен до Акулова». Ворошилов: «Все равно, кем бы он ни был назначен». Ягода: «Не знаю, знаю одно, что Молчанова я не назначал. Возможно, отдел кадров. С Молчановым я лично работал с 1932 года. За деятельность Молчанова в органах ГПУ я целиком несу ответственность, никогда ее не снимал, не снимаю и снимать не собирался. Но не назначал я его, не назначал...».

Конечно, Ежов смотрел личное дело Молчанова и знал, что он в конце августа 1918 года стал помощником начальника наблюдательного отдела военного контроля при штабе Восточного фронта. Так первоначально называлась военная контрразведка, подчинявшаяся наркомвоенмору Льву Давидовичу Троцкому. Положение об этой службе таким образом трактовало ее обязанности: «Обнаружение, обследование всяких шпионских организаций и производство расследования по этим делам...».

Рядом существовала подчиненная Дзержинскому фронтовая ЧК, которой была поручена «борьба с контрреволюционными элементами в войсках...».

В ноябре 1918-го Молчанова перевели в «купеческую столицу» Самару заведовать пунктом

военного контроля 4-й Красной армии, в которой процветала партизанщина. Командарм Александр Алексеевич Балтийский, бывший царский генерал-лейтенант, окончивший две академии — морскую и генерального штаба, не мог совладать с этой непокорной вооруженной толпой. Дело дошло до убийства члена реввоенсовета Гавриила Давидовича Линдова-Лейтейзена и военного комиссара 4-й армии Владимира Петровича Мяги.

Обуздать мятежников Москва послала Фрунзе. 11 февраля 1919 года он телеграфировал председателю ВЦИК Якову Михайловичу Свердлову: «Прибыл лично в расположение армии, ознакомился с составом и настроением, а равно с командным составом и политработниками. Требуются большие персональные изменения. Необходимо тщательное расследование всей деятельности не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии...».

Балтийский сдал Фрунзе должность и остался при нем «для поручений» — фактически в качестве военного советника. Начальником штаба армии Фрунзе взял бывшего генерал-лейтенанта царской армии Федора Федоровича Новицкого. Обладая такой сильной командой, Фрунзе быстро учился у своих военных наставников.

Командовать армией оказалось сложным делом. Один командир бригады, получив от Фрунзе выговор, обратился за подмогой к своим подчиненным, и те вызвали командарма для объяснений. Другой командир бригады потребовал отвести его часть в тыл на отдых, угрожал в противном случае просто бросить позиции. Третий вообще отказался исполнить боевой приказ...

Фрунзе действовал где уговором, а где и жестокостью. Молчанов тайно ликвидировал наиболее непокорных бунтовщиков, и Фрунзе эту помощь оценил и запомнил.

13 июля Фрунзе стал командующим войсками Восточного фронта — вместо Сергея Сергеевича Каменева, назначенного главкомом. Но уже 11 августа фронт разделили на два — Восточный и Туркестанский. Фрунзе возглавил Туркестанский фронт. Его штаб разместился в Ташкенте.

Огромный Туркестанский край состоял из Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской и Семиреченской областей. Основную массу населения составляли узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки...

19 декабря 1918 года ЦК решил объединить соперничавших между собой военных контрразведчиков и чекистов. В каждом фронтовом управлении и в каждой армии создали особый отдел ВЧК, в дивизии — особые отделения. Задача — бороться со «шпионажем, изменой Родине и другими контрреволюционными преступлениями».

Эта реорганизация спецслужб совпала с вооруженным мятежом в Ташкенте, который возглавил окружной военный комиссар К.П. Осипов. Мятежники разгромили Туркестанскую ЧК и расстреляли ее председателя И.П. Фоменко. На подавление этого мятежа по просьбе Фрунзе в числе других чекистов Восточного фронта направили и Молчанова. Его назначили начальником Особого отделения в Самарканде, но отношения на новом месте с начальником особого отдела Туркестанского фронта Глебом Ивановичем Бокием у него не заладились, и он подал рапорт об увольнении. Фрунзе

не хотел ссориться с Бокием, который, как и он сам, был сторонником военного вторжения в Бухарское ханство, свержения эмира и присоединения Бухары к советской России. Чекисты Бокия устранили всех приверженцев мирных отношений с Бухарой, сфабриковав дело «бухарской шпионской организации», хотя сами признали позднее: «Следствием фактического шпионажа не установлено, а есть только намеки...».

Поэтому Фрунзе предложил Молчанову отправиться в штаб созданного в апреле 1919 года южнее Актюбинска в районе станции Кадангач Северо-Восточного фронта. Задача этого фронта — преградить путь войскам Колчака в советские районы Казахстана и Туркестана. Его и фронтом назвать было трудно: всего лишь восемь тысяч бойцов, которым противостояли белоказачьи части генерала Белова. Красные несли поражение за поражением.

Дисциплина в частях Северо-Восточного фронта практически отсутствовала. Существовало «выборное начало, имела место большая склонность командного состава выносить распоряжения высших властей и другие вопросы на обсуждение митингов».

Заняв должность адъютанта председателя Реввоенсовета фронта И.Г. Брегадзе, которого хорошо знал по совместной службе в 4-й армии, Молчанов занялся «укреплением командования, установлением порядка и дисциплины в войсках».

Обуздать «красное воинство», сформированное по месту жительства и передвигавшееся на телегах вместе с семьями, оказалось непросто. Красноармейцы запросто убивали командиров и комиссаров, если те пытались навести порядок.

Новое назначение Молчанова совпало с очередным мятежом. Повстанцы захватили здание Реввоенсовета фронта, убили начальника особого отдела фронта Чарикова, ранили командующего фронтом Астраханцева, избили Брегадзе — неимоверными усилиями Молчанову удалось уговорить восставших возвратиться на боевые позиции.

Постепенно положение на Северо-Восточном фронте стабилизировалось — красные части перешли в наступление и, преодолев сопротивление белоказаков, соединились 3 октября 1919-го с войсками 1-й Туркестанской красной армии.

Молчанов стал адъютантом Фрунзе. Командующий Туркестанским фронтом не любил вмешиваться в тайные дела чекистов, поэтому возложил на Молчанова все контакты с представителями карательных органов.

Историк Михаил Тумнис считает, что своим восхождением на чекистский Олимп Молчанов обязан Фрунзе — «период работы с ним сыграл в жизни Георгия огромное значение: Фрунзе, находясь в Средней Азии, продолжал поддерживать тесные отношения с городом Иваново-Вознесенском... все это в дальнейшем поможет Молчанову».

После Муравьева Молчанов увидел во Фрунзе нового «красного Бонапарта» — разговоры об этом велись.

Уже в наши дни академик Юрий Поляков, оценивая личность Фрунзе, пришел к выводу, что Михаила Васильевича ждало большое политическое будущее: «Фрунзе обладал всеми качествами, необходимыми выдающемуся революционеру: горячее сердце и холодный ум, романтизм и прагматизм, смелость, личное мужество, бесстрашие

без рисовки и авантюризма. Скромный в быту, не увлекшийся возможностями, которыми обладали обитатели Кремля, Фрунзе являл собой образец подлинного революционера.

Без нервозности, издерганности Дзержинского, без сталинского дальнеприцельного честолюбия, умения закулисно приближать будущее, сочетая без самовлюбленности Троцкого и Зиновьева деловитость Рыкова и разумное спокойствие Каменева. Подпольщик, партийный руководитель, крупнейший полководец Гражданской войны, выдающийся деятель мирного строительства, он более всего подходил к роли преемника Ленина».

Но Молчанов недолго работал с Фрунзе — больших перспектив адъютантская должность не сулила. После окончания Уральско-Гурьевской операции (2 ноября 1919-го—10 января 1920 года), когда войска Фрунзе взяли Гурьев и восстановили советскую власть в Уральской области, Молчанов перешел на чекистскую работу и убыл на Северный Кавказ.

Он больше не встречался с Фрунзе. 31 октября 1925 года наркомвоенмор скончался на операционном столе в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице. И сразу пошли разговоры о том, что «Фрунзе зарезали». Версии обсуждались разные. Одни полагали, что операция вовсе не была нужна. Другие настаивали, что хирурги действовали нарочито неумело. Третьи утверждали, что ему сознательно ввели двойную дозу хлороформа, убийственную для его слабого сердца. Говорили, что Фрунзе оказался жертвой жестокой политической игры в Кремле.

Бывший секретарь Сталина Борис Бажанов, бежавший за границу, писал: «Фрунзе Сталина не очень

устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кроме Молчанова, кто увидел во Фрунзе политического игрока. Возглавив военное ведомство, Фрунзе отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности». Бывший сталинский помощник разглядел в этом далеко идущий замысел: «Я был тогда уже скрытым антикоммунистом. Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: «Если бы я был на его месте, какие кадры привел бы я в военную верхушку?». И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны...».

Бажанов пересказал свой разговор с еще одним личным помощником Сталина — Львом Захаровичем Мехлисом, который со временем станет заместителем наркома обороны и начальником политуправления Красной армии.

«— Что думает Сталин относительно новых назначений в армии? Ничего хорошего. Посмотри

на список: все эти тухачевские, корки, уборевичи — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии».

18 брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел во Франции государственный переворот и со временем стал императором Франции. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября)...

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — продолжал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений... Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе. А его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой... Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время...».

Лучшие хирурги страны, оперировавшие Фрунзе, видимо, действительно допустили роковую ошибку, стоившую ему жизни. Но была ли эта

ошибка следствием роковой случайности или результатом злого умысла? У историков есть основания подозревать такой умысел.

Но одно очевидно: рекомендовать Молчанова на Лубянку Фрунзе не мог. Не успел.

Свои и чужие

На новом месте, в Грозном, Молчанов познакомился с Долгиревым, стал его заместителем, а после перевода Николая Алексеевича в Пятигорск возглавил Грозненскую окружную ЧК.

В основном вся деятельность Молчанова в тот период была связан с ликвидацией бандитизма в Чечне. Чекистам удалось путем агентурного проникновения в банды добиться их ликвидации и распада. В 1922 году сдался один из наиболее влиятельных бандитских главарей — бывший царский полковник Голиев. Общая численность его банды доходила до 800 человек.

Для подкупа горцев и расчетов с секретной агентурой Молчанов организовал изготовление фальшивых денег; эти действия пытались вменить ему в вину на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). Еще в харьковской торговой школе Жорж-Георгий понял: все продается и покупается. Революционные лозунги о равенстве и братстве не колебали веру в силу денег. Специалистами-фальшивомонетчиками стали арестованные им фотограф, художник, студент консерватории и бывший белый офицер. Выполненные ими «путем фотографического метода» обязательства 100-рублевые и обязательства 500-рублевые выпуска 1922 года не отличались от настоящих. Скоро эти деньги

наводнили Чечню и прилегающую к ней округу, заменив товарные расчеты патронами.

Еще будучи начальником отдела ГПУ Горской АССР, Долгирев подозревал своего заместителя в причастности к исчезновению казны эмира Узун-Хаджи, ликвидированного его соплеменниками, купленными за фальшивые деньги.

В 1927 году из Ходжента Долгирев отправил в ОГПУ рапорт, в котором изложил свои подозрения в отношении Молчанова. Этот рапорт явился поводом знакомства зампреда ОГПУ Ягоды с Молчановым, возглавлявшим тогда Иваново-Вознесенский губотдел ОГПУ.

Но до этого времени Молчанов успел поработать в Сибири заместителем начальника Новониколаевского губотдела ОГПУ — полученный им в Чечне опыт по борьбе с бандитизмом решили использовать при ликвидации вооруженных банд,

*Сотрудники ГПУ Горской республики. 1922 г.
Сидят: первый слева — Г.А. Молчанов,
второй — Н.А. Долгирев*

скрывавшихся в тайге после разгрома Западно-Сибирского крестьянского восстания.

Несмотря на то, что организации партии социалистов-революционеров (эсеров) в Сибири были запрещены после установления здесь советской власти, в марте 1922 года вновь были проведены против них массовые карательные операции.

Тогда же в газете «Правда» появилось сообщение о предании суду Верховного трибунала активных эсеров. На закрытом заседании Сиббюро ЦК РКП(б) обсудили телеграмму ЦК «О подготовке борьбы с контрреволюцией». Органам ГПУ поручили усилить наблюдение за местными эсерами. На предприятиях и в учреждениях начали создаваться «бюро содействия ГПУ», которые вели учет выявленных эсеров и вели за ними слежку по заданию губотделов ГПУ.

В августе 1922 года состоялась XII Всероссийская конференция РКП(б), которая констатировала, что «антисоветские партии и течения еще не раздавлены». В связи с этим 11 августа ГПУ направило в губернские отделы директиву, предписывающую «немедленно произвести ликвидацию всех активных эсеров, на коих будут иметься достаточные обвинения их активности, передать в ревтрибуналы, а остальных подготовить к ссылке».

25 августа поступила дополнительная телеграмма из Москвы: «Вслед за произведенной операцией систематически, через три недели, производить операции вплоть до конца 1922 года». Органам ГПУ предлагалось «добиваться от арестованных письменных заявлений о разрыве с партией, публикации их в печати».

Новониколаевским губотделом ГПУ такие операции были проведены в сентябре 1922 года.

Агенты ГПУ от имени рядовых членов партии организовали губернскую конференцию партии социалистов-революционеров, выбрали своего представителя на Всероссийский съезд ПСР и дали ему такой наказ: «Принимая во внимание, что партия социал-революционеров во главе со своими вождями с момента перехода власти в руки рабочих и крестьян явно встала на сторону буржуазии... почему трудящиеся массы от партии определенно отмахнулись, мы, рядовые члены ПСР, собравшись на губернскую конференцию, заявляем, что мы, считая себя действительными борцами за идею освобождения трудящихся всего мира от гнета капитализма, полагаем необходимым распустить партию социал-революционеров».

После возвращения делегата-агента ГПУ со Всероссийского съезда эсеров в Новониколаевске началась широкая пропагандистская работа среди местных эсеров. Агентура губотдела ГПУ была ориентирована на «выявление среди эсеров благонадежных элементов, идущих чистосердечно и искренне под знамя 3-го Интернационала, под знамя РКП». Одновременно нейтрализовали непримиримых лидеров — многих из них в административном порядке выслали в северные губернии. По мнению историков, эти массовые операции нанесли партии эсеров самый сильный удар за все время ее существования, от которого она уже не оправилась (а ведь в крестьянской России эта политическая партия была самой массовой и авторитетной, превосходя по численности во много раз партию большевиков).

Вслед за разгромом эсеров подобные операции чекисты Сибири провели в отношении меньшевиков. В июне 1923 года на места поступил сек-

ретный циркуляр ЦК РКП(б) «О мерах борьбы с меньшевизмом», в котором партийным органам предлагалось приступить к систематическому изгнанию меньшевиков из профсоюзных, советских и хозяйственных организаций. В директиве отмечалось, что по линии ГПУ «даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками». Партийным комитетам предписывалось «оказывать всяческое содействие органам ГПУ».

Так путем массового насилия, лжи и обмана в стране утвердилась однопартийная политическая система.

В 1923—1925 годах работа чекистских органов по политическому сыску велась в основном в направлении информационного освещения политических процессов среди бывших членов меньшевистских партий и организации их оперативного учета. На основании поступавших в губотделы ГПУ агентурных донесений эти лица учитывались по таким категориям, как «твердый учет», «особый учет», «учет заподозренных».

«Работа по социал-демократам, — отмечало секретное отделение Новониколаевского губотдела ОГПУ в январе 1925 года, — выразилась в плоскости наблюдения за деятельностью состоящих на твердом учете и заподозренных, выявления их (т.е. заподозренных) деятельности, а также подборе и систематизации данных, необходимых для твердого учета».

Тогда в Новониколаевском губотделе ОГПУ на «твердом учете» состояло 40 меньшевиков, 26 эсеров, 27 анархистов, 2 народника, 4 кадета. На «особом учете» состояли в основном бывшие эсеры и меньшевики: 64 и 29 человек соответственно.

К работе ОГПУ по политпартиям были отнесены и сионисты. В мае 1923 года в Сибири по материалам губотделов ОГПУ закрыли отделения Еврейского благотворительного общества. За сионистами установили агентурное наблюдение, в 1924-м разгромили местные комитеты общества «Маккаби», выявили связи сибирских сионистов с Палестиной и Италией, сорвали их участие в работе XIV Всемирного конгресса сионистов.

Секретное отделение Новониколаевского губотдела ОГПУ осуществляло также тайный контроль за учительством, которое в Сибири всегда считалось наиболее активной социальной группой. Не оставались без чекистского присмотра творческие союзы и научные общества, редакции газет, православное и мусульманское духовенство, сектанты всех толков.

Общесибирская оперативная разработка «Свои люди» объединяла активистов оппозиции — бывших местных партизан и членов партии, которые считали, что «ВКП(б) становится мелкобуржуазной партией, включающей в себя чуждый «истинной» коммунистической партии элемент».

Но для Молчанова главным врагом в Новониколаевске стали не бандиты и эсеры с меньшевиками, а жена его непосредственного руководителя — начальника Новониколаевского губотдела-окротдела ОГПУ Бака. Феоктиста Николаевна Жаркова-Бак, будучи помощником окружного прокурора, опасалась, как бы Молчанов не занял пост ее мужа. Поэтому она постоянно сигнализировала в партийные и чекистские инстанции «о моральном разложении Молчанова: приехал на новое место с двумя женами — молодыми дев-

чонками, катался бешено и ломал машины, странно общался с людьми и вообще вел себя размагниченно...». Так ли это было в действительности, сказать трудно: деньги у Молчанова водились, и в маленьких удовольствиях он себе не отказывал.

Снять его с должности не давал Павлуновский, который, в свою очередь, опасался Бака как возможного претендента на пост сибирского полпреда ОГПУ.

В такой обстановке мелких склок Молчанов проработал в Новониколаевске два года. Он был уже готов уходить из органов. В Сибири его держало только золото, спрятанное сургутским урядником Волковым в верховьях реки Вах.

Туземный министр

О ценностях Сибирского белого движения, вывезенных в августе 1919 года из Тобольска по рекам Иртышу и Оби на восток и пропавших в таежных урманах Среднего Приобья, Молчанов узнал от Михаила Бонифатьевича Шатилова, бывшего министра туземных дел во Временном Сибирском правительстве 1918 года.

После неожиданного для колчаковцев захвата красными войсками Омска в руки сибирских чекистов попали архивы правительственных, дипломатических, военных, разведывательных и контрразведывательных органов противника. На основании этих документов было выявлено и объявлено в розыск 5750 активных белогвардейцев, карателей и агентов колчаковской контрразведки. Сибчека организовала учет всех находившихся в Сибири белых офицеров и чиновников вре-

менных антисоветских правительств, ввела их обязательную регистрацию. Шатилова заключали под стражу в 1920 и 1921 годах.

Молчанов, изучив секретную ведомственную переписку о розыске колчаковских кладов, добился освобождения из тюрьмы ученого-министра Шатилова, но за свободу потребовал от него выяснить у вождей и шаманов ваховских остяков систему жертвенных прикладных мест в лабиринте притоков Ваха, где Волков спрятал часть сокровищ. Для выполнения этого задания Молчанов организовал для Шатилова экспедиции по Ваху для исследования хозяйственно-бытовых особенностей жизни остяков.

Так началось соперничество в кладоискательстве между Молчановым и Долгиревым, закончившееся в августе 1935 года на левом берегу Ваха возле селения Больше-тархово.

Свои секретные отношения с бывшим туземным министром Шатиловым Молчанов скрывал от своего непосредственного начальника — Бак в 1920 году возглавлял секретно-оперативную часть Томской уездной ЧК и знал о маршруте «золотого парохода».

Шатилов не успел отчитаться о результатах переговоров со знатью ваховских ос-

*Михаил Бонифатьевич
Шатилов*

тяков: 16 мая 1925 года по постановлению ВЦИК был образован Сибирский край в составе пяти губерний, а в октябре губернии упразднили и образовали шестнадцать округов. Полномочное представительство ОГПУ по Сибири было преобразовано в ПП по Сибирскому краю, в ведение которого включались: Ачинский, Барабинский, Барнаульский, Бийский, Иркутский, Каинский, Канский, Красноярский, Кузнецкий, Киренский, Минусинский, Новониколаевский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Тулунский, Томский и Хакасский окружные отделы, Бурято-Монгольский и Ойротский отделы и Якутский областной отдел ОГПУ (в 1929 году был передан в непосредственное подчинение ОГПУ СССР).

Павлуновского перевели полпредом ОГПУ по Закавказью, а главным чекистом Сибири назначили Леонида Михайловича Заковского (Генриха Эрнестовича Штубиса), который в июне-августе 1918 года служил в Казани и знал об увлечении Молчанова фальшивомонетничеством в отряде Трофимовского.

Молчанову ничего не светило в Новониколаевске, даже мечта о колчаковском золоте не грекла, поэтому он с радостью принял неожиданное предложение переехать в Иваново-Вознесенск.

Там в то время шла очередная ротация кадров: сторонника Троцкого Зорина на посту секретаря губкома ВКП(б) сменил Николай Николаевич Колотилов, свой ивановознесенец, активный участник забастовок 1905 года (подпольная кличка Лапа), работавший на Северном Кавказе. В чекистских органах текстильного края ему был нужен свой человек, а не «соглядатель» Москвы. Вспомнили о бывшем адъютанте своего земляка Фрунзе

(до роковой операции оставалось полгода) — в мае 1925 года Молчанов приступил к обязанностям начальника Иваново-Вознесенского губотдела ОГПУ.

Оставленный без его опеки Шатилов в летней экспедиции 1926 года прошел вверх по Ваху около 700 километров до его правого притока Корельки-ёган; «выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в шести днях пути», составил отчет о результатах научных исследований и... исчез на «десять лет без права переписки».

Хозяин текстильного края

В 20-е годы Иваново-Вознесенск считался третьей пролетарской столицей Советского Союза после Москвы и Ленинграда. Всерьез обсуждалась идея перенесения административного центра РСФСР из Москвы в Иваново-Вознесенск. Этот город взяли под особое попечительство и решили превратить его в «культурно-хозяйственный центр, нужды которого должны быть рассмотрены особо — независимо от общего союзного бюджета».

До этого решения Иваново-Вознесенск поражал приезжих своей неблагоустроенностью: мощеных улиц мало, окраины тонули в темноте. Летом поднималась страшная пыль, а при дожде улицу нельзя было перейти из-за грязи. Основным транспортом в городе были извозчики, трамвай появился лишь в 1934 году.

Транспортные и иные коммунальные проблемы не волновали Молчанова: его обеспечили жильем, сытым продовольственным пайком и служебным автомобилем.

Нереализованный торгашеский талант Жоржа раскрылся в полной мере в условиях так называемых «ножниц цен». Суть кризиса сбыта заключалась в том, что крестьянские хозяйства после Гражданской войны довольно скоро вернулись к довоенному 1913 года уровню производства. Промышленность не могла похвастаться такими же темпами роста. В результате такого несоответствия аграрной и индустриальной продукции цены на хлеб упали, а на промышленные товары выросли. Крестьяне не хотели продавать хлеб и продовольствие по низким ценам, но весьма охотно шли на обмен мануфактурой, выпускаемой текстильными предприятиями Иваново-Вознесенска. Возник ажиотажный спрос на текстиль: частники в стремлении нажиться на разнице цен (государственных и рыночных) вызвали форменную атаку на торговлю и кооперацию, изымали товары из оборота государственных и кооперативных магазинов и вызвали очень высокие цены на рынках.

В губернию хлынули спекулянты и перекупщики из Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Одессы... Все они, как правило, попадали в умело расставленные Молчановым агентурные сети.

В партийных документах тех лет отмечалось, что «Иваново-Вознесенский отдел ОГПУ с успехом и умением проводит экономическую работу... с корнем вырвал спекуляцию мануфактурой, быстро ликвидировал текстильных «королей», что будировали рынок, помог государству и текстилю снизить цену и вернул на рынок те кипы товара, которые были украдены спекулянтами».

Из конфискованной у торговцев мануфактуры оборотистый, расторопный и услужливый начальник губотдела регулярно снабжал дорогими

отрезами губернскую партийную верхушку и московское чекистское начальство.

Такие подношения особенно радовали заместителя председателя ОГПУ Ягоду, необыкновенная любовь которого к форменной одежде, к ее аккуратному ношению прослеживается через всю его беспокойную жизнь.

Оставаясь в глубине души завзятым портным, он в свободное от напряженной борьбы с контрреволюцией время увлеченно кроил, шил и перешивал свои коверкотовые гимнастерки и суконные галифе, которые, если внимательно присмотреться к старым снимкам, сидели на нем без единой складочки, не топорщились и не провисали в самых неподходящих местах, прекрасно держали нужный объем и линию.

Не случайно ношению чекистской формы посвящено огромное количество приказов, директив и распоряжений, подписанных Ягодой.

Например, циркуляр ГПУ от 5 ноября 1923 года, адресованный всем руководителям низовых органов и подразделений ГПУ, гласил: «...Форменное обмундирование является отличием сотрудника ГПУ от рядового обывателя, обязывающее сотрудника быть примером для других как при выполнении служебных обязанностей, так и вне их... Нечищенные сапоги, неопрятные шаровары и гимнастерки, не вовремя положенная заплата, пришитая пуговица, крючок — уносят миллионы народного достояния...».

В конце этого приказа — угроза: «...небрежное отношение к обмундированию рассматривать так же, как и поступки несбережения оружия».

Когда постановлением ЦИК СССР от 26 ноября 1935 года Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопас-

ности, приравненное к маршалскому, нарком внутренних дел СССР лично разработал новую чекистскую форму одежды, которая отличалась по качеству и богатству украшений от армейской.

По свидетельству еще одного высокопоставленного чекиста-перебежчика Александра Орлова, «Ягода увлекся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим правила поведения и этикета энкаведистов. Только что введя в своем ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьем, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготавливалась, Ягода приказал выписать ее из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота.

Ягода даже распорядился, чтобы смена энкаведистских караулов происходила на виду у публики, с помпой, под музыку, как это было в царской лейб-гвардии. Он интересовался уставами царских гвардейских полков и, подражая им, издал ряд совершенно дурацких приказов, относящихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчиненными и вышестоящими. Люди, еще вчера находившиеся в товарищеских отношениях, теперь должны были вытягиваться друг перед другом. Щелканье каблуками, лихое отдавание чести, лаконичные и почтительные ответы на вопросы вышестоящих — вот что отныне почиталось за обязательные признаки образцового чекиста и коммуниста...».

Лакейство было генетически заложено в Молчанове. Отличаясь быстрым и практичным умом, он заметил необычайную привязанность Ягоды к форменной одежде и ярким наградным побрякушкам и использовал свое особое положение в текстильном крае для перемещения в Москву.

Не из-за патологической ли страсти к нарядным иваново-вознесенским тканям Ягода положил под сукно (в прямом смысле этого слова) доклад Долгирева о финансовых махинациях Молчанова?

В апреле 1927 года знаток текстильного бартера стал по совместительству с работой в ОГПУ заместителем председателя губернского исполкома. Для него не составило труда решить продовольственную проблему в крае путем тайного обмена мануфактуры на несколько эшелонов с продовольствием с Украины и Поволжья. Как представитель губернских властей он зачастил «по вопросам обеспечения продовольствием» в Москву: в ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВЦИК РСФСР. Всякий раз с подарками — завязывались связи на самом верху.

Тогда же Молчанов сошелся с Саррой Ноевной Циммерлинг, которая приехала в Иваново-Вознесенск после окончания экономического факультета МГУ. Сыграли свадьбу. Родилась дочь. Жена работала вначале инструктором отдела труда хлопчатобумажного треста, затем заведующей технико-нормировочным отделом фабрики «Ивановская мануфактура».

В 1929 году в связи с образованием Иваново-Промышленной области, в состав которой вошли Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская губернии, Молчанова назначили полномочным представителем ОГПУ по ИПО. Он получил воз-

возможность формировать чекистский аппарат региона «под себя»: двое из наиболее преданных ему сотрудников впоследствии отправились с ним на Лубянку.

Один из фаворитов, Исаак Вульфович Штейн, с 1919 года работал в Ташкенте секретарем крайкома комсомола, был редактором журнала «Юный коммунист», корреспондентом РОСТА. В 1928 году его, студента Московского института народного хозяйства, командировали пропагандистом на текстильные фабрики в Иванове. Здесь, понравившись Молчанову, он за несколько месяцев сделал быструю чекистскую карьеру: в 26 лет стал начальником секретного отдела губотдела ОГПУ и «Почетным чекистом».

Другой приближенный к Молчанову — Соломон Давидович Эдельман — был на год старше своего шефа. Он вступил в партию в 1918 году и служил в армии политработником. Был делегатом X съезда РКП(б) и участвовал в штурме мятежного Кронштадта. В 1928 году Молчанов «мобилизовал» секретаря правления треста «Ивтекстиль» Эдельмана на чекистскую работу и сделал его начальником экономического отдела, скрыв от кадровиков ОГПУ судимость своего назначенца в 1919 году «за преступления по должности, выразившиеся в пособничестве спекуляции».

С такими кадрами ПП ОГПУ по ИПО приступило к выполнению приказа ОГПУ № 4421 от 2 февраля 1930 года: по «ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток его противодействия советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства, а также по всемерному усилению работы в городе для полного выявления настроений городских прослоек,

их связей с деревней и ликвидации проявлений организованной контрреволюционной активности».

В деревнях арестовали 2752 человека. Разорили 763898 крестьянских хозяйств (в колхозы вовлекли только 8 процентов дворов). Выселили на Северный Урал 18209 крестьян.

Докладывая в 1931 году в ОГПУ о результатах этой кампании, Молчанов отмечал: «Совокупность совпартмероприятий и систематическое изъятие кулачества, дополненное майским выселением, значительно подорвало экономическую и политическую силу кулака, перестраивающего свои ряды, изменяющего методы борьбы, продолжающего оказывать активное сопротивление дальнейшему соцнаступлению. В связи с этим перед органами ОГПУ по ИПО стоит задача продолжения систематической чистки области от контрреволюционного элемента...».

Штейн «чистил» местное православное духовенство. К следствию по делу «контрреволюционной церковно-монархической организации» привлекли 117 человек. Среди них бывший депутат Государственной думы Д.А. Скульский и княгиня Н.Ф. Енгальчева, дворянки А.А. Кулянская и А.А. Курбатова, фабриканты и потомственные почетные граждане Иваново-Вознесенска... Руководителями этой организации представили ссыльных архиереев: епископа Ярославского Варлаама (Ряшенцева), архиепископа Кинешемского Вениамина (Воскресенского). Основным центром организации назвали Крестовоздвиженскую церковь в Ярославле — «туда шли все, ущемленные революцией, чтобы организовать силы и сохранить их для реставрации прежней государственности». Участников организации расстреляли, церковь взорвали.

Эдельман «завел контрольные агентурные дела на каждое промпредприятие» и собирал все материалы, «характеризующие большое предприятие, как-то: листовки с призывами к массовым волынкам, забастовкам и другому вредительству... выявлял корни, порождающие эти ненормальные явления... ликвидацию их проводил форсированным темпом...».

Итогом столь бурной деятельности Молчанова и его фаворитов Штейна и Эдельмана в Иваново-Промышленной области стало их награждение орденами Красного Знамени и назначение в секретно-политический отдел ОГПУ, созданный в марте 1931 года путем слияния информационного (ИНФО) и секретного (СО) отделов ОГПУ.

«Советский Зубатов»

Так называли Молчанова в ОГПУ-НКВД. Возглавив в 1931 году советский политический сыск, он за пять лет воплотил в жизнь мечту начальника Московского охранного отделения Департамента царской полиции Сергея Васильевича Зубатова — поставил почти все взрослое население страны на оперативный учет.

Созданный им оперативный учет, а не доносы завистников, злопыхателей, провокаторов и партийных фанатиков стали базой для осуществления массового террора 1937—1938 годов¹.

¹ Согласно документально подтвержденным данным, основанным на статсведениях Центрального оперативного архива ФСБ России, всего с 1918 по 1990 год за государственные и иные преступления по политическим мотивам было осуждено 3 млн. 853 тыс. 990 человек; 827 тыс. 995 из них расстреля-

Секретно-политический отдел в ОГПУ был немногочисленным и простым по структуре. На 1934 год его численность (с учетом периферийных аппаратов) составляла всего лишь 2400 человек. СПО состоял из четырех отделений.

Первое отделение, так называемое «рабочее», занималось освещением «рабочей массы и всех слоев, соприкасающихся с таковой», а также разработкой «антисоветских партий, антипартийных группировок и организаций (кадеты, меньшевики, анархисты, бундовцы, сионисты, троцкисты, мясниковцы и др.)».

Второе отделение — «крестьянское» — разрабатывало кулацкие повстанческие организации и контрреволюционные организации в среде сельской интеллигенции. В его ведение входили учет и освещение всех антисоветских проявлений на селе, оперативное обслуживание политических и хозяйственных кампаний, контроль над советскими органами и сельскохозяйственными заведениями, а также за «антисоветскими партиями, опирающимися в своей основной массе на деревню: правыми и левыми социалистами-революционерами, народными социалистами-трудовиками, трудовой крестьянской партией».

Третье отделение — «городское» — опекало церковных служителей всех культов, проповедников многочисленных религиозных сект. Интересова-

ны. К концу 1933 года были подвергнуты аресту порядка 519 тыс. 600 «кулаков», и 1 млн. 100 тыс. крестьян стали спецпереселенцами.

На территории нынешней Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, за это время осуждено судебными и несудебными органами за «политику» более 22 тыс. человек, 7290 из них расстреляны.

ли его и «бывшие люди»: чиновники царской России, Временного и различных белых правительств, фабриканты, купцы, нэпманы. В функции этого отделения входило также оперативное обслуживание органов милиции.

Четвертому отделению был отведен «молодежный и культурный фронт» — студенчество и учащиеся старших классов школ, профессура, научные и просветительские общества, библиотеки, музеи, театры, издательства, книжный рынок, пресса, литературно-художественные круги.

Надо отметить, что в ОГПУ кроме СПО имелись экономический и транспортный отделы, которые занимались оперативным обслуживанием всех отраслей промышленности, товарного и денежного обращения и всеми видами перевозок.

На особый отдел помимо освещения кадрового состава рабоче-крестьянской Красной армии возлагалась борьба с политическим бандитизмом, учет и проверка бывших офицеров царской и белой армий.

На местах с 1931 года при полномочных представительствах ОГПУ были созданы оперативные секторы, структурно аналогичные центральному аппарату, которые координировали работу районных и городских отделений ОГПУ. Последние «имеют право и обязаны обеспечивать надлежащее всестороннее изучение района и города и информационно-политико-экономическое освещение их, чекообслуживание всех массовых хозяйственных и политических кампаний, проводимых в районе и городе, а также чекоосвещение советского аппарата, сигнализируя парторганизациям о всех искривлениях и политнастроениях масс, политических процессах и назревающих явлениях в политическом

состоянии социальных прослоек и обеспечивая необходимые профилактические мероприятия».

С весны 1933 года во всех районах были введены должности заместителей начальников политотделов машинно-тракторных станций (МТС) по работе ОГПУ. Основной их задачей назывался «решительный разгром контрреволюции до весеннего сева... выявление скрывавшихся от выселения и вступивших в колхоз кулаков...».

Что только не попадало в поле зрения борцов за политическую чистку советского общества! Судить об этом можно даже по заголовкам циркуляров СПО ОГПУ:

«О работе среди кулачества, восстановленного в правах гражданства»;

«О постановке учета всех кулацких хозяйств»;

«Об агентурной работе по выявлению политнастроений и контрреволюционных формирований среди... работников литературы... краеведов... бывших красногвардейцев и красных партизан... учащихся рабфаков...»;

«Об усилении агентурного обслуживания промпредприятий»;

«О развертывании работы по кадрам «бывших людей»;

«Об оживлении агентурно-оперативной работы по эсерам...».

«Социализм — это учет», — завещал Ленин. Молчанов и его подчиненные во многом продолжили работу чекистов в 20-е годы, но теперь все было централизовано: людей, сил и средств для этих мероприятий не жалели. На Лубянке и на местах шло активное накопление материалов на «политически чуждых элементов», обновлялись

старые информационные массивы, создавались новые списочные и персональные оперативные учеты новых категорий населения.

Активизировалась в этот период и работа СПО «по борьбе с антисоветскими проявлениями среди молодежи». В документах отмечалось, что «группирование учащихся компактными массами в стенах учебных заведений и общежитий... создает технически благоприятные условия для сколачивания антисоветского ядра и подбора лиц в контрреволюционные организации и группы». А наличие среди учащейся молодежи «значительного количества лиц, скрывающих свое социальное происхождение, проникающих по поддельным документам, детей бывших людей, кулаков, торговцев, попов», репрессированных органами, «указывает на существование» человеческих ресурсов для контрреволюционной вербовочной деятельности. Руководство СПО говорило об «отставании темпов роста агентурно-оперативной работы от стоящих задач в области чекистского обслуживания учащейся молодежи и преподавательского состава учебных заведений», об «отсутствии или недостаточности сигнализаторской работы по освещению политических настроений учащихся».

При Молчанове от подразделений СПО на местах требовалось произвести:

а) «полную дислокацию сети учебных заведений (вузов, техникумов, раборганов, курсов, школ)»;

б) «выявить и взять на учет активно проявленный антисоветский элемент среди учащейся молодежи, а также среди преподавательского состава»;

в) «для пополнения учета антисоветского элемента максимально использовать официальные источники информации (руководителей учебных за-

ведений — коммунистов, секретарей партийно-комсомольских ячеек)... периодически информируясь от них о состоянии качества преподавания, фактах политического и бытового хулиганства». Одновременно требовалось взять на оперативный учет «...ту часть взрослой молодежи, которая была исключена из вузов... учитывая, что именно эта молодежь наиболее способна на агрессивные выступления против Советской власти».

Поэтому в организованный 16 сентября 1930 года в Тюмени агропедагогический институт по подготовке преподавателей школ крестьянской молодежи принимались лица старше 17 лет, «удовлетворяющие правилам приема в вузы». Требовались документы, удостоверяющие социальное положение абитуриентов и их родителей. Эти документы должны быть заверены городским или районным исполнительным комитетом депутатов трудящихся — главным органом тогдашней местной советской власти. Детей кулаков и прочих «бывших людей» в вузы не принимали. Не случайно из запланированного приема на первый курс 80 студентов зачислено лишь 65 — явный недобор. Если кому-то удавалось обмануть бдительность приемных комиссий, их отчисляли с любого курса, как только обман выявлялся, и сообщали в отделение СПО Тюменского оперсектора ОГПУ для постановки на оперативный учет как потенциальных контрреволюционеров.

Активность «спошников» иногда переходила границы положенного, и они вторгались в сферы интересов других отделов ОГПУ, чаще других экономического отдела, особенно из-за клadoискательства.

Назначение Молчанова начальником СПО совпало с решением Политбюро ЦК ВКП(б) «О

строжайшей проверке наличия валютных и золотых фондов у областных и республиканских ОГПУ и передаче в Госбанк всего наличия валюты и золота, накопившегося в ОГПУ».

Закончилось время, когда, по словам одного из членов коллегии ВЧК Другова, «в помещении ЧК шкафы ломились от золота, отобранного у обывателей, когда это золото складывалось в нашем хранилище штабелями, как дрова...». Молчанову и Ягоде не удалось присвоить золото и бриллианты, обнаруженные в июле 1935 года в забытом сейфе Свердлова (происхождение этих ценностей и документов осталось неизвестным).

Экономический отдел ОГПУ, занимавшийся валютчиками, возглавлял Георгий Евгеньевич Прокофьев, ставший в 1934 году заместителем наркома Ягоды и ждавший удобного случая свалить Молчанова, в котором видел своего соперника.

В такой обстановке ведомственных интриг «советский Зубатов» никому не рассказывал о колчаковском кладе в глухих урманах по берегам реки Вах. Наблюдать за сибирским речником Долгиревым, знавшим эту тайну, он назначил начальника отделения СПО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Матвея Мироновича Подольского (после образования в 1934 году НКВД стал начальником Томского оперсектора, в зону оперативного обслуживания которого входила территория бывшего Ваховского — Ларьякского — остяцкого туземного района).

Проводимые в стране репрессивно-карательные меры против крестьянства и других политических и общественных сил создали серьезную проблему «реализации оперативного учета». Проще сказать, что делать с «оперативными категориями», прежде

всего с раскулаченными: только в Сибирском крае в 1930 году из 76334 крестьянских хозяйств, учтенных ПП ОГПУ как кулацкие, было раскулачено 55426, или 72 процента (на Украине 61%).

Тогда один из секретарей райкома признался: «Для меня, практического работника, многое было непонятно. Я много прочитал: прочитал Калинина, Енукидзе, прочитал все последние материалы, все искал, куда же его девать (кулака). Средства мы у него экспроприируем, но ведь он остается как живой человек, девать его некуда. Куда его девать?».

ОГПУ придумало способ устранения крестьян: «начать гигантское строительство искусственных водных путей». Сталин одобрил чекистский проект: «прорыть канал протяжением в 227 километров, прорезать Карелию от Онежского озера до Белого моря, связав Балтику с водами севера, дабы этот канал явился первым звеном сталинской программы реконструкции водных путей Союза».

Тюрьмы и лагеря существовали в России задолго до 1917 года. Большевики не просто продолжили тюремно-лагерную политику, а превратили всю страну в концентрационный лагерь. Если в 1930 году в тюрьмах и лагерях находилось 171251 человек, то в 1933-м — 334000, а еще через три года — 1 млн. 296 тысяч. Стиралась грань между заключенными и охранниками. По утверждению «Правды», «на этих стройках замечательным образом решается проблема «чудесного сплава» — перековка людей...». Родилось слово «каналоармейцы»... Высланных из родных мест называли спецпереселенцами. Строителей Беломорско-Балтийского канала, как и самого Ягоду, и главных надсмотрщиков Френкеля, Фирина, Бермана, Ка-

гана, Рапопорта, Жука, наградили одинаковыми орденами Ленина. Издавались массовыми тиражами газеты «Перековка», «Каналоармейка», ежемесячный художественный журнал «На штурм трассы» и серийная «Библиотека «Перековки» (последние два издания редактировал Максим Горький). Возникла новая литература и изобразительное искусство. Поэт Безыменский славил ОГПУ в роли воспитателя:

*Я сообщаю героической Чека,
Что грандиозность Беломорского канала
И мысль вождя, что жизнь ему давала,
Войдут невиданной поэмою в века.*

Автор популярного в 30-е годы романа «Человек меняет кожу» Бруно Ясенский от волнения тоже заговорил стихами:

*Я знаю: мне нужно учиться —
писателю у чекистов, —
Искусству быть инженером,
строителем новых людей.*

При взаимном интегрировании сторон утвердился колхозно-лагерный казенный стиль. Во всем: в быте, в одежде, в манере поведения, в отношениях между людьми — декларированные законы заменили чекистско-уголовные понятия. Наряду с официальными органами власти существовала структура «паханов», «воров в законе», «хозяев», «смотрящих», «положенцев», «мужиков», «шестерок»...

Но власть и силу золота — «рыжья» — не смогли отменить ни партийно-советские постановления, ни чекистские приказы, ни воровские «сходняки».

Официальное открытие Беломорканала было торжественным: «Пароход «Анохин» режет воды Беломорского канала. На палубе — Сталин, Во-

рошилов, Киров и несколько чекистов во главе с товарищем Ягодой. На пароходе как-то по-особому толпятся люди, слышатся возгласы, оживленный говор. Легко опираясь на перила, стоит Сталин.

— Разрешите представить вам строителей Беломорстроя.

— Очень рад, — отвечает Сталин.

— Поздравляю вас с орденом, — обращается Ягода к инженеру-арестанту.

Ягода шутит, смеется. Пароход плывет. Палуба. Плетеные кресла. Сталин и Ягода беседуют. Палуба легонько покачивается...».

А начальник ГУЛАГа Берман встречает очередной эшелон с бывшими кулаками:

«— Без шума! Вы можете обрести душевный покой... Забудьте о своей прежней жизни и не вредите своему здоровью. Вот вам комендант, и живите ладно. Какой у вас будет режим? У вас будет советский режим! Работайте дружно колхозом, и вы еще будете угощать меня пельменями!».

Чекистско-лагерную идиллию прервал 1 декабря 1934 года выстрел партийного психопата Леонида Васильевича Николаева, стоявшего на оперативном учете отделения СПО Ленинградского управления НКВД. Стало не до пельменей.

*Приложение 2***Всем председателям губернских ЧК
«Единая система ведения дел антисоветских партий»**

Одним из важнейших дефектов в работе уполномоченных по борьбе с антисоветскими партиями является отсутствие единообразной и планомерной разработки поступающих к уполномоченным материалов.

Результатом вышеуказанного недостатка получается невозможность для центра в любой момент получить точные сведения о состоянии и деятельности той или иной антисоветской партии как в губернском масштабе, так и во всероссийском.

Чтобы устранить указанные недостатки, ВЧК предписывает принять к руководству и точному исполнению нижеследующее положение:

1. На каждую антисоветскую партию уполномоченным Губчека заводится дело в губернском масштабе под названием «Дело такой-то партии». Все материалы, поступающие в ЧК из разных источников — осведомление, агентура, сведения о выступлениях, литература и пр., должны быть направлены на принадлежность в дело соответствующей партии, где они подшиваются, нумеруются и на них составляется точная опись с указанием страниц и делятся на следующие подразделения: 1) история партии, 2) точный учет всех членов партии, 3) состав руководящих органов — местных и центральных, 4) определение отдельных групп и течений в партии, 5) задачи и тактика партии и отношение к задачам момента советской власти, 6) организационный воп-

рос, 7) связь с другими антисоветскими партиями и отношение к ним, 8) влияние партии на население в губ. масштабе, 9) вооружение партии и источники получения оружия, 10) организация боевых дружин, их сила количественная и качественная, 11) библиография данной партии. По каждой антисоветской партии необходимо иметь библиотечку из необходимых по изучению партии книг.

...Кроме общего дела на каждую антисоветскую партию в губернии должно быть заведено дело на каждого члена антисоветских партий, куда и следует направлять все материалы и сведения о деятельности каждого такого члена. Это необходимо делать из тех соображений, что дает возможность *в любое время* проделать *любую операцию*, так как все материалы будут уже подготовлены.

На всех членов каждой из партий в губернии должен быть составлен именной список согласно прилагаемой форме. Такие списки должны направляться в ВЧК для приобщения к делу каждой из партий, чтобы иметь представление о количественной и качественной силе таковой во всероссийском масштабе.

При переезде кого-либо из членов любой антисоветской партии из одной губернии в другую уполномоченный соответствующей ЧК, где переехавший был на учете, обязан переслать это дело в ту ЧК, где он намерен проживать, и сообщить об этом в ВЧК для внесения в список соответствующего исправления.

...Два раза в месяц — 1-го и 16-го уполномоченные Губчека и ВЧК должны составлять доклады о состоянии антисоветских партий в губернском и всероссийском масштабах и направлять их: губуполномоченные — уполномоченным ВЧК, а последние — заведующему секретным отделом ВЧК для предоставления доклада Президиуму ВЧК.

В докладах должно быть указано: цифровые данные, влияние партии, настроение, задачи партии и пр. и свое заключение с предложением тех или иных ме-

ропрятый, если он нужны, применимых как к местным условиям, так и к условиям общероссийским.

Об исполнении данного постановления телеграфировать.

Председатель ВЧК
Завед. СО ВЧК

Дзержинский
Самсонов¹

Группа регистрации и архивных фондов РУ ФСБ
по Тюменской области.

**Докладная записка Н.А. Долгирева от 24 сентября
1930 года секретарю Уральского обкома ВКП(б)
Зубареву**

«Уважаемый товарищ Зубарев... ехал я на пароходе «Коммунист» — ровно 12 суток от Тюмени до Тобольска. В то время как езды одни сутки... Пароход «К» прибыл с грузом рыбы в Тюмень в ночь на 10-е сентября и приступил к разгрузке... Грузчики рвут кули, ломают рыбу, разбивается бочка рыбы, мигом ее разбирают, а тара выкидывается за борт, никто за это не отвечает... но вот выгрузили рыбу, началась погрузка муки и овса на Север: мешки бросают в трюм с плеча, мешки не выдерживают — рвутся, мука летит по всему пароходу, овса кули порваны, все смешано... Командир парохода пытается пройти мель, хотя за шесть километров от переката пароход принял полный груз, зная заранее, что на переходе воды всего 140 см, в то же время берет нагрузку на 160 и более... Садимся на мель... командир пьяный уходит с мостика... сидим пять суток. Снять не

¹ Самсонов Тимофей Петрович (1888–1935). С 1918 года следователь военного контроля 3-й красной армии, а с 1919-го — начальник Особого отдела 3-й армии, начальник ОО Московского губчека, начальник Регистрационного управления штаба Реввоенсовета республики, затем начальник секретного отдела ВЧК—ГПУ—ОГПУ. С 1924 года на хозяйственной и партийной работе в Москве.

смогли в течение десяти суток, и пришлось подать баржу из-под керосина, и началась разгрузка хлеба в керосиновую баржу под снегом и дождем, в результате 48 тыс. пудов хлеба, муки, овса, помимо того, что его смешали с грязью, но еще и керосином... Пассажиры парохода 12 суток голодают... меняют свое белье, шинели населению на хлеб и картошку...».

Центр документации общественных объединений
Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 347. Л. 72.

**Письмо Ф.Н. Жарковой секретарю обкома ВКП(б)
Северной области Д.А. Конторину**

«...Теперь, когда Бак снят, я думаю, что его положение определилось: он арестован и находится под следствием.

...Прежде чем описать связь Бака для того, чтобы вы могли сделать какие-нибудь выводы, я должна сказать о наших с ним личных отношениях.

С 1925 г. жизнь у нас пошла с надрывом. Я обнаружила в нем качества: 1) что он имеет связи с женщинами (первые из них и те, которых я знала, главным образом партийки); 2) при наличии этого он все же жил со мной и показывал, что любит меня, и это меня удерживало, тем более я видела, что многие имеют такие связи; 3) что он не только груб со мной, но жесток до третирований, унижений...

Меня с первого взгляда возненавидела его мать, которая с первого года 1920 встречи с ней проявляла недовольство: я — русская, а ей хотелось для сына жену-еврейку...

Мария Бак, сестра Бака, жена Бермана Б.Д., наркома внутренних дел Белоруссии, дружила с большинством работников центра, работавших с мужем ее.

В доме Марии Бак всегда бывали:

1. Молчанов с женой — враги.
2. Фурер — троцкист — застрелился — враг (ее личный приятель).

3. Шанин — оказался шпионом (а жена его оставлена в партии и работает).

...Нужно сказать о Молчанове и взаимоотношениях с ним Бака. Молчанов враждебно относился к нему и ко мне, т.к. я была инициатором изгнания его из Сибири через несколько месяцев его там работы в НКВД. Я всему партруководству края рассказывала о его разложении (привез 2-х жен, молодых девчонок), о его некоммунистическом поведении и странностях, говорящих, что он плохой большевик (катался бешено и ломал машины), странно обращался с людьми и вообще размагниченно вел себя. Бак послушался меня и других и откомандировал Молчанова. По существу Молчанов, являясь правой рукой Ягоды, мстил Баку...

Сам Бак, по-моему, не переваривал Молчанова, однако поддерживал с ним отношения и не показывал своего настоящего отношения к нему из страха испортить отношения с правой рукой Ягоды... Как-то он, Молчанов, позвонил Баку и сказал: «Бак, я не забыл, как ты меня выставил из Сибири, и не забуду».

Видя, что жены ряда товарищей, дружащие с Марией Бак, чрезмерно наряжаются в заграничное (например, Молчанова, Миронова, Шанина, Гай и др.), я испытывала открытую неприязнь к ним и говорила Баку, что мне подозрительно, «где они это берут». Бак на меня обрушивался и говорил: «Не воруют же их мужья». При этом он упрекал меня в нераспорядительности и что я не умею хорошо одеваться на такой же заработок, как и у мужей этих женщин.

Но я в Москве год занималась работой бесплатно и добровольно по партследствию. Кроме того, я привлекалась в помощь по отдельным делам в КПК при ЦК ВКП(б). Поэтому мне было трудно одеваться хорошо и жить на одно жалованье Бака.

...Теперь о связях с Павлуновским. В Сибири в 1924 году Бак стал заместителем ПП ОГПУ по Сибкраю Павлуновского...

Выйдя замуж за Бака в Свердловске, когда он был в Красной армии начальником арт. снабжения фронта оружием и патронами — наряду с красноармейцами грузил сам дни и ночи поезда, чтобы ликвидировать фронт Колчака, я после демобилизации Бака из Красной армии увезла его в 1919 г. в Томск. Я давала клятву до гроба бороться со всеми врагами Октябрьской революции, беспощадно выкорчевывать их. Поэтому, узнав, что в Чека работает тов. Берман М.Д. председателем и зовет Бака в органы (они друзья детства), я со всей решительностью поддержала эти настроения и даже первые два месяца помогала Баку в работе прямо в Чека: разбирала сигналы, сводки, проводила допросы и т.п. Но потом сочла неудобным работать с мужем и ушла. За период работы на местах в Чека в Томске, Иркутске, Омске до Новосибирска я узнала, что во главе Сибчека сидит Павлуновский, которого боялись все работники ЧК, т.к. он славился своей грубостью с ними и суровостью. Помню, что как Бак, так и Берман М.Д. падали под гнев Павлуновского чаще, чем другие. Бака Павлуновский явно не любил и гонял его с места на место на каждый год. Я помню, был тяжелый случай, когда я с грудной девочкой в мороз жила 25 дней с Баком в вагоне на станции, потому что Павлуновский сегодня вызывал, приказал принимать дела Ново-Николаевского (Новосибирск) губотдела ГПУ, а как только Бак их принял, то Павлуновский отправил его замом к Тиуну в Омск, где Бак пробыл только год. От этих мытарств мы потеряли сына и дочь, т.к. никогда не успевали позаботиться и устроить жизнь, как ехали снова и снова, напряженно работали...

Были случаи, когда Павлуновский бил по лицу и оскорблял сотрудников, садил их под арест за мелочь, а Бак смягчал и освобождал (Павлуновский ударил по лицу одного начальника ж.д. транспорт. ГПУ за крушение поезда; поезд был пущен под откос, тот чуть не сошел с ума).

Павлуновский искал международную контрреволюцию в спуске поезда, не верил докладам, а затем,

когда Бак поехал на место крушения, то раскрылась организация временных рабочих во главе со старым железнодорожником, бывшим кулаком. Рабочие были сброд — «люмпены»: лишь бы пограбить и нажиться, а часть их с политической целью призналась. Был открытый показательный суд над этой бандой, и она была осуждена на расстрел...

...Бак говорил мне, что только с приходом т. Ежова стало ясно, какими методами надо овладевать и как надо работать, чтобы иметь успех. Когда он работал в Архангельске, то мне на волнение из-за бессонных ночей сказал, что работает, как т. Ежов и весь наш аппарат в Москве, а не как мы раньше работали...

Моя вина перед партией, если Бак окажется прямым предателем, тяжкая. За 19 лет я, выходит, не разглядела врага около себя. Да, не разглядела...

Я написала все, что имела. У меня ничего не осталось спрятанного ни в сердце, ни в мыслях от обкома ВКП(б).

Я прошу оставить меня в партии ради пережитых мук: с раннего детства битые, ссылка, тюрьма, голод и т.п. Прошу дать мне возможность работать в партии и для партии, отдать, если понадобится, свою жизнь...».

Государственный архив социально-политической истории Самарской области.

Ф. 1141. Оп. 33«а». Д. 71. Лл. 11–22.

**Из выступления секретаря Сибирского крайкома
ВКП(б) Роберта Индриковича Эйхе
в январе 1930 года в Новосибирске
на собрании партийных руководителей**

«...В отношении наиболее злостной махровой части кулачества применять уже немедленно меры резкого подавления. Эти меры должны, по-нашему, вылиться в то, чтобы выслать их в наиболее далекие районы севера, скажем, в Нарым, в Туруханск, в концентрационный лагерь. Другую часть кулачества можно будет применить

в порядке работы для использования в трудовых колониях. К этому прибегнуть придется, к этому необходимо готовиться сейчас, ибо если мы оставим кулака после экспроприации средств производства в той же деревне, где создан сплошной колхоз, нельзя думать, что кулак не попытается свою злобу выместить на этом колхозе...

Мы сейчас будем строить Томско-Енисейскую дорогу, строить в необжитых, непроходимых районах тайги. Пусть они поработают, проведут несколько лет трудовой жизни, а потом мы посмотрим, что из себя будет представлять тот или иной кулак...».

Государственный архив социально-политических объединений Новосибирской области.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 3468. Л. 46.

Докладная записка председателю ОГПУ Союза ССР товарищу Менжинскому о завершении строительства ББК имени И.В. Сталина

...Постановлением правительства в ноябре 1931 года на меня возложено строительство Беломорско-Балтийского канала, соединяющего Балтийское море с Белым, от Повенца на Онежском озере до Сороки на Белом море, общим протяжением 227 км.

Настоящим сообщаю, что строительство, начатое в конце ноября 1931 года, закончено 20 июня 1933 года, то есть в год и 9 месяцев, и правительственная пусковая комиссия приступила к приемке сооружений Беломорстроя.

При предварительном испытании и опробовании весь канал и его сооружения показали исправную работу.

Всего на Беломорско-Балтийском канале построено 118 сооружений, из них:

шлюзов — 19, плотин — 15, водоспусков — 12, дамб — 40, каналов — 32 длиной 40 км.

Было выполнено следующее количество работ: выемки грунта — 9960000 кубм, из них скальных грунтов — 2514000 кубм.

Сделано насыпи, обратной засыпки и загрузки грунтами — 8412000 куб. м. Выполнено земляных работ по переносу Мурманской ж.д. — 2500000 куб. м.

Всего произведено земляных работ на 21000000 куб. м.

Срублено деревянных ряжей — 921000 куб. м.

Уложено бетона — 390000 куб. м.

Дополнительных ассигнований против утвержденных правительством по смете не потребовалось.

Зампред ОГПУ Союза ССР

Ягода

27 июня 1933 года

Центральный архив ФСБ России.

«Дело не в том, что я видел грандиозные сооружения — шлюзы, дамбы и новый водный путь.

Меня больше всего поразили люди, которые там работали и организовали эту работу. Я увидел воров и бандитов (ныне ударников!), которые заговорили человеческим языком, призывая товарищей по работе брать с них пример.

Мне не приходилось раньше видеть ГПУ в роли воспитателя. То, что я увидел, было для меня чрезвычайно радостным.

22/VIII-33

М. Горький»

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запортом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

Шкаф нами был вскрыт, и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие лица:

- а) Свердлова Якова Михайловича,
- б) Гуревич Ценилии-Ольги,
- в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,
- г) княгини Барятинской Елены Михайловны,
- д) Ползикова Сергея Константиновича,
- е) Романюк Анны Павловны,
- ж) Клеточкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Ягода

27 июля 1935 г. № 56568

Центральный архив ФСБ России.

Наркомвнудел СССР тов. Ягода

1 декабря в 16 часов 30 минут в здании Смольного на 3-м этаже в 20 шагах от кабинета тов. Кирова произведен выстрел в голову шедшим навстречу к нему неизвестным, оказавшимся по документам Николаевым Леонидом Васильевичем, членом ВКП(б) с 1924 года, рождения 1904 года.

Тов. Киров находился в кабинете.

При нем находятся профессора-хирурги Добровровский, Феертах, Джанелидзе и другие врачи.

По предварительным данным, тов. Киров шел с квартиры (ул. Красных Зорь) до Троицкого места. Около Троицкого моста сел в машину в сопровождении разведки, прибыл в Смольный. На третьем этаже тов. Кирова до места происшествия сопровождал опе-

ративный комиссар Борисов. Николаев после ранения тов. Кирова произвел второй выстрел в себя, но промахнулся. Николаев опознан несколькими работниками Смольного (инструктором-референтом отдела руководящих работников обкома Владимировым Вас. Тих. и др.) как работавший ранее в Смольном.

Жена убийцы Николаева по фамилии Драуле Мильда член ВКП(б) с 1919 года; до 1933 года работала в обкоме ВКП(б).

Арестованный Николаев отправлен в управление НКВД ЛВО.

Дано распоряжение об аресте Драуле. Проверка в Смольном проводится. 18 часов 20 минут.

Медведь¹

1 декабря 1934 года

Центральный архив ФСБ России.

¹ В связи с убийством Кирова было расстреляно около 300 человек. Все они, за исключением Л.В. Николаева, непосредственного убийцы Кирова, позже были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Сквозняк из могилы

Выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года стал хлестким ударом для НКВД, и в первую очередь для СПО и его начальника Молчанова, гордившегося созданной им системой оперативного учета.

Расследованием убийства занялась оперативная группа под руководством заместителя наркома внутренних дел СССР Якова Сауловича Агранова (настоящая фамилия Сорендзон). В группу вошли ответственные работники особого и экономического отделов Главного управления государственной безопасности НКВД. Интересы секретно-политического отдела представлял заместитель начальника СПО Генрих Самойлович Люшков.

Практически сразу же Сталин указал на организаторов убийства Кирова. Курировавшим следствие секретарю ЦК ВКП(б), председателю Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николаю Ивановичу Ежову и генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Васильевичу Косареву Сталин прямо заявил: «Ищите убийц среди зиновьевцев».

По словам Ежова, эта версия вызвала молчаливое недовольство среди чекистов, и прежде всего среди работников возглавляемого Молчановым секретно-политического отдела ГУГБ НКВД.

С 1932 года СПО проводилась активная агентурная разработка Зиновьева, Каменева и других лиде-

ров оппозиционных групп. Контролировалась их переписка, прослушивались телефонные разговоры.

Целенаправленные действия агентуры СПО привели к тому, что к 1933 году находившийся за границей Троцкий фактически утратил все контакты со своими сторонниками в Советском Союзе. Его переписка с поставленными на оперативный учет бывшими троцкистами сократилась до ничтожных размеров, а затем и прекратилась вовсе.

Итогом этой чекистской деятельности явились представленные в 1934 году в ЦК ВКП(б) документы за подписью Молчанова, свидетельствующие, что материалов о существовании возглавляемых Зиновьевым и Каменевым подпольных антисоветских организаций не имеется.

Выходило, что Молчанов и аппарат СПО проморгали существование террористической группы, состоявшей из членов ЦК ВКП(б), в том числе и исключенных из партии за причастность к троцкизму. Проморгали группу, организовавшую и совершившую убийство члена политбюро ЦК ВКП(б). А может, сознательно скрывали от партии этих террористов?

Реакцией Сталина на результаты расследования убийства Кирова могла стать кадровая чистка в Наркомате внутренних дел: это прекрасно понимали и Молчанов, и Ягода.

23 февраля 1935 года Сталин получил от заместителя наркома внутренних дел Георгия Евгеньевича Прокофьева донесение о том, что у одного из арестованных был обнаружен архив Троцкого за 1927 год. Сталин воспользовался этим случаем для подключения к разработке бывших оппозиционеров представителя ЦК и наложил на доку-

менте резолюцию: «Чрезвычайно важное дело, предлагаю троцкистский архив передать Ежову. Назначить Ежова наблюдать за следствием, чтобы следствие вела ЧК совместно с ЦК».

Ежов сразу же заявил: что «...по его мнению и мнению ЦК партии, в стране существует нескрытый центр троцкистов». Потянуло сквозняком.

Ягода, Молчанов и другие начальники отделов ГУГБ НКВД пытались первоначально выставить Ежова перед Сталиным непрофессионалом, «запрещали всем сотрудникам давать Ежову какую-либо информацию, всеми силами преградить ему путь к аппарату НКВД». Сам Георгий Андреевич «принимал меры к тому, чтобы не все ему (Ежову) показывать, лично раздавал указания: «При Ежове ничего не говорить, допросы прекращать...».

Ежов уловил тактику оттяжек и недомолвок. Он жаловался Сталину, что «в аппарате НКВД пружинят... начальник СПО Молчанов действует без присущей органам оперативности... считает, что никакого серьезного троцкистского подполья в стране нет».

Сталин посоветовал секретарю ЦК «идти напролом». Ежов «стал приходить в НКВД, не оповещая Ягodu и Молчанова... спускался неожиданно в оперативные отделы, влезал сам во все дела, ходил к следователям на допросы, сам вызывал и допрашивал арестованных, беседовал с рядовыми оперативниками ГУГБ НКВД...». И тут Ягода, Молчанов и их помощники были бессильны: «Ни договориться с работниками, ни инструктировать их, что говорить Ежову, не смогли».

Постепенно Ежову и поддерживающему его Агранову удалось расколоть руководство НКВД. Они сделали ставку на управления НКВД по

Московской и Ленинградской областям. «Москвичи» арестовали бывшего активного участника троцкистской оппозиции Ефима Александровича Дрейцера и бывшего секретаря Зиновьева Ричарда Витольевича Пикеля — «сразу же прорвались». Арестованных доставили к заместителю начальника УНКВД по Московской области Израилю Моисеевичу Радзивиловскому, у которого «в результате исключительно тяжелой работы в течение трех недель они начали писать показания».

О том, как вели дела «ленинградцы», рассказал в 1956 году делегатам XX съезда КПСС Никита Сергеевич Хрущев: «...Член партии с 1906 года т. Розенблюм был арестован Ленинградским управлением НКВД... Его подвергли жестоким истязаниям, вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет начальника УНКВД Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по «делу о Ленинградском шпионском диверсионном террористическом центре...». Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытым... дело в Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение... «Самому тебе, — говорил Заковский. — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому из филиалов отдельно, и твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде... От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь —

сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти за казенный счет».

На такие материалы, поступавшие от сторонников Ежова в СПО ГУГБ НКВД, Молчанов реагировал не иначе, как «...что за чепуха, ерунда... какая связь с Троцким, Седовым, с Берлином...». Ягода на протоколах допросов арестованных в Москве и Ленинграде бывших троцкистов «о существовании троцкистско-зиновьевского центра, о директиве Троцкого об убийстве руководителей ВКП(б) и правительства» написал: «...Чепуха, ерунда... не может быть». Копии этих документов с резолюциями Молчанова и Ягоды были направлены Ежовым в ЦК ВКП(б). Позиция секретно-политического отдела ГУГБ НКВД стала ясной Сталину: «...работая по старым трафаретам, СПО перестал удовлетворять современным требованиям государственности».

Отставка уже холодила Молчанова. И он засобирился в Сибирь. К Долгиреву. За золотом.

По чекистским понятиям

В эту экспедицию Молчанов пригласил Якова Арнольдовича Бухбанда, начальника Управления НКВД по Крымской АССР, по совместительству возглавлявшего местное отделение... Союза писателей.

В истории царских и советских спецслужб бывали случаи, когда их руководители увлекались сочинительством. Заведующий зарубежной агентурой Департамента полиции Л.А. Ратаев писал пьесы для петербургских театров.

На драматургической ниве трудился Всеволод Николаевич Меркулов, будущий нарком госбезо-

пасности (1941–1946 гг.). В 1927 году он сочинил свою первую пьесу, которая шла в театрах Грузии, а вершиной его творчества стала пьеса «Инженер Сергеев», получившая высокую оценку у театральных критиков.

Даже Заковский пробовал силы на литературном поприще. В 1931 году вышла его брошюра «Физкультура на службе пятилеток», а за ней — ворох статей: «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожать до конца», «Выкорчевывать до конца троцкистско-бухаринскую агентуру фашистов», «Предателям Родины троцкистско-бухаринским шпионам нет и не будет пощады», «Подрывная работа церковников-сектантов...». Эти «произведения» Заковского были рекомендованы для изучения в партийных организациях.

У Бухбанда никаких задатков к писательскому труду не наблюдалось. Русским языком он владел плохо, так как родился и вырос в Австро-Венгрии, а в Россию попал в 1915 году как военнопленный. Образования, кроме первого класса гимназии, никакого. Характеризовался: «Хороший следственник, но плохо знает русский язык, занимаемой должности соответствует при обязательном условии: иметь хорошего, развитого секретаря, знающего русский язык».

Таким секретарем стал для него Молчанов — они познакомились в Чечне. Вместе внедрялись в банды: «за многочисленный риск для жизни и проявление личного мужества» Бухбанд был награжден орденом Красного Знамени. Потом их пути разошлись. В 1928 году, будучи уже начальником Таганрогского окружного отдела ОГПУ, Бухбанд сочинил две пьесы: «Расправа» и «Полковник Лав-

ров», главным действующим лицом в которых стал... Долгирев. Позднее опубликовал еще две повести о чекистах — «Перебежчики» и «Путь солдата». Эти произведения удостоились хвалебных отзывов самого... Горького. В Крыму дом чекиста-писателя частенько посещали именитые собраты по перу — Маршак, Авдеенко, Павленко... По их примеру Бухбанд приступил к написанию новой книги «Перековка» о жизни заключенных на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Молчанов, посчитав, что это строительство уже достойно воспето в советской литературе, предложил «открыть» для читателей «рождение» в сибирской тайге нового города Остяко-Вогульска, построенного для туземцев «перековавшимися» кулаками.

В Омске Молчанова и Бухбанда ждали главный кадровик НКВД Булатов, ставший секретарем образованной в декабре 1934 года Омской области, и начальник Омского УНКВД Эдуард Петрович Салынь, который до Омска был полпредом ОГПУ в Крыму. И еще Долгирев — учитель и наставник, герой первых книг Бухбанда о полной опасностей жизни чекистов.

Вся компания разместилась на пароходе «III Интернационал», который взял курс через Тобольск на Остяко-Вогульск.

В пути вспоминали начальника специального (секретно-шифровального) отдела Бокия, склонного к мистицизму и оккультизму. За немалые деньги ОГПУ он искал следы доисторических высокоразумных цивилизаций: на стыке Индии, Тибета и Афганистана — легендарную Шамбалу, в Крыму — остатки древнейшей «друидической» культуры, в Среднем Приобье — «допотопную

страну» вогулов и их эпохальную языческую святыню — Золотую бабу.

Ориентировкой для РУПов, районных уполномоченных Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого окружных отделов НКВД, служило описание амулета, составленное еще в начале XVI века послом австрийского императора в Московии бароном Сигизмундом фон Герберштейном: «Этот идол Золотая старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он его внук».

Эти поиски працивилизаций и гипотетические идеи овладеть известными древним обществам научно-техническими знаниями и приспособить забытое идолопоклонение для коммунистической идеологии вместо «задушенного» православия и неосуществимой мессии «мировой революции» были санкционированы Коллегией ОГПУ во главе с Дзержинским еще в 1924 году.

Подобные, фантастические на первый взгляд, экспедиции в Абиссинию — ныне это Эфиопия — и в Гималаи, на гору Нанга-Парбат, а также поиски чаши Святого Грааля, из которой якобы вкушал Христос на Тайной вечере, предпринимались в 20—30-е годы и в Германии.

Нацисты с особой страстью популяризировали миф об Атлантиде и стремились поместить ее на Крайнем Севере. Сказание о чистокровных белокурых и голубоглазых асах и их столице Асгарде вошло в книгу ведущего нацистского идеолога Альфреда Розенберга (выходца из России), ставшую для нацистов второй по важности после «Майн кампф». Розенберг верил в то, что когда-то климат северных широт был настолько мягче,

чем сегодня, что допускал расцвет некой «допотопной» цивилизации.

Большим энтузиастом этой теории был голландско-немецкий этнолог Герман Вирт, которого считают основателем знаменитой секретной организации «Аненербе» («Наследие предков»), сочетавшей поиск потерянной древнейшей цивилизации с оккультными представлениями. Сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер провозгласил первобытную нордическую культуру идейным основанием для национал-социализма. О судьбах действующих лиц таинственного проекта «Аненербе» практически ничего неизвестно, как и о результатах поисков «допотопной» северной цивилизации.

В ОГПУ Бокия считали масоном: из старых соучеников по Петербургскому горному институту и чекистов он организовал мистический кружок «Единое трудовое братство», водил дружбу с Сергеем Федоровичем Ольденбургом, крупным ученым-востоковедом, министром просвещения Временного правительства, членом ЦК партии кадетов, директором Института востоковедения, и Николаем Константиновичем Рерихом, художником, востоковедом, путешественником, с 1919 года жившим вне России, совершившим несколько экспедиций по Индии, Гималаям и Тибету.

Не без влияния Бокия в январе 1926 года с письмом к Сталину обратился Борис Викторович Астромов-Кириченко, дворянин, юрист по образованию, занимавший пост генерального секретаря ложи «Астрея» автономного русского масонства.

Астромов и его «братья» по ложе предлагали объединение большевиков и масонов: «...тем бо-

лее соввласть уже взяла масонские символы: пятиконечную звезду, молоток и серп».

30 января того же года Астромов был арестован в Ленинграде сотрудниками ОГПУ. Постановлением особого совещания при ОГПУ от 18 июня он признан виновным в том, что «являлся руководителем масонских лож в Москве и Ленинграде, которые действовали в направлении оказания помощи международной буржуазии в свержении советской власти», и приговорен к заключению в концлагерь сроком на пять лет, позже срок заменен 3 годами. 23 декабря 1927 года Астромов-Кириченко был амнистирован и выслан в Тобольск.

Бокий был знаком с Константином Дмитриевичем Носиловым, странствовавшим по Тобольскому Северу и считавшимся единственным русским, которому хранители-вогулы показали легендарную Золотую бабу.

Бокий рекомендовал в 1932 году на должность директора Госполитиздата Николая Никандровича Накорякова — партийная кличка Назар Уральский, путешествовавшего не по своей воле по северным рекам: Конде, Пелыму, Тавде, Сосьве — Лозьве...

Его Бокий привлек к секретной операции по возвращению на родину из-за границы на постоянное жительство Горького.

В сентябре 1932 года отметили 40-летие литературного труда Алексея Максимовича: великому писателю вручили орден Ленина; в Москве создали Литературный институт имени А.М. Горького; Московский художественный театр стал носить имя А.М. Горького. Да что театр! Город Нижний Новгород стал называться Горьким. В Крыму под наблюдением Бухбанда местные заключенные срочно

ремонтировали приморский дворец в местечке Тессели, вблизи мыса Форос, где пейзажи не только напоминали, но и заменили бы Алексею Максимовичу жизнь в Италии, на Капри, в Сорренто...

По поручению Сталина Бокий пытался использовать раннее богоискательство и богостроительство Горького для создания новой религии на основе языческого идолопоклонства, где главные боги — Ленин и Сталин — в окружении полубогов, среди которых и сам Алексей Максимович.

Накоряков привлек бедствовавшего тогда крестьянского поэта Сергея Антоновича Клычкова к стихотворной обработке вогульских народных эпических сказаний и шаманских песен, собранных с 1915 по 1927 год этнографом Михаилом Александровичем Плотниковым.

Горький высоко оценил изданную в 1933 году в Москве-Ленинграде вогульскую поэму «Янгал-Маа» и ее обработку «Мадур Ваза-победитель».

«Жизнь Клим Самгина» о причинах духовной гибели его поколения писалась трудно. Поэтому писателя привели в восторг рассказы о богатыре Вазе, красавице Ан-Ючо, злом боге Мейке, страшном прародителе Пенегезе, огненной птице Таукси и многих других богах, шайтанах и героях «Янгал-Маа».

В этих красочных описаниях присутствовали люди-боги и полубоги, почти мифические гиганты, титаны и чародеи, создавшие таинственную цивилизацию, чем-то смахивающую на исчезнувшую Атлантиду.

Этими сказочными богатырями Горький считал чекистов, которым адресовал поздравление в связи с 15-летним (20 декабря 1932 года) юбилеем

ОГПУ: «...Вы знаете, как я отношусь к работе товарищей, как высоко ценю их героизм... Ближко время, когда больной и лживый язык врагов онемает, и все оклеветанное ими будет забыто, как забываются в ясный день ночные тени... Крепко жму руки всех лично знакомых мне товарищей и — мой горячий привет всем работникам ГПУ».

В марте 1933 года Горький простился с виллой «Иль Сорито», с Сорренто, с Неаполем. С Италией. Советский пароход «Жан Жорес», в команду которого включили трех «матросов» из ОГПУ, взял курс на Одессу. На родину возвращался гений, полубог, большой друг Ленина и Сталина.

Этот год — 1933 — запомнился предпраздничной суетой: партия и страна готовились к XVII съезду ВКП(б) — «съезду победителей». Ждали принятия партийного кодекса — новой религии: закрывались и разрушались последние православные храмы, мусульманские мечети, католические костелы, иудейские синагоги и молельные дома сектантов.

Все ведомства увлеклись тогда разработками положений и уставов, регламентирующих правила поведения и этикета советских служащих.

ОГПУ не осталось в стороне от этих новшеств. Главным чекистским понятием стало: «Чекист должен умереть или от руки врага, или от руки ОГПУ. Естественная смерть для чекиста исключена».

К странностям своего бывшего начальника по Туркестанскому фронту Бокия Молчанов относился настороженно-снисходительно.

Заключение в крепость в декабре 1906-го на два с половиной года «за участие в сообществе, которое ставит своей целью установление в России социалистического строя», туберкулез легких,

участие в «красном терроре», увлечение мистицизмом не прошли для Бокия бесследно. Современники отзывались о нем по-разному. Писатель Лев Разгон, работавший под руководством Бокия и женатый на его дочери: «...Глеб Иванович не принимал участия в застольном шумстве, но с удовольствием прислушивался к нему и никого не стеснял. Сидел, пил вино или что-либо покрепче и курил одну за другой сигареты, которые он тут же скручивал из какого-то ароматного табака и желтой бумаги. Глеб Иванович... никогда не вел аскетической жизни. Но зато имел свои «странности». Никогда никому не пожимал руки, отказывался от всех привилегий своего положения: дачи, курортов и пр. Вместе с группой своих сотрудников арендовал дачу под Москвой в Кучино и на лето снимал у какого-то турка деревенский дом в Махинджаури под Батумом. Жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, родные и знакомые даже не могли подумать о том, чтобы воспользоваться его казенной машиной. Зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке, и даже в дождь и снег на его открытом «паккарде» никогда не натягивался верх. Его суждения о людях были категоричны и основывались на каких-то деталях, для него решающих...».

Артист Федор Шаляпин: «...Вообще же я мало встречал так называемых поклонников моего таланта среди правителей... за исключением одного случая, о котором хочу рассказать, потому что этот случай раздвоил мои представления о том, что такое чекист. Однажды ко мне в уборную принесли кем-то присланную корзину с вином и фруктами, а потом пришел в уборную и сам автор любезного

подношения. Одетый в черную блузу, человек этот был темноволосый, худой, с впалой грудью. Цвет лица у него был и темный, и бледноватый, и зелено-землистый. Глаза-маслины были явно воспалены. А голос у него был приятный, мягкий; в движениях всей фигуры было нечто добродушно-доверчивое. Я сразу понял, что мой посетитель туберкулезник. С ним была маленькая девочка, его дочка. Он назвал себя. Это был Бокий, известный начальник Петербургской чека, о которой не слышал ничего, что вязалось бы с внешностью и манерами этого человека...».

Сотрудник НКВД Николай Клименков, допрошенный 29 сентября 1938 года: «...С 1921 года я работал в спецотделе НКВД. Отдел в то время возглавлял Бокий Глеб Иванович, который назначил меня нач. 2-го отделения спецотдела.

В то же время уже существовала созданная Бокием так называемая «Дачная коммуна», о которой знали только приближенные Бокия. В этой «коммуне» были установлены правила, которые сводились к следующему: участники, прибыв под выходной день на дачу, пьянствовали весь выходной день и ночь под следующий рабочий день... На дачу съезжались участники «коммуны» с женами. Вместе с ними приглашались и посторонние, в том числе и женщины из проституток. Женщин спаивали допьяна, раздевали их, использовали по очереди, предоставляя преимущество Бокию, к которому помещали этих женщин несколько...».

Как когда-то Молчанов модным коверкотом расположил к себе Ягоду, так и Бокий держал наркома внутренних дел обещаниями укрепить магическими заклинаниями и языческими аму-

летами угасавшую мужскую силу, столь необходимую в общении с «прелестницей Тимошей» — так по обычаю большой семьи Горького называли сноху писателя, жену его единственного сына Максима Надежду Алексеевну. Дочь московского профессора-уролога Введенского, бывшая гимназистка с толстой косой, уже успела сбегать «на скорую руку» замуж за инженера Сергея Синицина, затем сменила нескольких временных партнеров, пока не встретила Максима Пешкова. По свидетельству современников, 26-летняя Надя-Тимоша была очень красива и эффектна. Своей привлекательной внешностью она очень выигрывала перед subtilной супругой Ягоды Идой Леонидовной Авербах, работавшей помощницей прокурора Москвы (ее брат Леопольд Авербах возглавлял РАПП — Российскую ассоциацию пролетарских писателей, которую сменил Союз советских писателей во главе с Горьким).

На «прелестницу Тимошу» и другие мужчины заглядывались, особенно после неожиданной смерти 11 мая 1934 года ее мужа. Максим Алексеевич в конце апреля собирался в Ленинград, но почему-то изменил планы и отправился на майские праздники на дачу НКВД в Серебряном бору. Там он находился с секретарем Горького Петром Петровичем Крючковым, которого в семье писателя звали Пепе Крю. Друзья крепко выпили — оба предпочитали «ерша» — водку с пивом. Макс полегал на травке и простудился — крупозное воспаление легких. Врачи оказались бессильны.

Безутешную вдову Надежду Алексеевну — Тимошу постоянно опекал «друг семьи» Ягода. Для пущей надежности ее по команде наркома охра-

няли сотрудники Оперативного отдела ГУГБ НКВД, резко отшивавшие любого ухажера.

На очаровательную вдову «положил глаз» Алексей Николаевич Толстой, писатель, «красный граф»: на машине подвез, букетик сирени подарил — все так мило и трогательно. Но какой-то человек в военной форме вежливо предупредил «графа»: «Место прочно и надолго занято, и если вы не желаете сменить длинную прическу на стрижку «под ноль», то не должны больше покупать и дарить цветы. Даже сирень». Писатель Толстой намек понял и мгновенно ретировался.

Возможности Ягоды в сравнении с другими претендентами на сердце и тело Тимоши — и властные, и финансовые — были куда значительней: только на ремонт ее дачи в деревне Жуковка из средств НКВД было потрачено 160000 рублей. Также за счет ведомства содержались многочисленные родственники и творческое окружение наркома. Пополнение секретных фондов НКВД путем кладоискательства возлагалось на Молчанова.

А Бокий колдовскими методами восстанавливал шефу растраченную при нервной работе мужскую потенцию. С берегов далекого Казыма привозили в Москву остяцких шаманов, показывали им метро, катали на аэроплане. А по ночам на даче Ягоды в Озерках, близ печально известного бутовского спецполигона НКВД, где тайно закапывали расстрелянных в подвалах Лубянки, шаманы проводили камлание: обращались к духам, направляя свои усилия на то, чтобы внести покой в души собравшихся чекистов, поддержать их гаснущие мужские силы.

При этом Ягода использовал для интимных утех и более современные средства: большой на-

бор порнографических фотоснимков, порнофильмы и фаллоимитатор — резиновый половой член.

Молчанов давно не верил ни в бога, ни в коммунизм, ни в колдовство. У него своя религия — деньги и власть. К этой религии он хотел приобрести Долгирева.

В Остяко-Вогульске партийно-чекистскую экспедицию встретил начальник окружного отдела НКВД Петров.

Долгирев считал, что Петров, «оперативно изъязв» в декабре 1932 года хранителя колчаковского клада Кунина-Шатина, не сумел добиться от него, чтобы тот указал тайник в системе жертвенных прикладных мест. Замученного на допросах «кана»-«царя» ваховских остяков «списали» постановлением ПП ОГПУ по Уралу, а через год остяки восстали, но их выступление подавил чекистский спецназ под руководством Сергея Васильевича Здоровцева, полномочного представителя ОГПУ по созданной здесь в декабре 1933 года Обско-Иртышской области.

До этого назначения Здоровцев был заместителем полпреда ОГПУ по Средне-Волжскому краю Бака. А Борис Аркадьевич по чекистской службе в Томске и Новониколаевске знал о маршруте «золотого» колчаковского парохода. Не зря он с такой настойчивостью продвигал своего заместителя в Тюмень (после упразднения в декабре 1934 года Обско-Иртышской области старший майор госбезопасности Здоровцев стал заместителем начальника УНКВД по Омской области).

Поэтому группа разделилась: Булатов, Салынь, Бухбанд и Петров остались в Остяко-Вогульске помогать чекисту-писателю собрать материал для

его эпохального романа «Перековка». Главный местный «перековщик» председатель Остяко-Вогульского окрисполкома Яков Матвеевич Рознин скоропостижно скончался 13 мая 1934 года. Его, как «сгоревшего на работе», и окружных чекистов, перевоспитателей высланных в эти места крестьян-кулаков, Бухбанд собирался ярко представить в своем будущем произведении.

Молчанов и Долгирев на катере окротдела НКВД отправились на охоту: через Сургут в верховья Ваха. Несколько раз сходили на берег. Около селения Большетархово задержались дольше обычного — что там произошло, никто не знает. Официальная версия: «несчастный случай на охоте».

В далекой от Приобья Чечне в отрядах эмира Узун-Хаджи, где под легендой его телохранителя действовал Молчанов, отступников от веры убивали ударом кинжала в переносицу. Молчанов хорошо владел этим приемом, но столько лет прошло...

Чужими руками

Неудачное кладоискательство Молчанова и трагическая гибель ветерана-чекиста Долгирева не особенно расстроили Ягоду. Его роман с вдовствующей Надей-Тимошей развивался бурно: помогли колдовские мистерии остяцких шаманов или иные искусственные средства. В октябре 1935 года ему присвоили маршальское звание: он стал Генеральным комиссаром государственной безопасности и получил придуманный специально для него новый мундир. Ягода теперь носил темно-синюю приталенную однобортную шерстяную тужурку с золотым кантом на воротнике и обшлагах рукавов,

белую рубашку с черным галстуком, темно-серый шерстяной реглан и темно-синие брюки навывпуск с малиновым кантом. На рукаве тужурки красовалась большая золотая звезда, окаймленная красным, синим, зеленым и краповым шитьем, в центре звезды помещался красный серп и молот, а под ней — золотой жгут. Такая же звезда была и на петлицах.

А Молчанов щеголял в синей фуражке с краповым околышем и малиновым кантом, в коверкотовой гимнастерке с золотым шитьем и в синих габардиновых бриджах. Но носить такую роскошную форму им довелось недолго.

Расследовавший «несчастный случай на охоте» следователь по важнейшим делам при прокуратуре СССР Шейнин, возвратившись из Омска в Москву, побывал у Сталина. Из его кабинета Лев Романович вышел начальником Следственного отдела прокуратуры Союза ССР. Ему Сталин поручил ведение дел на Молчанова и Ягоду, и первые допросы будут посвящены выяснению обстоятельств исчезновения золота и бриллиантов, конфискованных у церкви, и найденных кладов.

Но пока партия и НКВД готовились к первым большим московским процессам над лидерами оппозиции. В августе 1936-го судили Зиновьева, Каменева и четырнадцать их сторонников.

Ягода, Молчанов, другие руководители НКВД и следователи отлично знали, что Зиновьев с Каменевым никого не убивали и не собирались убивать. Была надежда: открытый судебный процесс провалится. Сталин отвернется от непрофессионала Ежова и вновь доверится им — мастерам тайных операций и создателям оперативного учета.

Они не понимали: Сталин решил истребить весь оперативный учет — чекистскую бухгалтерию «актива-пассива» и «бывших», чтобы обезопасить себя от случайных выстрелов, подобных прозвучавшим 1 декабря 1934-го в Смольном. Они, как заявил позднее бежавший из Испании в США высокопоставленный чекист Орлов, не догадались: «Сталин наметил уничтожить также их самих, как нежелательных свидетелей его преступлений и как своих прямых соучастников в подготовке фальсификаций, направленных против старой ленинской гвардии».

Что касается позорных проколов и несообразностей на августовском 1936 года и на последующих судебных процессах, о которых весь мир известили многие зарубежные информационные агентства, газеты и журналы, то Ежов представил эти просчеты как результат активного противодействия со стороны Молчанова и других руководителей НКВД, включая самого наркома Ягоду.

В своем недовольстве работой возглавляемого Молчановым Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Сталин еще больше укрепился после побега из-под стражи героя Гражданской войны Гая Дмитриевича Гая (настоящее имя Гайк Бжишкян), начальника кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени Н.К. Жуковского. Положенное ему звание комкора он получить не успел, потому что был арестован в июле 1935 года за то, что, «будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что «надо убрать Сталина, все равно его уберут».

В Первую мировую войну Гай воевал на турецком фронте, за храбрость трижды награждался Георгиевским крестом и был произведен в прапорщики.

В Гражданскую командовал 1-й сводной Симбирской пехотной дивизией, которая освободила от белых родной город Ленина Симбирск и за стойкость, проявленную в боях у станции Охотничья, получила наименование Железная. Потом Гай командовал 1-й армией Восточного фронта, получил два ордена Красного Знамени. После Гражданской войны служил в Западном военном округе. Весной 1925 года Гай сдал командование 3-м кавалерийским корпусом будущему наркому обороны Семену Константиновичу Тимошенко и прибыл в академию.

Гая обвинили в подготовке террористического акта против Сталина; Особое совещание при НКВД приговорило его к пяти годам тюремного заключения. 22 октября 1935 года он в сопровождении спецконвоя НКВД (три конвоира) в особом купе из Москвы был направлен в Ярославскую тюрьму ГУГБ НКВД.

В тот же день около 11 часов вечера в трех километрах от станции Берендеево (Иваново-Промышленная область) Гай попросился в уборную. Воспользовавшись тем, что конвоиры остались в коридоре, он разбил стекло, вышиб оконную раму и выпрыгнул на ходу поезда. Обнаружить беглеца сразу не удалось.

На место происшествия была направлена оперативная группа под руководством Молчанова и заместителя начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД Захара Ильича Воловича. К поискам Гая привлекли местных чекистов и коммунистов — безрезультатно.

Через два дня его искали уже 900 курсантов Высшей пограничной школы НКВД — был оцеплен район побега в радиусе 100 километров. Проверялись все поезда и вокзалы, велось наблюде-

ние за знакомыми Гая. Лишь к 13 часам 24 октября 1936 года Гай был задержан, но нашли его со сломанной при прыжке с поезда ногой в стогу сена не чекисты, а местные колхозники.

Возмущению Сталина, находившегося в отпуске в Сочи, не было предела. 25 октября он написал Молотову, Кагановичу и Ягоде: «Из обстоятельств побега Гая и его поимки видно, что чекистская часть НКВД не имеет настоящего руководства и переживает процесс разложения. Непонятно, на каком основании отправили Гая в тюрьму в особом купе, а не в арестантском вагоне? Где это слыхано, чтоб приговоренного к концлагерю отправляли в особом купе, а не в арестантском вагоне? Что это за порядки?

Версия побега через окно на полном ходу поезда, по-моему, маловероятна. Вероятнее всего, арестант переоделся и вышел на станцию, пропущенный кем-то из конвоиров. У Гая и его друзей, мне кажется, есть свои люди в чека — они и организовали ему побег.

Еще более чудовищна обстановка поимки Гая. Оказывается, для того чтобы поймать одного сопляка, НКВД мобилизовал девятьсот командиров пограничной школы, всех сотрудников НКВД, членов партии, комсомольцев, колхозников и создал кольцо, должно быть, из нескольких тысяч человек, радиусом в сто километров.

Спрашивается, кому нужна чека и для чего она вообще существует, если она вынуждена каждый раз и при всяком пустяковом поводе прибегать к помощи комсомола, колхозников и вообще всего населения?

Далее, понимает ли НКВД, какой неблагоприятный для правительства шум создают подобные

мобилизации? Наконец, кто дал НКВД право на самочинную мобилизацию партийцев, комсомольцев и колхозников для своих ведомственных потребностей? Не пора ли запретить органам НКВД подобные, с позволения сказать, мобилизации?

Важно заметить, что вся эта кутерьма была исключена, если бы Гай был отправлен в арестантском вагоне.

Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться ее «лечением».

Так что у Сталина появились серьезные основания подозревать руководство НКВД в измене. Гай воевал в Гражданскую войну под командованием Михаила Николаевича Тухачевского, маршала Советского Союза, заместителя наркома обороны и одновременно начальника боевой подготовки РККА, которого называли «молодым Бонапартом».

Молчанов и его приятель Марк Исаевич Гай (настоящее имя Марк Исаакович Штоклянд), начальник Особого отдела ГУГБ НКВД, надеялись, что отличавшийся честолюбием маршал Тухачевский заступится за своего бежавшего из-под стражи боевого товарища, а потом воспользуется отсутствием в Москве Сталина и отвлечением основных сил НКВД на поиски Гая, захватит с подчиненными ему войсками Кремль и отстранит Сталина от власти.

Поэтому были нарушены правила конвоирования осужденного Гая, и вместо положенного по инструкции арестантского вагона его поместили в особое купе. И конвоиры упустили его не случайно, и место побега выбрали в местности, хорошо известной Молчанову по службе в Иваново-Промышленной области, и поиски беглеца, не-

смотря на их масштабность, не отличались целенаправленностью.

Но Тухачевский не решился на военный переворот — может быть, сожалел по этому поводу в подвале Лубянки после своего ареста 22 мая 1937 года.

Марк Исаевич Гай (Штоклянд) возглавлял Особый отдел (военную контрразведку) ГУГБ НКВД с июня 1933-го. Он окончил гимназию и художественное училище в Киеве, два года проучился на юридическом факультете Киевского университета. В Гражданскую служил в Красной армии — в 1925 году окончил курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии РККА. Через два года его взяли в центральный аппарат ОГПУ в экономический отдел. Во время совместных операций с ивановскими чекистами против текстильных спекулянтов он подружился с Молчановым.

Гай, несомненно, знал о диктаторских амбициях Тухачевского и других военачальников, но использовать их для смещения наркома обороны Ворошилова и Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина не удалось — армия ненавидела НКВД.

И тогда Гай по согласованию с Молчановым и Ягодой приказал доставить на Лубянку бывшего командующего 1-й Сибирской белой армией генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева.

Заговор мертвых

После прекращения 17 июня 1923 года вооруженного сопротивления красным войскам в Якутии военный трибунал 5-й армии приговорил Пепеляева к расстрелу. ВЦИК заменил расстрел 10-

летним заключением в Ярославской тюрьме ОГПУ. Через два года генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. В 1933 году тюремный срок закончился. Пепеляев написал прошение об освобождении — ему отказали без всяких объяснений. Со своей участью он давно смирился, политическими событиями не интересовался, газет и книг не читал — только Библию.

Можно представить, насколько неожиданным было этапирование из Ярославля в Москву.

«...В январе 1936 года после суточного ожидания в одиночной камере Бутырской тюрьмы я был переведен во внутреннюю тюрьму НКВД и вечером того же дня вызван на допрос к начальнику Особого отдела НКВД комиссару государственной безопасности Гаю. При моем появлении он вышел из-за стола, крепко пожал мне руку и предложил сесть в кресло. После этого сказал: «Вот вы сидите у нас уже тринадцатый год, а мы вас не знаем. Я специально вызвал вас к себе, чтобы познакомиться и определить вашу дальнейшую судьбу».

Затем он стал расспрашивать меня о моем прошлом, о службе до германской войны и на фронте. Интересовался моими наградами, а узнав, что за боевые отличия я был награжден офицерским Георгиевским крестом, воскликнул с неподдельной искренностью: «Мы ценим боевых людей. Конечно, вас можно было бы использовать в армии, но вы, наверное, технически отстали и многое забыли». Спросил, не занимался ли я военным делом в заключении. Этот вопрос меня смутил, мне показалось: начинается допрос. «Нет, — ответил я, — там я не мог заниматься военным

делом, так как не имел специальной литературы». «А как бы вы посмотрели на то, — сказал Гай, — если вас назначить преподавателем в одно из военных училищ. Тактику могли бы преподавать?». Я ответил, что преподавал тактику около двух месяцев в прифронтовой школе прапорщиков в 1916 году и, конечно, пошел бы на военную службу, но если это невозможно, то поступил бы в столярную мастерскую, так как в заключении обучился столярному ремеслу.

Гай, многозначительно посмотрев на меня, сказал, что ему хорошо известно, что я делал в тюрьме. «Ну, хорошо, — заметил он, — мы подумаем, как вам помочь». После этого меня увели в камеру».

Пепеляеву объявили о предстоящем освобождении и возвратили в Ярославскую тюрьму. 4 июля 1936 года его снова доставили в кабинет начальника особого отдела ГУГБ НКВД.

«Гай зачитал постановление ЦИК СССР о моем освобождении — стоял по стойке «смирно». Потом он сказал: «Вас Советская власть слишком жестоко наказала, но теперь вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь. Выберите себе такой город, где бы вас не знали, например, Воронеж, и ведите себя крайне осторожно. Помните: за вами будут следить, — и после краткой паузы добавил: — Мы вам поможем».

После окончания этой странной аудиенции бывшего белого генерала накормили, выдали тысячу рублей «по личному распоряжению наркома внутренних дел Ягоды» и до отхода воронежского поезда покатали на легковой машине по Москве.

Эта экскурсия вызвала у Пепеляева неподдельное волнение. «Вот она, Москва, — думал я, про-

езжая в машине по улицам и площадям. В те минуты казалось, сбылась моя заветная мечта — во главе полков вступить триумфальным маршем в столицу русской земли... мысленно я горячо благодарил Гая за эту прогулку...».

В Воронеже стараниями местных чекистов Пепеляеву были созданы сносные бытовые условия. Он устроился краснодеревщиком на мебельную фабрику и поступил заочно в педагогический институт — хотел стать учителем.

Он не знал, что Ягода, Молчанов и Гай решили использовать его для вооруженного свержения Сталина.

Внезапное освобождение из Ярославской тюрьмы бывшего белого генерала, имевшего опыт военных переворотов, совпало с формированием из курсантов школ НКВД особой роты в составе 200 человек. В обстановке повышенной секретности их ускоренно готовили к ведению боевых действий в городских условиях и внутри правительственных зданий. По большому счету, это был некий прообраз знаменитых «Альфы» и «Вымпела».

Результатами закрытого смотра готовности этого спецназа Ягода и его приближенные комиссары государственной безопасности остались довольны. Если верить показаниям Артура Христиановича Артузова (Фраучи), начальника иностранного отдела ОГПУ—НКВД, нарком Ягода сказал: «С таким аппаратом, как наш, не пропадешь! Орлы сделают все в нужную минуту. Ни в одной стране министр внутренних дел не сможет произвести дворцового переворота. А мы и это сумеем, если потребуется, потому что у нас не только милиция, но и свои войска. Военные оглянуться не успеют, как все будет сделано».

Заговорщики хотели поставить Пепеляева командиром этой спецроты, ввести ее при содействии коменданта Кремля Петра Пахомовича Ткалуна и арестовать или убить Сталина и других членов Политбюро.

Но и Ежов зря времени не терял: используя самоубийство 22 августа 1936 года одного из близких соратников Зиновьева и Каменева, бывшего главы советских профсоюзов Михаила Петровича Томского, закрутил интригу, окончившуюся смещением Ягоды с поста наркома внутренних дел.

Еще в 1928 году Томский спьяну «угрожал Сталину пулями». И когда понял, что вслед за Зиновьевым и Каменевым настала его очередь, поспешил добровольно уйти из жизни.

Молчанов скрыл предсмертные письма Томского к Сталину, в которых содержались прямые указания на связь Ягоды с оппозицией. Но о содержании этих писем вдова Томского Мария Ивановна рассказала Ежову, наивно рассчитывая, что этим спасет от репрессий свою семью.

Компрометирующие Ягodu и верхушку НКВД материалы Ежов тотчас доложил находившемуся на отдыхе в Сочи Сталину.

Через день, 25 сентября 1936 года, Сталин и Жданов послали Кагановичу, Ворошилову и Андрееву историческую шифровку за № 1360/ш. В отличие от большинства других шифровок она была передана только по каналам партийной связи и не дублировалась по линии связи НКВД, чтобы Ягода не узнал ее содержания.

Предлагалось: «...абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на

высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года...».

Спустя день Сталин, чтобы успокоить Ягоду, предложил ему новое назначение — наркомом связи: «Наркомсвязь дело очень важное. Это наркомат оборонный. Я не сомневаюсь, что Вы сумеете этот наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу в Наркомсвязи. Без хорошего наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в нынешнем состоянии. Ее надо срочно поставить на ноги».

Сталин боялся: вдруг Ягода взбунтуется. Ведь в его руках весь аппарат госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска, охрана членов Политбюро и секретный чекистский спецназ... Надо, чтобы Ягода спокойно ушел из НКВД. Поэтому Сталин пообещал ему новый мундир, краше прежнего.

Ягода хорошо знал любимый метод Сталина — сначала будущую жертву переводили на другую должность, а потом расстреливали или сажали. Но каким бы опытным ни был Генрих Григорьевич, он не мог не ухватиться за сталинское предложение, как за спасательный круг: получалось, что Сталин не окончательно разочаровался в нем, напротив, прочит взялся за другое, тоже важное дело, возлагает на него большие надежды.

В тот же день Ежов возглавил НКВД, а Ягода стал наркомом связи. Спецроту немедленно расформировали, а Пепеляева арестовали.

Молчанов понял, что ждать осталось недолго. 12 октября 1936 года Каганович писал Сталину: «У т. Ежова дела идут хорошо. Взялся он крепко

и энергично за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы ведет замечательно и политически грамотно. Но, видимо, часть аппарата, несмотря на то, что сейчас притихла, будет ему нелояльна. Взять, например, такой вопрос, который, оказывается, имеет у них большое значение, это вопрос о звании.

Ведутся разговоры, что генеральным комиссаром останется все же Ягода, что-де Ежову этого звания не дадут и т.д. Странно, что эта «проблема» имеет в этом аппарате значение. Когда решали вопрос о наркоме, этот вопрос как-то не ставился. Не считаете ли, т. Сталин, необходимым этот вопрос поставить?».

Обращение Кагановича к Сталину возымело действие. 27 января 1937 года Ежов получил звание генерального комиссара государственной безопасности и стал щеголять в новенькой форме с большой маршальской звездой на петлицах и на рукаве гимнастерки.

А Ягода пробыл наркомом связи лишь полгода и не успел скроить себе новый мундир.

Еще раньше, 28 ноября 1936 года, Молчанова сняли с должности начальника СПО ГУГБ НКВД и отправили в Минск наркомом внутренних дел. Гая (Штоклянда) тогда же откомандировали из Москвы в Иркутск — начальником УНКВД по Восточно-Сибирскому краю. Время тянулось в ожидании ареста. 3 февраля 1937-го за ними пришли.

Гай долго отказывался давать показания на Тухачевского, Уборевича, Корка и других военачальников.

— Что же делать, — сказал Николай Галактионович Николаев-Журид, сменивший Гая на посту

начальника военной контрразведки, — давайте набьем ему морду.

Гая привели на допрос. Следователь задал ему какой-то вопрос и, прежде чем тот ответил, врезал ему по лицу. Но побои не помогли. Тогда с Гаем встретился сам нарком Ежов и пообещал сохранить ему жизнь. Гай поверил и все подписал.

Из того Молчанова, которого знали в НКВД, — «темный шатен с простым и приятным лицом, выше среднего роста, крепко сбитый и внешне суховатый» — «ежовские соколы» быстро сделали «худого и сгорбленного человека с седой головой, который всего боялся».

Почему Молчанов, хорошо знавший, какая участь его ждет в случае ареста, не застрелился, как выдвигенец из Иваново начальник 1-го отделения СПО ГУГБ НКВД Штейн? Не сбежал за границу, как его заместитель Люшков? Не инсценировал самоубийство и не укрылся под чужими документами, как нарком внутренних дел Украины Александр Иванович Успенский?

Боялся за семью? Но ее все равно репрессировали. Верил в «длинные руки НКВД», которые достанут и за кордоном? В силу созданного им оперативного учета и розыска от чего не спастись даже в самых глухих местах?

А может, хотел поторговаться: сохранить жизнь и свободу, получить хлебную должность в обмен на сокровища, найденные в верховьях реки Вах и перепрятанные им после «несчастливого случая с Долгиревым на охоте» около селения Большетархово.

Протоколы первых допросов после ареста, где речь шла как раз об этой «делке» со следствием, из дела изъяты.

Историк Борис Вадимович Соколов в книге «Наркомы страха» после изучения протокола обыска, проведенного с 25 марта по 5 апреля 1937 года на квартире Ягоды в Кремле, кладовой в Милютинском переулке (дом 9), на его даче в Озерках, а также в кабинете в здании Наркомата связи, заметил: «Ювелирных изделий в описи почти нет — представлены лишь пятью золотыми часами».

«Неужели Генрих Григорьевич, собравший неплохую коллекцию антиквариата, к золоту и бриллиантам был абсолютно равнодушен? Вряд ли, — считает Соколов, — тем более что Ягода имел прямое отношение к нелегальной торговле бриллиантами из конфискованных частных церковных и царских коллекций...».

На первом же допросе после ареста Ягоды 28 марта 1937-го речь зашла как раз об этой торговле: «Почему Ягода закрывал глаза на сомнительные операции с драгоценностями, которые проделывал Александр Яковлевич Лурье, служивший в инженерно-строительном отделе НКВД, несмотря на то, что в 1923 году исключался из партии как «чуждый элемент»?»

Но драгоценности и валюту Ягода не выдал — это явилось бы лишним доказательством хищения государственного имущества в особо крупных размерах.

Этот факт навел историка Соколова на мысль, что «Ягода где-то устроил тайник». Но где? Соколов предположил: «у своего секретаря Павла Петровича Буланова, расстрелянного вместе с Ягодой по делу «правотроцкистского блока».

На допросе 13 мая 1937 года Ягода признался, что у Буланова хранился «нелегальный валютный

фонд, который был мною создан в целях финансирования моей контрреволюционной деятельности, в целях «покупки» нужных мне людей».

Но золото и бриллианты Ягода спрятал в другом месте. Например, на даче в Гильтищево под Москвой, на Ленинградском шоссе, куда он любил ездить вместе с Надей-Тимошей.

Повариха Ягоды Агафья Сергеевна Каменская показала: «Ягода приезжал в Гильтищево обычно днем... С ним всегда бывала Надежда Алексеевна, молодая красивая женщина».

Тимоша — единственная уцелевшая из близкого окружения Ягоды. После расстрела всевластного любовника ей разрешили организовать музей Горького. Директором этого музея назначили Ивана Капитоновича Луппола, философа и академика. Через два года они поженились и уехали в свадебное путешествие в Грузию. Надежда Алексеевна вернулась в Москву одна — Луппола арестовали. Он сидел в Смоленске в одной камере с Николаем Вавиловым, и оба умерли от голода. У Тимоши было еще несколько мужей, с которыми она так и не обрела счастья. А ее дочь Марфа Максимовна Пешкова, одна из немногих подруг дочери Сталина Светланы Аллилуевой, стала женой Серго Лаврентьевича Берия — сына еще одного руководителя НКВД.

Чекист-писатель Бухбанд, сопровождавший Молчанова в июле 1935 года в экспедиции по Иртышу, не закончил книгу «Перековка», рассказывающую о строительстве Остяко-Вогульска и «счастливой жизни» туземцев и спецпереселенцев. Его перевели в Сталинград начальником областного управления милиции и расстреляли. Пьесы Бухбанда запретили.

И другие участники той экспедиции ушли из жизни «по чекистским понятиям»: не от руки врага, а от руки ОГПУ.

Никого из них Сталин не вспомнил. Только Молчанова. 2 марта 1937 года на вечернем заседании пленума ЦК, в самом конце доклада Ежова, Сталин спросил: «А как все-таки с Молчановым? Какова судьба его? Арестован он или нет?». Ежов ответил: «Да, арестовали, товарищ Сталин, сидит».

Бывший руководитель советского политического сыска «сидел» восемь месяцев. Всех его подельников по «заговору в органах НКВД» расстреляли: Гая (Штоклянда), Прокофьева, Эдельмана, Ткалуна... А Молчанов «сидел».

Только 3 октября 1937 года Сталин, Каганович и Молотов утвердили его расстрел.

Но никто не слышал о приведении этого приговора в исполнение. Никто не видел места захоронения Молчанова. Никто не знает, где находятся перепрятанные им ценности Сибирского белого движения.

Так что клад «советского Зубатова», вполне возможно, еще ждет в окрестностях села Больше-тархово своего графа Монте-Кристо.

Приложение 3

...Пьеса «Полковник Лавров» издана в 1925 году во Владивостоке в издательстве «Книжное дело» и ставилась на сценах военных клубов.

Написал пьесу Яков Арнольдович Бухбанд, который работал под началом Долгирева в Грозненской и Терской чека в должности начальника оперативного штаба. Поэтому фактический материал является достоверным. Бухбанд — комиссар-интернационалист Красной армии. В боях с колчаковцами он попал в руки врагов и был приговорен к смертной казни. Дерзкий побег из-под стражи вернул его в ряды бойцов незримого фронта.

Эта пьеса хранится в фондах библиотеки имени Ленина в Москве. Нам ее выслали в микрокопии на пленке, и с ее содержанием мы познакомились через специальный проектор.

Список действующих лиц пьесы открывается фамилией председателя губчека Долгирева. Далее следуют сотрудники ЧК, а затем перечисляются фамилии белобандитов во главе с атаманом Лавровым. Всего в пьесе занято 19 человек. Пьеса имеет подзаголовок «Эпизод из жизни ЧК». Она подробно освещает борьбу с самой многочисленной и хорошо вооруженной конной бандой полковника Лаврова — ставленника барона Врангеля в контрреволюции на Северном Кавказе.

В первых двух действиях пьесы перед нами разворачивается картина ужасов в стане атамана Лаврова. Здесь лютая ненависть к Советской власти переплетается с маразмом и садизмом. Кровавые налеты на станицы, грабежи и убийства, насилие и умерщвление женщин — вот что характеризует остатки белогвардейского воинства.

Третье действие пьесы происходит в кабинете председателя губчека. Здесь Долгирев допрашивает перебежчика Кузнецова из банды, а также отца Макария, который, находясь в банде, превзошел своей жестокостью и разворотом самого атамана. Этого «святошу» чекисты без шума вывезли из лагеря и доставили на допрос прямо в кабинет председателя губчека. Чекисты уточняют состав банды, ее вооружение, дислокации и принимают хитрый тактический план разгрома белобандитов.

Заключительное четвертое действие пьесы показывает уничтожение банды. Вот она окружена значительными силами чекистов в «Воинском лесу» Ставрополья. Бандиты в смятении ведут неуверенный оборонительный бой. Смертельно раненный Лавров со своей сожительницей трепещут перед неотвратимым наказанием. Банда перестает существовать. На Ставрополье крепко и навсегда устанавливается Советская власть.

Пьеса читается с большим интересом. По ней мы прослеживаем одну из блестящих операций первых чекистов Ставрополья под командованием Николая Алексеевича Долгирева — нашего земляка-революционера.

Газета «Ленинская правда» Сандовского района Калининской области, 15 августа 1978 года.

Таинственное из жизни вогулов

Вогулы живут под восточным склоном Северного Урала, там, где с запада им граничит понизовье Оби.

Еще недавно воинственный, бодрый, знавший, как топить, добывать из руд Урала железо, медь, серебро, имевший торговые сношения с соседями, войны, народ этот совсем упал, совсем превратился в первобытного дикаря и так далеко ушел от нашествия цивилизации в свои непроходимые леса, так забился в глушь своей тайги, так изолировался, что, кажется, уже больше не покажется на мировой сцене, а, тихо вымирая, сойдет вовсе с лица планеты. Откуда он пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов его вдви-

нули сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое, но его типичные черты — хотя вогулы уже слились давно с монгольскими племенами, заимствовали от них обычаи, верования — еще до сих пор напоминают юг, другое солнце: кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий выдающийся нос, благородное открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий, смелый взгляд — ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями, передвижениями в великой Азии народов...

Сжатые соседями, загнанные в глушь лесов, они стараются всеми силами отстаивать свою самобытность, для них чуждо все на свете, им не нужны ни цивилизация, которую они презирают, ни соседи, в которых они изверились. И, живя весь свой век среди природы своей новой родины, они берут от нее то, что она может дать им в своих непроходимых, в полном смысле слова, девственных лесах, в своих реках, озерах. Но даже и тут они пользуются ею только для поддержания своей жизни, словно познав всю тщету богатства, торговых сношений. Всю бесцельность своего существования на земном шаре.

Но весь их интерес, вся их пытливая чуткая душа ушла в тот неведомый мир духов, в ту сферу их верований, которыми они живут, который их занимает.

Они ничто так не любят слушать по зимним долгим вечерам от своих шаманов, посвященных в этот мир людей, как рассказы о том, как когда-то существовали духи, жили на земле, сражались за их обладание, руководили ими, делали чудеса, оставляли памятники и населяли собой мир. И этот таинственный мир для них лучше всего, что они знают о земле, что составляет уже второстепенные, хотя сильные удовольствия, как-то: охота, музыка, пение, былины и сказки.

*К.Д. Носилов. У вогулов: Очерки и наброски.
М.: Издание А.С. Суворина, 1904.*

**Гл. военная прокуратура
Майору юстиции тов. Ожигову**

На постановленный вами вопрос отвечаю. Поэта Сергея Антоновича Клычкова я знал за период с 1932 по 1938 год по моей работе в Госполитиздате в качестве директора.

С.А. Клычков печатался до революции с 1909 года.

После революции он печатался в журнале «Красная Новь» приблизительно с 1925 года. Клычков принадлежал к группе крестьянских поэтов и был близок с поэтом Есениным... По духу своему произведения Клычкова представляли настроение и думы бунтарского крестьянства. Это были демократические, но не организованные настроения.

Политически Клычков был явно необразованным человеком, влюбленным в старый крестьянский быт, не разбиравшимся в политических учениях и даже небрежным к ним.

Поэтому его произведения в советский период печатались мало. Он материально и психологически воспринимал это, как гонения на крестьянскую поэзию. Поэтому он в последние годы начал заниматься переводами с национальных языков, главным образом фольклора, в частности очень хорошо перевел с мансийского (вогульского) языка героический эпос.

Но и в этих произведениях имелись мелкие принципиальные ошибки. Элементы стихийного национализма. Поэтому и это очень большое произведение встречало затруднение в издании.

Клычков материально бедствовал, и главным образом, пожалуй, вследствие склонности к алкоголизму. Пожалуй, это было главной причиной его неустроенности. В последнее время он был физически распавшимся человеком, на почве алкоголизма болел и почти не работал.

27.02.1956 г.

Н.Н. Накоряков

Центральный архив ФСБ Российской Федерации.

Примечание. Клычков Сергей Антонович (р. 1889), поэт, нештатный редактор Госполитиздата. Расстрелян 8.10.1937 г. в Москве.

Накоряков Николай Никандрович (1881—1970), писатель, публицист, руководитель Государственного издательства художественной литературы. Арестован в 1938 г., провел много лет в лагерях НКВД. Реабилитирован в 1956 г.

Алексею Максимовичу Горькому

Вы не только наш самый дорогой писатель, один из первых создателей и блестящих представителей пролетарской культуры — Вы наш очень любимый человек...

Мы моложе Вас — но мы учимся у Вас политической вере в нового человека, страстному и деятельному отношению к действительности и подлинной чуткости.

Дорогой и милый Алексей Максимович, любовь к Вам и общение с Вами рождает счастье борьбы за новое, ярость против старого и желание быть лучшим работником того дела и той армии, в рядах которой идете Вы, лучший писатель нового человечества, — Вы, как будто пришедший из коммунистического завтра, — Вы, старший и родной товарищ.

25.9.1932 г. Москва. Генрих Ягода, Леопольд Авербах, Владимир Киришин, Семен Фурин, Ида Авербах, Яков Бухбанд...

Примечание. Авербах Леопольд Леонидович (р. 1903), один из основателей и руководителей РАПП, редактор журнала «Молодая гвардия» и газеты «Уральская правда». Был женат на Елене Владимировне Бонч-Бруевич, дочери управляющего делами Совнаркома СССР. Мать Авербаха — родная сестра Я.М. Свердлова. Ида Леопольдовна Авербах — жена Ягоды — издала в 1936 г. под руководством прокурора Советского Союза А. Вышинского свою книгу «От преступления к труду». Один из тезисов этого произведения таков: «Роль лагерей возрастает...».

В 1936—1937 гг. Л.Л. Авербах был секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б) г. Свердловска. Расстрелян. В его показаниях есть такое признание: «Я действительно причастен к делу Ягоды в том отношении, что на протяжении нескольких лет я, не работавший в НКВД, жил на дачах НКВД, получал продукты от НКВД, часто ездил на машинах НКВД. Моя квартира отремонтировалась НКВД, и НКВД же старая квартира была обменена на новую. Мебель из моей квартиры ремонтировали на мебельной фабрике НКВД. По отношению ко мне проводилась линия такого иждивенчества, услужливого и многостороннего. Я понимал, что это делается мне не по праву, а как родственнику Ягоды».

Авербах называл на допросах Ягоду «местечковым менялой, почувствовавшим себя на международной бирже в кресле Ротшильда, местечковым комбинатором, подлежащим ликвидации».

Киршон Владимир Михайлович (р. 1902), советский писатель, драматург, с 1934 г. член президиума правления Союза писателей. Использовался НКВД во внутрикамерной разработке Ягоды. Расстрелян.

Фирин (Пупко) Семен Григорьевич (р. 1898), зам. начальника ГУЛАГ НКВД, старший майор госбезопасности. Расстрелян.

**Комиссару государственной безопасности
2-го ранга тов. Паукеру
Рапорт**

Доношу, что среди спецрасходов 1-го отделения адм.-хоз. управления НКВД за 1936 г. имелись ниже следующие расходы (данные примерные, ибо все квитанции сожжены).

По линии Ягоды на содержание дома отдыха «Озерки», дач «Лиза» и Гильтищево, квартир в Кремле, в Милютинском переулке, 9 и на Тверской, 29, на разные ремонты, благоустройство парков и посадку цветов, отопление, освещение, очистку пруда, ремонт и

смену мебели с 1.01. по 1.10.36 израсходовано 605000 руб.

Оплата штата по всем точкам за 9 месяцев с 1.01. по 1.10.36 г. составила 94500 руб.; питание для дач и квартир — по 50000 руб. в месяц; за 9 месяцев — 450000 руб.

Итого: 1149500 рублей.

Регулярно снабжались продовольствием сестры Ягоды: Эсфирь, Таисия и Роза. Кроме того, посылались периодически посылки его отцу Григорию Филипповичу, Леопольду Авербаху и Фридлянду за счет 1-го отделения АХУ. Содержались и обставлялись дачи Розе и Эсфири в Краскове, Таисии и Григорию Филипповичу в Жуковке. Бывали пошивки обуви и одежды. Отец жены Ягоды Леонид Авербах имел дачу на Зубаловском шоссе. Эксплуатация этой дачи полностью происходила за счет 1-го отделения АХУ. За 9 месяцев расход составил около 20000 рублей.

По объекту Горки-10 — семья А.М. Горького — обслуживалось три точки: дом 10, Мал. Никитинская и дом в Крыму «Тессели». Каждый год производились большие ремонты, тратилось много денег на содержание парков и посадку цветов, был большой штат обслуживания (это при общем сокращении штатов), менялась и добавлялась мебель и посуда. Что касается снабжения продуктами, то все давалось без ограничения.

Кроме того, в 1936 г. куплена, капитально отремонтирована и обставлена мебелью дача в деревне Жуковка, № 75 (для Надежды Алексеевны). В общей сложности это стоило 160000 руб.

Карахан.

Состоял на снабжении все время. В его пользование были предоставлены дача на станции Быково и большая квартира в Москве на ул. Мал. Никитинская, 28. Расход за продовольствие, содержание штата и дачи около 45000 руб.

Писатели.

До отмены карточной системы Киршон пользовался пайками. В последнее время посылались пери-

одические посылки и молочные продукты, за которые Киршон вносил деньги.

Что касается мебели, сделанной Бутырским изолятором, и банкетов по случаю постановки новых пьес, то эти расходы частично оплачивались Киршоном.

В 1935 г. на квартире Киршона произведен ремонт стоимостью около 40000 руб., а в прошлом году — мелкие поделки.

Писатель Афиногенов получил много мебели из Бутырского изолятора, и за счет 1-го отделения был оплачен банкет.

Шолохову купили разных предметов из ширпотреба на общую сумму 3000 руб.

1-е отделение АХУ оплачивало аренду за особняк, где живет художник Корин. Обслуживание особняка, доставку топлива, уборку двора и пр. производило 1-е отделение АХУ. Известны случаи оплаты счетов за мебель Бутырского изолятора. Произведено расходов на сумму около 10000 руб.

На постоянном снабжении находились тт. Дейч, О.Ю. Шмидт. Им пайки посылались в пятидневку раз, что за год составило 54000 руб.

Мать Островского тоже все время снабжалась продуктами. Пайки посылались в пятидневку примерно на 400 руб.

Периодически посылки получал Катанян. Пайки давались с вином. Стоимостью 1000 руб.

Содержание дачи Г.М. Леплевского в Томилино производилось за счет 1-го отделения АХУ. В 1936 г. производился ремонт дачи примерно на 4000 руб.

Показывая упомянутые расходы в суммарном выражении, получается следующее.

Содержание «Озерков», дач и квартир Ягоды — 1149500 руб. Израсходовано на снабжение и обслуживание родственников Ягоды — 165000 руб.

Расходы на Горки-10 — 1010000 руб.

Капитальный ремонт и покупка дачи Надежде Алексеевне — 160000 руб.

Израсходовано на постройку и обстановку дачи на Кавказе в Цхалтубо — 755000 руб.

Всего истрчено на содержание Ягоды и его ближайшего окружения 3718500 руб.

Расходы подсчитаны за 9 месяцев, т.е. с 1.01 по 1.10.36 г. После смены руководства НКВД и начальника АХУ подобное расследование государственных средств на Ягоду прекратилось.

Тов. Буланов снабжался полностью: продукты посылались на дачу, квартиру и периодически во время поездок на рыбную ловлю. На даче все время производились ремонты и работы по устройству территории. В общей сложности расходы на обслуживание Буланова за 1936 г. составили 105000 руб.

Снабжение семьи Островского происходило по трем направлениям: дача, квартира и кабинет. На дачу давались большие посылки, содержался штат, сажались цветы, делались ремонты и пристройки. Квартира снабжалась продуктами, мебелью и драпировками. В кабинет давались продукты, а, кроме того, иногда шелковые и драповые отрезы, заграничные пластинки и духи.

Каменская Агафья Сергеевна, 1871 г.р., повариха. До 1924 г. работала по часовой оплате. В 1924 г. по протекции курьерши Маруси Шибановой поступила в штат ОГПУ... В 1933 г. работала в ХОЗУ ОГПУ, поступила на дачу Ягоды (Ленинградское шоссе). Пробывала там до осени 1936 г. Ее называли «ангелом-хранительницей» тайн.

Ягода приезжал в Гильтищево обычно днем, оставался, когда там бывала Надежда Алексеевна. Каменская подавала чай, иногда обед, закуски. Получала и у Ягоды, и у Буланова 220 руб. в месяц.

Продукты привозил Маров.

На даче в сторожке еще жил сторож Василий Григорьевич. Руководил ремонтниками.

4.4.1937 г.

Цилинский

Примечание. Паукер Карл Викторович (р. 1893), с 1936 г. начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД. Расстрелян.

Жена Ягоды — Ида Леопольдовна Авербах, сестры — Эсфирь Знаменская и Лилия Ягода — расстреляны в 1938 г. Отец, мать и сестра Розалия Шохар умерли в лагерях. Пережили ГУЛАГ только сестра Фрида Фридлянд и Таисия Мордвинкина, а также сын Ягоды Генрих.

Карахан Лев Михайлович (р. 1889), советский дипломат, зам. наркома иностранных дел СССР. Расстрелян.

Дейч Макс Абелевич (р. 1886) — во время Гражданской войны председатель Саратовской и Одесской ЧК, затем член Комиссии советского контроля при СНК СССР. Расстрелян.

Шмидт Отто Юльевич — знаменитый полярник-челюскинец.

Леплевский Григорий Моисеевич (р. 1894) — зам. прокурора СССР в 1934—1938 гг. Брат Израиля Леплевского, наркома внутренних дел Украины. Расстреляны.

Островский Иосиф Маркович (р. 1895), с 1934 г. начальник АХУ НКВД СССР. Расстрелян.

Катанян Рубен Павлович (р. 1881), зав. Агитпропом ЦК РКП(б) в 1920 г., начальник ИНО ВЧК в 1921 г., затем в прокуратуре старший помощник прокурора СССР по «спецделам». В 1938 г. арестован, находился в лагерях до 1955 г.

Буланов Павел Петрович (р. 1895) — секретарь НКВД СССР. Расстрелян.

Протокол обыска

1937 года, апреля 8 дня, мы, нижеподписавшиеся, комбриг Ульмер, капитан госуд. безопасности Деноткин, капитан госуд. безопасности Бриль, ст. лейтенант госуд. безопасности Березовский и ст. лейтенант госуд. безопасности Петров, на основании ордеров НКВД СССР за №№ 2, 3 и 4 от 28 и 29 марта 1937 года в течение времени с 28 марта по 5 апреля 1937 года производили обыск у Г.Г. Ягоды в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Крем-

ле, на его даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

В результате произведенных обысков обнаружено:

1. Денег советских — 22997 руб. 59 коп., в т.ч. сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.

2. Вин разных — 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 гг.

3. Коллекция порнографических снимков — 3904 шт.

4. Порнографических фильмов — 11 шт.

5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких — 11075 шт.

6. Табак заграничный — 9 короб.

7. Пальто мужских разных, большинство из них заграничных — 21 шт.

8. Шуб и бекеш на беличьем меху — 4 шт.

9. Пальто дамских разных заграничных — 9 шт.

10. Манто беличьего меха — 1 шт.

11. Котиковое манто — 2 шт.

12. Каракулевых дамских пальто — 2 шт.

13. Кожаных пальто — 4 шт.

14. Кожаных и замшевых курток заграничных — 11 шт.

15. Костюмов мужских разных заграничных — 22 шт.

16. Брюк разных — 29 пар.

17. Пиджаков заграничных — 5 шт.

18. Гимнастеров коверкотовых защитного цвета — 32 шт.

19. Шинелей драповых — 5 шт.

20. Сапог шевровых, хромовых и др. — 19 пар.

21. Обувь мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной — 23 пары.

22. Обувь дамской заграничной — 31 пара.

23. Бот заграничных — 5 пар.

24. Пьекс — 11 пар.

25. Шапок меховых — 10 шт.

26. Кепи (заграничных) — 19 шт.

27. Дамских беретов заграничных — 91 шт.

28. Шляп дамских заграничных — 22 шт.

29. Чулок шелковых и фильдеперсовых заграничных — 130 пар.
30. Носков заграничных, преимущественно шелковых — 112 пар.
31. Разного заграничного материала, шелковой и др. ткани — 24 отреза.
32. Материала советского производства — 27 отрезков.
33. Полотна и разных тканей — 35 кусков.
34. Заграничного сукна — 23 куска.
35. Отрезков сукна — 4 куска.
36. Коверкот — 4 куска.
37. Шерстяного заграничного материала — 17 кусков.
38. Подкладочного материала — 58 кусков.
39. Кож разных цветов — 23.
40. Кож замшевых — 14.
41. Беличьих шкурок — 50.
42. Большие наборные куски беличьих шкурок — 4.
43. Каракулевых шкурок — 43.
44. Меха — выдра — 5 шкурок.
45. Черно-бурых лис — 2.
46. Меха лисьих — 3.
47. Меха разных — 5 кусков.
48. Горжеток и меховых муфт — 3.
49. Лебединых шкурок — 3.
50. Меха — песец — 2.
51. Ковров больших — 17.
52. Ковров средних — 7.
53. Ковров разных — шкуры леопарда, белого медведя, волчьи — 5.
54. Рубах мужских шелковых заграничных — 50.
55. Мужских кальсон шелковых заграничных — 43.
56. Мужских верхних рубах шелкового полотна заграничных — 29.
57. Рубах заграничных «Егер» — 23.
58. Кальсон заграничных «Егер» — 26.
59. Патефонов (заграничных) — 2.
60. Радиол заграничных — 3.
61. Пластинок заграничных — 399 шт.

62. Четыре коробки заграничных пластинок ненаигранных.
63. Поясов заграничных — 42.
64. Поясов дамских для подвязок заграничных — 46.
65. Поясов кавказских — 3.
66. Носовых платков заграничных — 46.
67. Перчаток заграничных — 37 пар.
68. Сумок дамских заграничных — 16.
69. Юбок — 13.
70. Костюмов дамских заграничных — 11.
71. Пижама разных заграничных — 17.
72. Шарфов разных, кашне и шарфиков заграничных — 53.
73. Блузок шелковых дамских заграничных — 57.
74. Галстуков заграничных — 34.
75. Платьев заграничных — 27.
76. Сорочек дамских шелковых заграничных — 68.
77. Кофточек шерстяных вязаных заграничных — 31.
78. Трико дамских шелковых заграничных — 70.
79. Несессеров заграничных в кожаных чемоданах — 6.
80. Игрушек детских заграничных — 101 компл.
81. Больших платков дамских шелковых — 4.
82. Халатов заграничных шелковых, мохнатых — 16.
83. Скатертей ковровых, японской вышивки заграничных, столовых, больших — 22.
84. Свитеров шерстяных, купальных костюмов шерстяных заграничных — 10.
85. Пуговиц и кнопок заграничных — 74 дюж.
86. Пряжек и брошек заграничных — 21.
87. Рыболовных принадлежностей заграничных — 74 пред.
88. Биноклей полевых — 7.
89. Фотоаппаратов заграничных — 9.
90. Подзорных труб — 1.
91. Увеличительных заграничных аппаратов — 2.

92. Революверов разных — 19.
93. Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок — 12.
94. Винтовок боевых — 2.
95. Кинжалов старинных — 10.
96. Шашек — 3.
97. Часов золотых — 5.
98. Часов разных — 9.
99. Автомобиль — 1.
100. Мотоцикл с коляской — 1.
101. Велосипедов — 3.
102. Коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновой кости, янтарь и др), большая часть из них порнографических — 165.
103. Коллекция музейных монет.
104. Монет иностранных желтого и белого металла — 26.
105. Резиновый искусственный половой член — 1.
106. Фотообъективы — 7.
107. Чемодан «Цейс» — 1.
108. Фонари для туманных картин — 2.
109. Киноаппарат — 1.
110. Приборов для фото — 3.
111. Складной заграничный экран — 1.
112. Пленок с кассетами — 120.
113. Химических принадлежностей — 30.
114. Фотобумаги заграничной — больших коробок — 7.
115. Ложки, ножи и вилки — 200.
116. Посуда антикварная разная — 1008 пред.
117. Шахматы слоновой кости — 8.
118. Чемодан с разными патронами для революверов — 1.
119. Патронов — 360.
120. Спортивных принадлежностей (коньки, лыжи, ракетки) — 28.
121. Антикварных изделий разных — 270.
122. Художественных покрывал и сюзане — 11.

123. Разных заграничных предметов (печи, ледники, пылесосы, лампы) — 71.
124. Изделия Палех — 21.
125. Заграничная парфюмерия — 95 пред.
126. Заграничные предметы санитарии и гигиены (лекарства, презервативы) — 115.
127. Рояль, пианино — 3.
128. Пишущая машинка — 1.
129. К.-р. троцкистская, фашистская литература — 542.
130. Чемоданов заграничных и сундуков — 24.

Опись составили:

(подписи)

Центральный архив ФСБ Российской Федерации.

«Тов. Ягода! Я совершил весьма тяжелое, ужасное преступление перед партией — товарищем Сталиным. Будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным я сказал, что «надо убрать Сталина, все равно его уберут...». Мне тяжело вновь повторить содержание разговора, подробности которого известны.

Это ужасное преступление я совершил не потому, что я контрреволюционер или оппозиционер, что я не разделяю генеральную линию партии. Я не состоял в антипартийных организациях и не вел подпольную борьбу с партией. Нет, не потому. Это я Вам докладываю совершенно точно. И это можно доказать всей моей прошлой общественно-политической и общественной работой...

Это гнусное преступление я совершил под влиянием двух факторов: а) под влиянием личной неудовлетворенности своим служебным положением и занимаемой должностью и б) под влиянием партийных разговоров с некоторыми близкими мне большевиками («старыми» большевиками), фамилии которых следствию известны.

Под влиянием указанных факторов и я стал катиться на путь двурушничества. Правда, говорил, писал, выступал (и очень часто) за тов. Сталина, но побороть окончательно влияние товарищей, влияние

шушукующей публики не мог. И вот вырвалось все это по адресу вождя партии, по адресу тов. Сталина в такой гнусной форме и словах.

Теперь, сидя в одиночестве (в изоляторе), продумав всесторонне свой гнусный поступок, поговорив со следователями и тов. Молчановым, я представляю себе весь ужас совершенного мною преступления. Я переживаю, я страдаю, все переношу болезненно. Ведь с таким настроением я мог окончательно скатиться в пропасть, в объятия контрреволюции.

Осознав всю глубину совершенного мною преступления, я готов окончательно и бесповоротно порвать с товарищами и средой, которые оказывали на меня влияние. Я прошу партию и умоляю (Вас в частности, тов. Ягода) дать мне возможность искупить свою вину перед партией, перед вождем партии тов. Сталиным. Я умоляю Вас, если возможно, верните меня в органы НКВД, дайте мне самое опасное поручение, пошлите меня в самые опасные места, пошлите меня на границы СССР (Сибирь, Маньчжурия, Монголия, Туркестан — все равно), где бы я мог вновь своей кровью, своими подвигами еще раз доказать свою преданность партии, Сталину, искупить свою вину. Ничего мне не жаль, ни семью, ни малолетнюю дочь, ни инвалида престарелого отца, мне жаль до жгучей боли имя старого боевого командира Красной армии «Гая», которое я так необдуманно осрамил.

Тов. Ягода, мне очень больно об этом говорить. Вам, старому организатору и командиру Красной гвардии и армии, все это должно быть известно.

Я не могу, я не хочу, я не мыслю себя вне рядов славной ленинско-сталинской партии ВКП(б).

Умоляю еще раз партию простить меня и дать возможность своей кровью искупить свою вину.

Гая Гай

В камере темно, да и слезы мешают писать.

Ноябрь 1935 г.»

Центральный архив ФСБ Российской Федерации.

Протокол

1938 года, февраля 25 дня, начальник следственного отдела прокуратуры Союза СССР Шейнин Л.Р., руководствуясь ст. 207 УПК, объявил гражданину Ягода Г.Г. о том, что предварительное по его делу следствие закончено, на что Ягода Г.Г. заявил, что дополнить следствие не может, со своим делом знаком, заявлений к прокурору СССР нет. Иметь защитника не желает.

Протокол мне объявлен:

Г. Ягода

Ильинский М.М. Нарком Ягода. М.:

Эксмо; Яуза, 2005. С. 22–23.

Из воспоминаний И.А. Чернова

«...Как-то ко мне подсадили в камеру писателя Леву Шейнина... Скуповатый, он, Лева, как что получит из тюремного ларька — нипочем не поделится, а так ничего, байки разные рассказывал, советовался со мной. «Знаешь, — говорит, — я юрист не из последних, как-никак государственный советник юстиции 2-го класса, по-вашему генерал-лейтенант, а в своем деле ни хрена понять не могу!». Выслушал он мое мнение и похвалил: «Молодец ты, Иван Александрович, здорово умеешь раскладывать все по полочкам».

От него я узнал, что Берию посадили. Шейнину, понятно, этого не сказали, но Лева башковитый — по характеру записей в протоколе допроса сам обо всем догадался и тут же написал письмо Хрущеву, они друг с дружкой давно знакомы. Главное, был случай, когда Лева ему добро сделал: входил в комиссию, которая по заданию Политбюро что-то проверяла на Украине, и составил справку в пользу Хрущева. И Руденко ходил у него в дружках, тоже, видно, замолвил словечко — в общем, Леву вскоре выпустили...».

Примечание. Чернов Иван Александрович (1906–1991) , начальник секретариата Министерства безо-

пасности СССР, арестован в июле 1951 г. по делу Виктора Семеновича Абакумова, министра МГБ СССР.

Шейнина Л.Р. (1906—1967) уволили из прокуратуры СССР в 1948 г., в 1951 г. арестовали. В 1953 г. освободили и реабилитировали.

Руденко Роман Андреевич (1907—1981), с 1944 г. прокурор Украинской ССР, одновременно в 1945—1947 гг. главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе (Шейнин был у него помощником). С 1953 по 1981 год Руденко — Генеральный прокурор СССР.

Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину

Товарищ Сталин!

Я не позволила бы себе беспокоить Вас, если бы обстоятельства сложившегося моего быта, в особенности за последнее время, не приняли бы, на мой взгляд, извините меня — совершенно недопустимо несоветский характер.

Коротко говоря, дело мое сводится к следующему. Я жена в прошлом ответственного оперативного работника Молчанова Г.А., бывшего начальника СПО НКВД СССР. Разумеется, после того, как мой муж оказался в рядах изменников Родины, я, его жена, оставаясь коммунисткой, твердо стоявшей на позиции ЦК партии, я повторяю, имела основание рассчитывать на репрессию и по отношению к себе. Так оно и случилось. По постановлению Особого совещания по статье «контрреволюционная деятельность» я была осуждена на 5 лет лагерей, которые отбывала, после чего вернулась к себе домой. А спустя четыре года по общему положению была выселена в Красноярский край. Но прошу поверить, тов. Сталин, я пишу не о себе и хлопочу не за себя. Дело в том, что удар по Молчанову рикошетом отразился не только на мне, но и на моей дочери, больше того, даже на ее муже. Не загромождая обращение к Вам излишними подробностями, я только считаю Вам нужным сообщить, что дочери моей Майе в момент ареста ее отца

было около 10 лет, а ее муж Азарий Григорьевич Спектор, совершенно понятно, отродясь не видел и не знал Молчанова. Извините за прямоту, нужно же согласиться, что преступлению моего мужа Молчанова придали, так сказать, распространенный характер, в смысле распространения репрессии на близких к нему людей. Если еще можно в какой-нибудь мере согласиться с необходимостью изолирования меня как жены Молчанова (хотя я категорически настаиваю, что вместе со всеми честными людьми нашей страны осуждаю Молчанова), то это мероприятие применить к моей дочери, которая в десятилетнем возрасте, разумеется, ни в какой мере не могла ни разобраться, ни «сочувствовать» преступлению отца, уж никак невозможно. Если по отношению ко мне мероприятие может квалифицироваться как жестокая необходимость, то оно же по отношению к моей дочери и ее мужу может быть мною объяснено только как ненужная жестокость, словом, не как государственное мероприятие.

При этом самое непонятное состоит в том, все эти незаслуженные и разумом неоправданные бедствия, упавшие на головы молодых, ни в чем не повинных людей, начались спустя 15 лет, а за этот период моя дочь училась в школе, стала комсомолкой, вышла замуж и по понятным всякому непредубежденному человеку причинам не только успела забыть своего отца, но стала жить счастливой, полной советской жизнью. Она уже кончала Институт цветных металлов и, как все наше советское юношество, боготворила Вас и готовилась нести свои добытые знания на службу своей родине.

Заканчивая, я прошу Вас, товарищ Сталин, распорядиться исправить эту допущенную ошибку — несправедливость по отношению к молодым, честным, ни в чем не повинным людям — и отпустить мою дочь и ее мужа домой. К их двухлетнему малышу.

Циммерлинг Сарра Ноевна

ГУВД Красноярского края. Архивное дело
№ 20201 ссыльной высланной Молчановой М.Г.

Оглавление

От автора	5
Об авторе	8
Драма на охоте	9
Чеченский гамбит	24
Хлебное место	32
Закрома Коминтерна	45
Афганские грабли	55
«За отсутствием состава преступления»	66
<i>Приложение 1</i>	70
«Теткины сыновья»	81
Без лица	83
Кто рекомендовал?	92
Свои и чужие	101
Туземный министр	107
Хозяин текстильного края	110
«Советский Зубатов»	117
<i>Приложение 2</i>	127
Сквозняк из могилы	138
По чекистским понятиям	142
Чужими руками	155
Заговор мертвых	161
<i>Приложение 3</i>	172

ПЕТРУШИН Александр Антонович

На задворках Гражданской войны

Книга третья

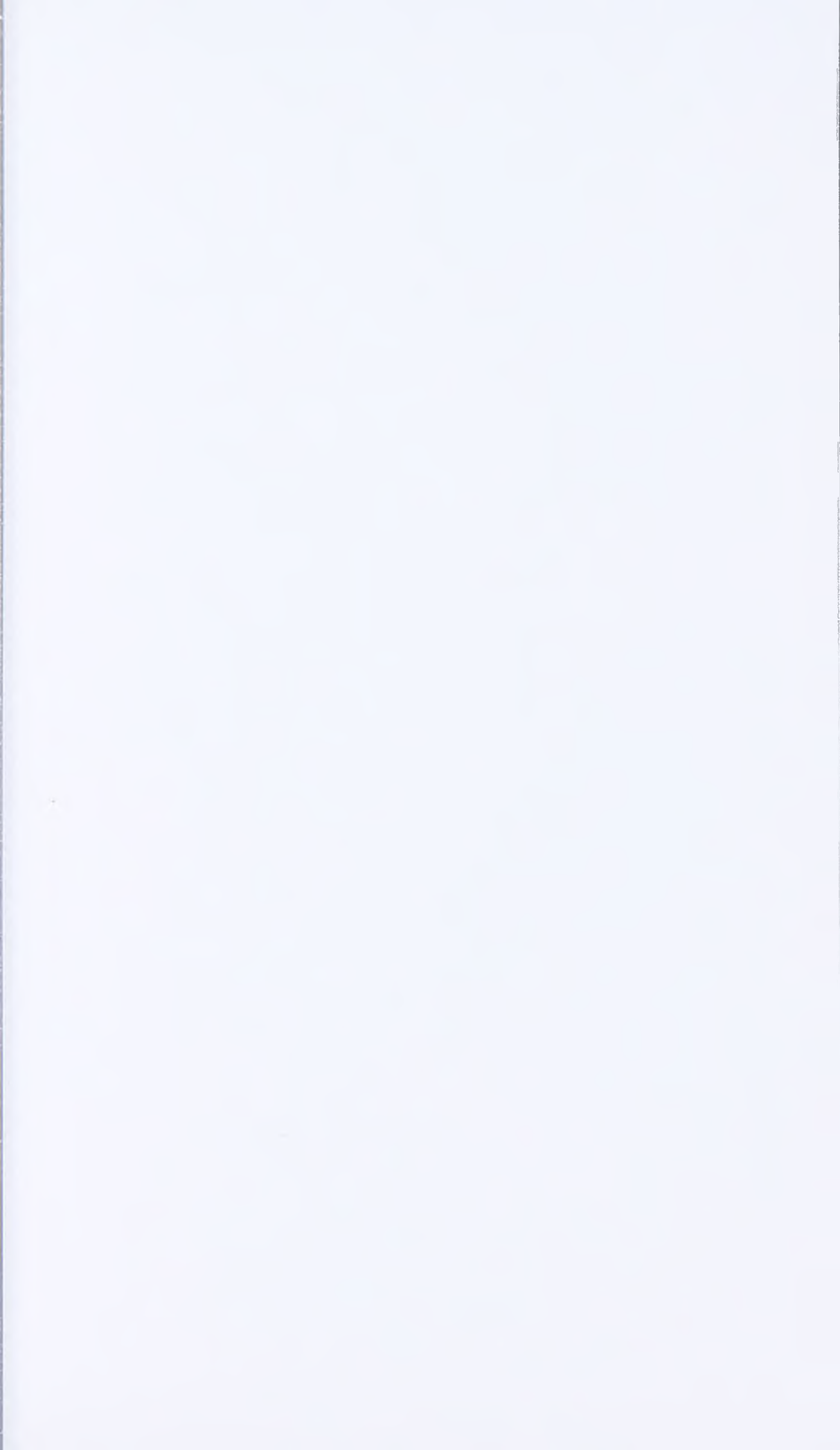
Корректор Н. Тиунова
Художник А. Кухтерин
Фото (вклейка) П. Русанов

Подписано в печать 14.03.2006 г.
Формат 75х90/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 7,5. Тираж 1000. Заказ №549.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на полиграфическом комбинате «Зауралье» (ОАО).
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

60-00

60p

